

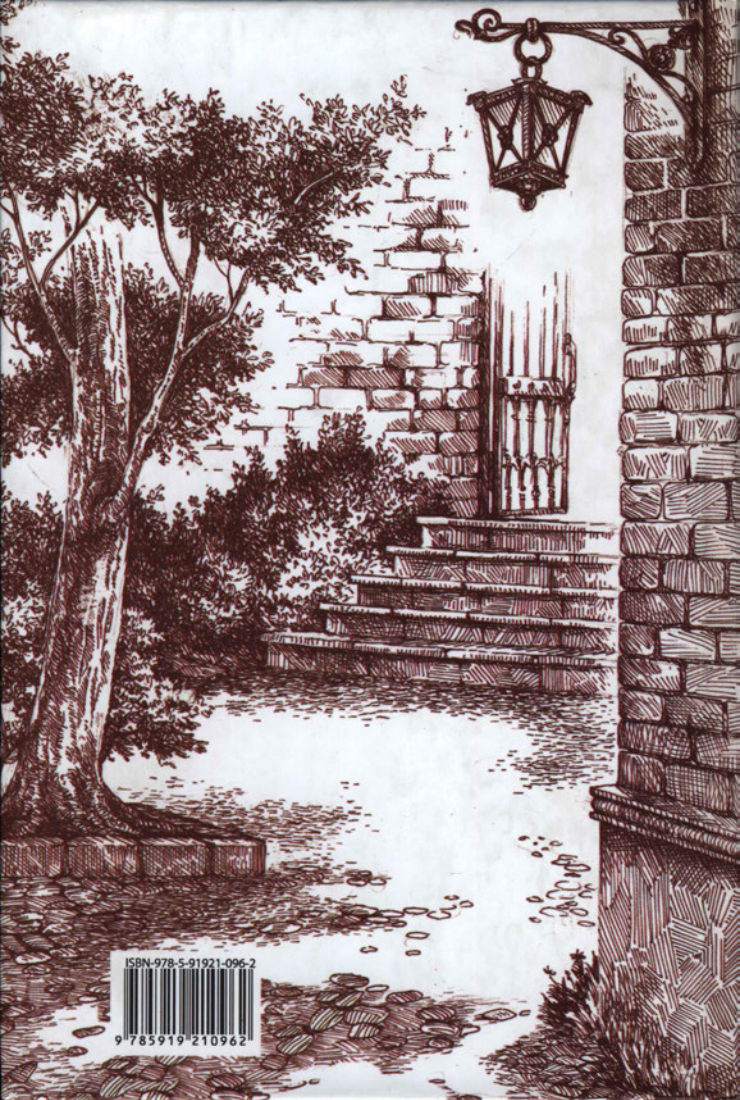
Т. Олдрич

Приключения Тома Белли

Т. Олдрич

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА БЕЛЛИ

ISBN-978-5-91921-096-2

9 785919 210962

3062

Handwritten signature or text in white ink on a dark red background.

Томас Бейли Олдрич

Приключения Тома Белли

*Воспоминания
американского школьника*

Москва
ЭНАС-КНИГА
2012

УДК 82-3
ББК 84-44
О-53

Thomas Bailey Aldrich
The Story of a Bad Boy

Пересказ Т. ГРАББЕ и З. ЗАДУНАЙСКОЙ
Художник А. МАСЕЙКИНА

Олдрич Т. Б.

О-53 Приключения Тома Белли : Воспоминания американского школьника / Томас Бейли Олдрич ; пересказ Т. Граббе и З. Задунайской ; худож. А. Масейкина. – М. : ЭНАС-КНИГА, 2012. – 184 с. : ил. – (Мировая книжка).

ISBN 978-5-91921-096-2

Если бы у литературных персонажей могли быть предки, Том Белли непременно считался бы предшественником Тома Сойера. Книга о нем – это увлекательнейший рассказ об отчаянных сорванцах и проказниках провинциального американского городка Ривермута. Устав от воскресных проповедей и нудных нравоучений, мальчишки создают «Общество Ривермутских Сороконожек», цель которого – «приводить в трепет весь город и дразнить пастора Гаукинса и полицейского Снолли»...

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-096-2

© З. Задунайская, наследники. Пересказ, 2011
© А. Масейкина. Иллюстрации, 2011
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2011

Предисловие от издательства

Американский писатель, поэт и журналист Томас Бейли Олдрич (1836–1907) родился в Портсмуте (штат Нью-Хэмпшир, США), в семье бизнесмена.

Мальчик с юных лет увлекался чтением и мечтал о писательской карьере. Однако смерть отца внесла свои коррективы в планы юноши: ему пришлось оставить мечты о Гарварде и поступить в контору дяди-бизнесмена.

Тем не менее вскоре он стал публиковать свои стихи в газетах и журналах. В 1855 году вышел первый сборник стихов молодого поэта – «Колокола», который был благосклонно принят читателями.

В начале Гражданской войны в США Олдрич был военным корреспондентом; затем работал в нескольких крупных журналах Америки.

Он быстро обрел популярность как поэт, но продолжал писать и прозу. Его перу принадлежит множество рассказов и повестей, несколько романов. В XIX веке произведения Олдрича много издавались в России.

Повесть для юношества «The Story of a Bad Boy» увидела свет в 1870 году и сразу стала бестселлером. Реалистическое изображение «американского детства» имеет под собой автобиографическую основу – Олдрич с юмором и удивительной живостью рассказывает о себе, о своей жизни у деда. Несколько позже именно эту манеру повествования использует и Марк Твен, создавая свои «Приключения Тома Сойера».

На русский язык повесть переводилась несколько раз – и под разными названиями: «Американский школьник» (перевод Е. Бартеневой), «История одного американского школьника» (перевод Н. Васина) и др.

В настоящем издании читатель познакомится с блестящим пересказом этой повести, созданным З. Задунайской и Т. Габбе (книга выходила в 1991 году с названием «Воспоминания американского школьника»).

Глава 1

– Том, – сказал за обедом папа, – через неделю мы едем к дедушке, на север. В Ривермуте ты поступишь в школу.

Я положил вилку.

– Через неделю?.. На север?..

Как же это я уеду через неделю, когда я только что начал строить в нашем саду, за старым колодцем, шалаш из веток?

Позавчера я нашел в кустах гнездо с пятью пестрыми яичками: птенцы ни за что не вылупятся раньше, чем через две недели.

И зачем на север? Соседские мальчики, Джек и Боб, рассказывали мне, что там всегда ужасно холодно и с утра до вечера с неба сыплется снег. Снег – это что-то вроде хлопка, но очень холодного. На севере нет ни цветов, ни зелени, деревьев мало, и они стоят ободранные. Солнце не показывается ни на минуточку,

и люди ходят закутанные с ног до головы в мохнатые шкуры – одни носы торчат из-под шапок.

– Я совсем не хочу ехать на север, – сказал я.

– Почему же ты не хочешь? – спросил папа.

Я рассказал все, что знал о севере.

Папины брови поднялись, как две запятые, и на лбу собрались морщинки.

– Кто набил твою голову такими глупостями?

– Это не глупости. Джек и Боб очень умные мальчики, и они знают это наверняка.

После обеда папа повел меня к себе в кабинет.

– Сядь, Том, и не болтай ногами, – сказал он. – Я расскажу тебе про север.

Вот что рассказал мне папа.

На севере бывает холодно только зимой. Тогда там вправду падает снег, но это очень весело: из него можно лепить мячики-снежки, а со снежных гор можно кататься на санках (это такие тележки без колес). Летом там бывает так же, как у нас: тепло, растет трава, и все ходят без пальто.

Ривермут очень хороший город. Он почти на самом берегу моря, посередине города протекает река. Все ривермутские мальчики умеют грести и управлять лодкой. Мама и папа родились и выросли в Ривермуте. Дедушка живет там постоянно. Он написал папе, что очень хочет познакомиться со своим внуком, – это со мной. Я буду жить у дедушки и учиться в той самой школе, где учился папа.

Дедушка раньше был капитаном на корабле. Он объехал весь свет. Во время кораблекрушения ему повредило ногу сломанной мачтой. С тех пор он немного хромотает и всегда ходит с тростью.

– Теперь я тебе покажу, как мы поедем в Ривермут, – сказал папа. Он выдвинул ящик стола и вытащил большую карту.

– Смотри, Том, вот этот кружок – Новый Орлеан, вот – Бостон. До Бостона мы поплывем на корабле.

Папа красными черточками нарисовал, как будет плыть корабль.

– А вот эта черная точка около Бостона – Ривермут. Из Бостона в Ривермут нас довезет поезд.

Я еще никогда не ездил ни на корабле, ни на поезде.

«А ведь, пожалуй, это хорошо, что мы едем в Ривермут», – подумал я.

Когда же папа сказал мне, что дедушка купил для меня пони и тот уже стоит в конюшне, я запрыгал на одной ноге.

Папа засмеялся.

– Ну, решай, Том, – сказал папа, – если ты уж так не хочешь ехать, мы можем остаться в Новом Орлеане.

– Ну уж нет! – закричал я. – Непременно поедем в Ривермут!

Глава 2

В газете было напечатано объявление:

Быстроходный пакетбот* «Тайфун», совершающий постоянные рейсы между Бостоном и Новым Орлеаном, отходит 11 мая в час пополудни.

Лица, желающие предпринять путешествие, благоволят приобрести билеты в корабельной конторе на улице Мира.

Контора покорнейше просит доставить грузы на борт не позже 10 мая.

* П а к е т б о т – морское почтово-пассажирское судно.

Папа купил три билета: для мамы, для себя и для меня. И в назначенный день в 12 часов мы стояли на палубе «Тайфуна» среди корзин, сундучков и сундуков.

Вокруг суетились загорелые люди в фуфайках и шапочках с помпонами. С верхнего мостика гудел сквозь рупор чей-то голос. Я задрал голову и посмотрел вверх. Там стоял, наклонившись над перилами мостика, капитан. Его медный рупор блестел на солнце. Щеки капитана раздувались, точно пузыри для плавания.

Дощатые сходни скрипели под ногами грузчиков-негров. Грохали о палубу круглые бочонки и длинные ящики. Пахло соленой рыбой, теплой коркой апельсин и бананов.

Уже к часу на пакетботе все было в порядке. Последние ящики и бочонки скатились в трюм, исчезли длинные, перемазанные дегтем сходни, грузчики остались на берегу, матросы стали по местам.

За бортом раздался пронзительный свисток. К «Тайфуну» подходил, взбивая воду, как сливки, пузатенький буксирный пароходик. На черной корме блестела золотыми буквами надпись: «Альбатрос».

Наши матросы перекинули на буксир канат. «Альбатрос» запыхтел, зафыркал и потащил наш тяжелый пакетбот на середину Миссисипи.

Однажды я видел у нас в саду, как муравей тащил личинку в десять раз больше, чем он сам. «Альбатрос» был точь-в-точь как этот муравей.

Я стоял, держась за перила, и смотрел, как отползает назад новоорлеанский берег, как уменьшаются дома и корабли, стоящие в порту.

Скоро они пропали вдали, и мимо нас потянулись одни кипарисы, обросшие мхом, да илистые топи.

«Тут, наверное, живут змеи и аллигаторы», — подумал я.

Река сделала крутой поворот, и папа сказал мне:

— Том, смотри, как хорошо отсюда опять виден город.

И в самом деле, Новый Орлеан был виден точно с горы. Но теперь он стал похож на кучу спичечных коробочек, а блестящий купол большого собора казался не больше маминого наперстка.

Пароходик вывел пакетбот в залив, сбросил наш канат прямо в воду, зашипел, засвистел и побежал обратно в Новый Орлеан.

А «Тайфун» развернул паруса и понесся по ветру.

Целый день просидел я на куче канатов возле рулевого: прислушивался к непонятной команде капитана и смотрел, как поворачивается штурвальное колесо, карабкаются по вантам* матросы и проплывают вдалеке берега.

Только вечерняя темнота и вечерний холод загнали меня в каюту. Я спустился по узкой лесенке. Глаза сами зажмурились от яркого света.

В каюте было уютно. Над круглым столом покачивалась тихонько большая лампа; стаканы, вилки и ножи приплясывали и звенели. Папа усадил меня за стол и пододвинул ко мне тарелку. Но все кушанья почему-то немножко пахли дегтем, и мне не хотелось есть.

Я принялся рассматривать пассажиров. Прямо против меня сидел сухонький, совершенно лысый старичок. Его лысина блестела под лампой, как бильярдный шар. От носа к подбородку шли складки, и, улыбаясь, он показывал длинные, желтые, как у лошади, зубы. Он был одет в клетчатые панталоны и узкий сюртук.

* В а н т ы — тросы для крепления мачты.

Его белый высокий воротник подпирал щеки и, кажется, мешал ему есть. Я знал, что этот старичок – отставной капитан, мистер Трик.

Когда я ходил с папой покупать билеты, я видел в корабельной конторе желтое объявление с красными печатями:

...Совладельцем вышеупомянутых господ Тэчер и Смит является мистер Джозеф Трик, капитан в отставке, права коего на четверть пакетбота «Тайфун» изложены в нижеследующих пунктах...

Спросить или не спросить: «Мистер Трик, какая четверть “Тайфуна” ваша? На носу или на корме?»

Нет, лучше завтра узнаю у матросов.

Рядом с капитаном сидела высокая плоская дама с соломенными кудельками, в зеленом платье. Она рассматривала меня в лорнетку и ласково улыбалась.

После ужина дама раскрыла свой огромный зеленый ридикюль*, вынула конфетку и, протягивая ее мне, обратилась через стол к маме:

– Вы позволите полакомиться вашему крошке?

Но раньше, чем мама успела ответить, я громко сказал:

– Мне уже девять лет. Я терпеть не могу сладкого.

Сладкое-то я очень любил. Но чего это она вздумала называть меня крошкой?

Все засмеялись, а громче всех молодой человек с рыжими ба́чками. Он смеялся очень странно, точно сыпал крупный горох на жестяное блюдо. Очки прыгали на его длинном носу.

«Ну что тут смешного?..» – подумал я, встал и пошел в нашу каюту.

* Р и д и к ю л ь – женская сумочка в виде мешочка.

На другой день я проснулся очень рано.

Моя койка раскачивалась, как качели. Умывальный кувшин прыгал в своем медном гнезде и плескал водой. Над головой все время менялись местами потолок и стена. Лампа гуляла от одного угла к другому.

Я вскочил и стал одеваться. Мне было как-то не по себе – рот облепило чем-то невкусным, и немножко кружилась голова. Но я все-таки выбрался на палубу.

Пассажиры еще спали. Матросы что-то делали с парусами – натягивали какие-то канаты, закрепляли какие-то узлы.

Я не отходил от матросов. Как они ловко карабкаются по вантам! Как они интересно ругаются!

«Семь дюжин чертей!.. Чтоб тебе висеть на грот-мачте* вверх ногами...» – повторял я шепотом.

Один из матросов особенно понравился мне. У него были очень широкие плечи, а борода, серая от седины, росла не на подбородке и не на щеках, а прямо из шеи. Он приветливо улыбнулся, хлопнул меня по плечу и сказал:

– Здорово, молодой моряк! Приучайтесь, приучайтесь к делу!

Я решил подружиться с ним и целый час ходил за стариком по пятам.

Это было вовсе не так просто: палуба качалась и шевелилась как живая; ноги у меня так и разъезжались. А матрос бегал как ни в чем не бывало. Его подошвы точно прилипали к полу. На корме матрос остановился, засучил рукава и принялся сматывать мокрый канат.

Что за удивительный человек!

* Грот-мáчта – средняя мачта на парусном судне.

Руки у него от ногтей до самых плеч были разрисованы. На правой руке, возле локтя, – корабль на всех парусах, пониже – якорь и сердце, проткнутое стрелой, на левой руке – извивающийся дракон и женщина с рыбьим хвостом и зелеными волосами.

Я хотел спросить матроса, откуда это у него такие картинки, но мне вдруг стало так плохо и так тошно, что я отошел и сел на скамейку. Рот у меня пересох, язык как-то странно вырос, и что-то тяжелое поползло от живота к горлу.

«Я, кажется, болен, – подумал я, – может быть, умираю», и мне захотелось к маме.

Я с трудом встал со скамейки и поплелся в каюту. По дороге мне попалась вчерашняя зеленая дама.

– Бедный малютка! – вскрикнула дама и прижала мою голову к своей груди.

«То крошка, то малютка...»

Я хотел оттолкнуть ее, но у меня не хватило сил. Я только всхлипнул и даже сам прижал щеку к ее зеленому платью. Дама обняла меня за плечи и потащила к маме.

Я плохо помню, что было дальше. Целыми днями я лежал на корабельной койке и уныло глядел в потолок. Нас бросало то вверх, то вниз, то вправо, то влево. Медная лампа не переставая качалась у меня перед глазами и нудно дребезжала.

«Неужели она не успокоится ни на одну минуту? – думал я. – Как она противно дрожит. Меня бы не тошнило так, если бы она не дрожала. Я умру, я непременно умру, если она не остановится».

Мама давала мне кусочки лимона и воду со льдом. Она тоже была бледная и тоже глотала все время ломтики лимона и ледяную воду.

Однажды утром я проснулся от пушечного выстрела.

– Мама, пираты! – закричал я и стал искать под подушкой свой медный пистолет.

– Какие там пираты! – сказал папа. – Это наш «Тайфун» салютует мысу Код. Завтра мы будем на земле.

Земля! Меня сразу перестало тошнить. Я натянул штаны и куртку и в первый раз за много дней поплелся за папой завтракать в кают-компанию.

На следующий день я с утра выбрался на палубу и сразу же отправился на поиски матроса с картинками. Я нашел его на носу судна, за починкой паруса. Он не забыл меня и сказал приветливо:

– Надеюсь, вы совсем поправились, мастер*... Не имею чести знать вашего имени.

– Том Белли, – представился я и в свою очередь спросил: – Вас, сэр, надеюсь, зовут не «Тайфун»?

– О, что вы, мастер Том! Я хоть и старый тайфунец, но зовут меня Бенжамен Уатсон из Нантукета.

Мы очень подружились, и матрос Бен рассказал мне кучу историй из своей жизни.

Он три раза объехал вокруг света, охотился на китов, два раза чуть не утонул во время кораблекрушения и один раз чуть не сгорел во время пожара на корабле.

Я попросил Бена еще раз показать мне свои картинки – русалку и дракона. Он охотно засучил рукава и даже расстегнул ворот фуфайки. Оказалось, что грудь у него разрисована так же густо, как и руки. Матрос Бен был настоящий ходячий альбом.

* М а́стер – в Америке: уважительное обращение к лицам более высокого социального положения.

«Это он хорошо выдумал, — решил я. — Листы с рисунками могут затеряться или упасть за борт, а картинки старого тайфунца всегда с ним».

— Мистер Бен, не согласитесь ли вы сделать и у меня на груди небольшой рисунок мне на память? — попросил я Бена.

— Охотно, мастер Том, — сказал Бен. — Для этого надо наколоть кожу иглой и втереть краску. Предупреждаю вас, это немножко больно.

— Пустяки, я не боюсь. — И мы пошли в кубрик за иглой и красками.

Но по дороге мы встретили папу. Папа заявил, что я хорош и без рисунков, и увел меня в каюту.

— Помоги мне затянуть ремни на чемоданах, Том, — сказал папа. — Через час мы подойдем к Бостону.

Глава 3

Папа читает газету. Мама вполголоса разговаривает с какой-то незнакомой дамой. Сидят точно в комнате.

И правда, вагон похож на комнату: потолок, двери, стены, окна.

Но и потолок, и двери, и стены, и окна все время дрожат. Под полом что-то стучит: тарах-тах-тах, тарах-тах-тах. Окна звенят, вагон несется, как будто его тащат сто тысяч лошадей.

Я прижался носом к стеклу и смотрю на деревья, полянки, домики.

Они убегают, точно их кто-то тянет назад, к Бостону, а на их место сейчас же выбегают новые.

Вдруг прямо под нами заблестела вода.

Колеса стучали гулко и четко. А что если мост провалится?

Но вот и река убежала к Бостону. Из-за поворота выплыла ферма. Возле дома с красной крышей дерутся мальчишки. Наверное, побьет тот, в клетчатой куртке.

На каждой станции, как пружинный чертик из коробочки, выскакивает человечек в форменной фуражке, с зеленым флагом в руках. Он размахивает флагом, как будто хочет нас остановить. Но наш поезд только свистит и несется дальше. Он – экспресс и не обращает внимания на маленькие станции.

Но вот все чаще и чаще замелькали разные строения. Мелькнула фабричная труба, четырехугольная башня водокачки.

Поезд пошел медленнее и въехал в длинное, открытое с двух сторон деревянное здание.

Паровоз зашипел, зафыркал и остановился.

– Станция Ривермут! – закричал кондуктор.

– Как? Уже?..

Носильщики подхватили багаж, и мы вышли на платформу.

Мама бросилась на шею к высокому господину в сером цилиндре и сером длинном сюртуке. Белый крахмальный воротничок доходил ему до ушей. Волосы были еще белей воротничка.

Это мой дедушка, капитан Нёттер. Дедушка расцеловал маму, крепко потряс руку папе, а меня обнял за плечи и сказал:

– Э, да ты совсем мужчина! Я и не ожидал, что у меня такой большой внук.

Мы вышли из дверей вокзала и уселись в старую дедушкину коляску.

– Дедушка, – спросил я, – как поживает пони?

– Прекрасно, мой друг, прекрасно, – ответил дедушка. – Лошадка уже целый месяц стоит в конюшне, ест овес и скучает по своему хозяину.

Коляска катилась по тихим, похожим на аллеи улицам Ривермута. Старые вязы, как солдаты, стояли двумя шеренгами по краям дороги.

Приземистые домики с палисадниками смотрели на улицу небольшими окошками. Окошки были заставлены цветами, и белые занавески надувались от ветра, как паруса. На широких лепных карнизах пастушки пасли барашков, корабли плыли по волнам и воины размахивали копьями.

Улицы Ривермута были чисто выметены, и вместо городской пыли ветер разносил во все углы соленый запах моря. Река пересекала город и убегала к заливу.

Дедушкин Рыжий неторопливо стучал большими копытами, старая коляска покачивалась на рессорах и скрипела.

Из окон высывались старики с трубками в зубах. Женщины в передниках подходили к изгороди палисадников и с любопытством смотрели нам вслед.

– Вот мы и дома, – вдруг сказал дедушка.

Коляска остановилась.

Тетушка Эбигейль, дедушкина сестра, встретила нас в передней. Окон в передней не было. Посередине потолка на крючке висел фонарь с красными и зелеными стеклами. Зеленый зайчик дрожал на медном замке большого сундука в углу.

«Наверное, дедушка брал этот сундук с собой на корабль», – подумал я.

Толстая румяная служанка Китти в накрахмаленном переднике и чепце сейчас же засуетилась вокруг

нас: появились жесткие от крахмала полотенца, мыльница с розовым душистым мылом, кувшин с водой, щетки и щеточки всякого рода – для платья, для волос, для ногтей, для сапог – жесткие и мягкие, с ручками и без ручек.

Через полчаса, вычищенные и умытые, мы сидели в столовой за круглым столом. Тоненькие струйки пара подымались из-под крышек соусников и мисок и разносили вкусный запах. Запах щекотал в носу. Мне захотелось есть. Хорошо бы разом поднять все эти крышки и посмотреть, что там в мисках. Но у тетушки Эбигейль был такой важный вид, что я не смел пошевелиться и смирно сидел, сложа на коленях руки.

Тетушка командовала, будто это она была в молодости капитаном, а вовсе не дедушка.

– Фред, налейте себе еще вина.

– Люси, вы ничего не едите.

– Китти, положите Тому крылышко цыпленка. Не это! Побольше.

– Ах, Даниэль, сколько раз я должна напоминать, что укус вам вреден?

Сама тетушка ела очень деликатно. Она держала вилку и нож, далеко отставляя мизинцы. Мизинцы, как и вся тетушка, были сухие и колючие. На тетушке было серое с высоким воротником платье, твердое и шуршащее. Белоснежный чепец топорщился над седыми буколками* (в доме Нёттеров любили крахмал). На щеке мисс Эбигейль сидела большая бородавка с тремя волосками. Волоски тоже торчали как накрахмаленные.

* Бúкли, бúкольки – завитые локоны, пряди вьющихся волос.

Перед прибором тетушки выстроились батареей склянки, флаконы и коробочки. В склянках перламутром переливалась микстура, в коробочках блестели коричневые шарики пилюль. Тетушка принимала лекарства перед супом и после супа, перед жарким и после жаркого, перед сладким и после сладкого. Она сама любила лечиться и любила лечить других.

– Люси, – сказала она маме, – у вас утомленный вид. Примите эту укрепляющую микстуру. Она вам очень поможет.

И тетушка приготовилась накапать в рюмку микстуру, пахнущую горьким миндалем, но мама замахала обеими руками.

– Отдых после дороги будет лучшим лекарством, – сказала она.

Во время этого разговора кто-то фыркнул за моей спиной. Я обернулся. Китти уткнула лицо в передник и тихонько смеялась.

Она подмигнула мне исподтишка левым глазом и незаметно кивнула в сторону тетушки.

После обеда взрослые перешли в гостиную.

В гостиной чинно стояли диваны и кресла с прямыми спинками. На каждой спинке ленточками была прикреплена вязаная или вышитая салфеточка. Лакированные столики и полочки лоснились, как будто их только что вымазали маслом. Всюду на полочках, на столиках, на камине были расставлены по росту вазочки и фарфоровые куколки – собачка в цилиндре, два голубка, пастушка с овечкой, розовый, как конфета, поросенок, тележка с незабудками, дама в капоре, дама с зонтиком, дама в туфельках на красных каблучках.

– Том, – сказал мне дедушка, – пойдика посмотри дом и проведай свою лошадку Джипси.

– Благодарю вас, – ответил я, – с удовольствием. – И тихонько вышел из столовой.

За дверь я подпрыгнул на одной ноге и побежал во всю прыть по длинному коридору. С грохотом повалился один из желтых стульев, рядом стоявших вдоль стены. Я сам чуть не свалился на скользком навоощенном полу, но вовремя удержался и побежал дальше.

Ведь в конюшне меня ждала Джипси!

Выходная дверь не хотела отворяться. Она была тяжелой, из резного темного дуба. Чтобы повернуть медную ручку, мне пришлось повиснуть на ней всем телом.

Бегом пробежал я фруктовый сад и двор, с треском распахнул дверь конюшни и, запыхавшись, остановился на пороге. В конюшне было темно. В глубине фыркали и переступали с ноги на ногу невидимые лошади. Когда глаза привыкли к темноте, я разглядел дедушкиного Рыжего, который привез нас с вокзала, и в самом углу конюшни мою дорогую Джипси.

Я обнял ее за шею и сто раз поцеловал в мохнатые уши и ноздри.

Джипси была прехорошенькая. Шерсть черная, лоснящаяся, хвост пушистый, торчащие ушки, а глаза умные и веселые.

Я разговаривал с лошадкой, причесывал ей гриву, заплетал и расплетал ей хвост до тех пор, пока она не наступила мне на ногу, так что я только охнул и подскочил на месте.

«Кажется, мои нежности надоели ей», – подумал я и пошел, прихрамывая, домой.

– Китти, где я буду ночевать? – спросил я, просунув голову в дверь кухни.

Китти мыла посуду.

– Разве вы еще не видели вашей комнаты, мастер Том? – сказала она. – Подождите, я вам сейчас покажу.

Китти поставила тарелки и вытерла фартуком руки.

– Вот сюда – первая дверь по коридору налево.

За дверью налево оказалась узенькая лестница. Деревянные ступеньки скрипели на разные голоса. Наверху лестницы опять была дверь. Китти распахнула ее.

– Пожалуйте, мастер Том!

Собственная комната! Собственная комната! И какая удивительная! Одна стена высокая, другая низкая, и потолок совсем косой, как в шалаше. В комнате стоят кровать, стол, умывальник, полка с книгами и большое кожаное кресло с высокой спинкой, утыканной медными гвоздиками. Над кроватью висит ружье. Я осторожно снял его и осмотрел со всех сторон. В ружье, правда, не хватало собачки, но зато оно было самое настоящее. Я вынул из кармана свой пистолет и повесил его рядом с ружьем на стенку.

– Китти, – спросил я, – отчего в моей комнате такой кривой потолок?

– Оттого, что она прямо под крышей, – ответила Китти. – Сказать по правде, здесь была кладовая. Капитан Нёттер и мисс Эбигейль воевали из-за нее целую неделю.

– Почему воевали?

– Ваш дедушка говорит, что мальчику нужна отдельная комната – это приучает его к самостоятельности. А ваша тетушка говорит, что какое же это хозяйство без кладовой и что в отдельной комнате мальчик приучается не к самостоятельности, а к баловству. Пусть спит за ширмой. Но ваш дедушка все-таки взял верх. Мисс Эбигейль два раза упала в обморок и три

дня хлопала дверьми. А что было, когда капитан Нёттер продал фисгармонию*!..

– Зачем дедушка продал фисгармонию?

– А чтоб купить вам лошадку. Тетушка кричала, что в каждом приличном доме должен быть музыкальный инструмент и что теперь ей стыдно будет впустить в гостиную миссис Гарленд и миссис Гаукинс. Но ваш дедушка сказал: «Миссис Гарленд как-нибудь обойдется без фисгармонии. Я хочу, чтобы из мальчика вышел мужчина, а не размазня». Продал фисгармонию и купил лошадку.

Китти засучила рукава и пошла в кухню мыть тарелки.

Я перетрогал все вещи и остановился возле полки с книгами. Книги стояли в два ряда.

«Тысяча и одна ночь», – читал я названия на корешках, – «Робинзон Крузо», «Дон Кихот Ламанчский, хитроумный идалго», «Путешествия Гулливера в чудесные страны».

Я взял «Дон Кихота» и уселся поглубже в кресло.

Глава 4

Спицы шевелились в руках тетушки Эбигейль и легонько позвякивали. К ряду серых петель прибавлялся новый серый ряд, за ним другой, третий – и чулок медленно вырастал.

Дедушка совсем спрятался за листами газеты.

* Фисга́рмония – клавишный музыкальный инструмент.

«АКТУ ЯАКСТУМ...» – просвечивают жирные буквы.

Что это значит? Ах, да это я читаю наоборот.

«Ривермутская утка» – называется дедушкина газета. Какое смешное название! Но я не смеюсь. Сегодня в три часа уехали папа и мама. Где они теперь проезжают? Может быть, через мост, может быть, через туннель? Паровоз пыхтит, колеса стучат, только в окошко ничего не видно – темно...

Я еще никогда не оставался без мамы больше чем на три часа. А теперь не увижу ее целый год. И папу тоже.

В горле у меня защекотало, и ресницы стали мокрые. Дедушка молчит целый вечер. Придвинул к самому носу свечу, надел очки и читает свою «утку».

Только что-то давно он не переворачивал страниц.

Э, да он, кажется, заснул! Вон как посвистывает носом.

Листы газеты наклоняются все ниже и ниже. Вот угол газеты зацепился за фитиль, и синяя струйка побежала по бумаге.

Дедушка встрепенулся, затушил рукой огонь и перевернул страницу, как будто вовсе не спал.

Дедушка часто засыпает по вечерам в своем кресле, но не любит, чтобы это замечали.

Газета постояла прямо одну минуту, потом стала опять наклоняться. Качнулась раз, другой и совсем улеглась на свечу. Бумага вспыхнула.

– Дедушка! Дедушка! – закричал я. – Горит!

Дедушка вздрогнул и вскочил.

– Ну, что ты кричишь? – сказал он, сбросил на пол горящие листы и затоптал ногами.

Тетушка Эбигейль даже не пошевелинулась, только вздернула брови и презрительно посмотрела на дедушку.

Она привыкла к таким пожарам. «Ривермутская утка» сгорала у нее на глазах по крайней мере сотый раз.

Дедушка вынул из кармана большие часы, щелкнул крышкой и сказал:

– Люси и Фред сейчас подъезжают к Бостону.

Я заморгал глазами, чтобы не разреветься, сполз с кресла и пошел на кухню к Китти. На кухне горели, как жар, медные кастрюли. Пахло миндальным пирожным, которое делали сегодня на сладкое. Китти сидела у стола, шила и напевала себе под нос. Она усадила меня на высокую табуретку и принесла остатки пирожного.

Чтобы развеселить меня, Китти спела две ирландские песенки: одну об охотнике О’Конноре, а другую – о трех веселых подмастерьях, выпивших целую бочку джина.

Потом она представила, как ссорится толстый ривермутский доктор с тощим ривермутским аптекарем и как тетушка Эбигейль глотает пилюли.

Она так похоже подняла плечи, поджала губы и оттопырила мизинцы, что во всякое другое время я хохотал бы целый час. Но тут я только улыбнулся. В этот день глаза были у меня на мокром месте. Тогда Китти обняла меня за плечи и сказала:

– Ах, мастер Том, мастер Том, как вам не стыдно плакать! Вы разведете у меня на кухне такую сырость, что я, наверное, схвачу насморк. И о чем вам плакать? Ваши папа и мама никуда не пропали. Они будут писать вам длинные письма и навещат вас через год. Я знала одну девушку. Вот она была действительно несчастная – одинокая и покинутая в чужом краю.

И Китти рассказала мне очень грустную историю.

Девушка жила в Ирландии и работала на своем картофельном поле. Поле у нее было невелико – вот с эту сковородку, – а тут еще три года не было урожая.

Девушка собрала все свои пожитки: два передника, бабушкину шаль, щербатую миску и сетку для ловли дроздов. Сетка ей была не очень-то нужна, да уж такое было у нее имущество. Связала она свое добро в узелок и отправилась на большом корабле в Америку искать счастья.

Ей было очень страшно ехать в чужую страну, где у нее не было ни родных, ни знакомых, и она часто плакала. Один матрос заметил, что она целые дни сидит на палубе и трет глаза ладонью.

Он прошелся мимо нее раз, другой, а потом заговорил с ней:

– Что вы сидите в своем углу, как мышь в трюме, молодая леди?

– Остерегаюсь кошки, сэр, – ответила девушка.

– Не бойтесь. Пусть меня смоем шквал, если я дам вас в обиду.

Они разговорились. Матрос оказался почти что ее земляком. Сам-то он был американец, но дедушка его был родом из Ирландии. Матрос был веселый и добрый человек. И девушка перестала плакать. Теперь она часто смеялась, потому что матрос рассказывал ей смешные истории. Но путешествие приближалось к концу, и девушка опять стала плакать. Ей не хотелось расставаться со своим новым другом. Но расстаться им и не пришлось.

– Молодая леди, – сказал матрос, когда она уже спускалась по трапу на пристань. – Подождите меня у конторы. Вы хорошая девушка, и я люблю вас всем сердцем. Давайте поженимся.

Они поженились и три месяца прожили в береговой гостинице душа в душу.

Но деньги, которые ирландка хранила в чулке, пришли к концу, и когда в том месте, где должен быть большой палец, осталась всего одна монета в три доллара, матрос сказал:

– Я пойду искать работу. Не беспокойся, жена.

Это были его последние слова. Ирландка ждала день, другой, третий – он все не возвращался. Убили ли его злые люди, упал ли он в доках, – но только она его больше не видела. Платить ей было нечем, и хозяин гостиницы прогнал ее. Она поступила в служанки и уехала со своими хозяевами в Бостон. От этих хозяев перешла к другим в маленький городок близ Бостона и служит у них до сих пор.

– Так я и осталась одна на свете, как последняя картофелина на обобранной грядке.

– Китти! – вскрикнул я. – Так это вы про себя рассказывали?

– Да, мастер Том, – ответила Китти, вытирая глаза ладонью.

Тут наступила моя очередь утешать Китти. Я прижался к ней покрепче и рассказал ей про Новый Орлеан, про наш дом, про шалаш в саду и про матроса с картинками на «Тайфуне». Я забыл его фамилию и помнил только, что у него на руке был морской конь, а на груди фрегат.

Глава 5

Стоячие часы в коридоре пробили девять раз.

Тетушка Эбигейль всегда требовала, чтобы ровно в девять часов мы сидели за утренным завтраком. Я уже

нажал ручку двери в столовую, но вдруг услышал, что дедушка назвал мое имя. Я остановился и прислушался.

— ...новые товарищи и занятия развлекут Тома. Не следует оставлять ребенка одного в нашем стариковском доме. Это совсем бесполезно в его возрасте.

— Каковы же ваши намерения, Даниэль? — произнес голос тетушки.

— Я думаю сегодня же отвести его в школу к мистру Гримшау.

Сердце у меня забилося. Сегодня же в школу! Я долго ждал этого дня и много раз представлял себе, как я войду в класс, как меня обступят мальчишки и я сразу со всеми подружусь; на перемене я буду быстрее всех бегать и лучше всех играть в мяч. Но я никак не ожидал, что это будет так скоро. И мне стало страшно.

Я вошел в столовую.

— Ты опоздал на три минуты, Том, — сказала тетушка. — Садись и пей кофе. После завтрака я сообщу тебе что-то важное.

Я наскоро проглотил свою чашку кофе, и тетушка начала:

— Том, я и твой дедушка решили, что с сегодняшнего дня ты начнешь посещать школу. Мы надеемся, что ты будешь примерно вести себя и хорошо учиться. Пойди, надень другую курточку. Китти уже отнесла тебе наверх свежий воротничок.

Я быстро переоделся и опять спустился вниз. Дедушка ждал меня с цилиндром и тростью в руках. Но не так-то легко было вырваться из рук тетушки Эбигейль. Она раз пять заставила меня повернуться, осмотрела со всех сторон, двумя пальцами сняла с курточки пушинку и собственноручно пригладила щеткой мои вихры.

– Смотри, Том, слушайся учителя и осторожно выбирай товарищей. Приличный мальчик дружит только с детьми порядочных родителей.

Дедушка взял меня за руку, и мы отправились.

Школа называлась очень странно: «Храм Грамматики».

Это было кирпичное двухэтажное здание, с окошками без занавесок и с дверью, выкрашенной желтой краской.

На большом дворе росло четыре дерева. Вся земля вокруг них была утоптана, и чахлые травинки робко выглядывали только у самых стен дома и вдоль решетки двора. В передней на вешалке висело с полсотни самых разных шляп, а одна лежала в углу на подоконнике, до краев набитая кругленькими камешками.

Дедушка спросил, где мистер Гримшау, и нас повели к нему в кабинет.

Мистер Гримшау был высокий и худой, с острыми коленями и локтями. Когда он нагнулся, чтобы поздороваться со мной, он стал похож на складную линейку.

– Я привел вам внука, мистер Гримшау, – сказал дедушка. – Найдите ему местечко в вашей школе.

– Рад служить, капитан Нёттер, – ответил мистер Гримшау.

Дедушка пожал ему руку и взял со стола свой цилиндр.

– Ну, Том, не робей.

Мистер Гримшау усадил меня на высокий жесткий стул с решетчатой прямой спинкой.

– Посмотрим, что ты знаешь, – сказал он и стал перелистывать толстую книгу.

Я смотрел на него затаив дыхание.

У мистера Гримшау была удивительная прическа. Реденькие волосы веером лежали на блестящей лысине. Каждый волосок отдельно прилегал к желтой коже как приклеенный.

– Прочитай-ка этот рассказ, – сказал он и ткнул длинным пальцем в раскрытую страницу. Я прочел без запинки о том, как собака Джой спасла из огня ребенка и положила его к ногам плачущей матери.

– Хорошо, – сказал мистер Гримшау. – Теперь скажи мне... Ты приехал из Нового Орлеана? Что ты знаешь о южной флоре?

– Я ничего не слыхал об этой даме... Вероятно, она живет в другом городе?

Мистер Гримшау засмеялся.

– Я спрашиваю, какая растительность на юге?

– Это я знаю. В нашем саду росли апельсинные и лимонные деревья, магнолии. Очень много роз было. Бананы. Еще мимозы.

– Какое государство расположено на Пиренейском полуострове?

– Испания.

– А чем занимаются жители Испании?

– Я знаю только про двух испанцев: про Колумба и про Дон Кихота. Колумб открыл нашу Америку, а Дон Кихот был рыцарь. Он носил на голове циркулярный таз и дрался с ветряными мельницами.

– Ты, кажется, очень любишь читать, Белли, – сказал мистер Гримшау, улыбаясь. – Посмотрим теперь, как ты пишешь. Напиши-ка сочинение: «Лошадь – полезное домашнее животное».

Я подумал и начал писать. На третьей строчке я посадил большую кляксу, испугался и посмотрел на мистера Гримшау.

– Ничего, – сказал он, – пиши дальше.

Через четверть часа сочинение было готово. Мистер Гримшау взял его и прочитал вслух:

«Лошадь – полезное домашнее животное. Интересно иметь Лошадь. У меня есть Лошадь. Ее зовут Джипси. Она кусает тех, кого не любит. Один раз я мыл ей передние ноги, она нагнула голову и подняла меня на воздух за *понталоны* и бросила меня в лохань с водою, которая стояла возле. Но все-таки она меня любит. Ей уже полтора года.

Том Белли»

– Ну, хорошо, – сказал мистер Гримшау. – Только надо писать «панталоны», а не «понталоны». И как бы ты ни любил свою Джипси, лошадь все-таки пишется с маленькой буквы. А теперь пойдем в класс.

В классе шестью рядами стояли зеленые парты. Сорок два мальчика сидели за партами. Когда мы вошли, мальчики как по команде повернули головы и уставились на меня.

– Новенький... Вихрастый... Краснокожий... – зашептали со всех сторон.

Я почувствовал, что в самом деле становлюсь краснее краснокожего. Ноги у меня прилипли к полу и ни за что не хотели двигаться. Но мистер Гримшау строго посмотрел на мальчиков, и жужжание стихло.

Я прошел между двумя рядами парт и сел на третью скамейку, как велел мне мистер Гримшау.

– Фред Лангдон, – позвал учитель.

Худенький черномазый мальчик вскочил со второй скамейки и подошел к доске. Он вытащил из кармана что-то вроде деревянных щипчиков и зажал ими кусок мела.

– Это что за штука, Фред? – спросил мистер Гримшау.

– Это такая держалка для мела. Я сделал ее для того, чтобы не пачкать рук.

– Вечно ты что-нибудь выдумашь. Ну, пиши. «Дилижанс вышел из Филадельфии в три часа пополудни. Из Бостона навстречу ему...»

Мел выскочил из держалки Фреда Лангдона и покати́лся по полу.

– Ну ты, изобретатель, – сказал мистер Гримшау, – спрячь свои щипчики в карман и пиши, как все.

Грифели* заскрипели, класс занялся решением задачи.

Рядом со мной сидел толстенный мальчик с лицом, осыпанным веснушками, как булочка маком. Мальчик от усердия наклонил голову набок и прикусил кончик языка. Грифель его пронзительно визжал. На всех книжках и тетрадках этого мальчика было написано каракулями: «Перец Виткомб. Ученик ривермутской школы».

Перец Виткомб заметил, что я смотрю на него, подмигнул мне и стал делать какие-то непонятные знаки. Знаки были дружелюбные. Я улыбнулся во весь рот и закачал мальчику головой.

«С этим непременно подожмемся».

Рыжий мальчик из четвертого ряда скорчил гримасу и погрозил мне кулаком.

«А с этим, наверное, драться будем. Еще посмотрим – кто кого».

Туго свернутый бумажный шарик ударил меня в затылок. Я обернулся. С другого конца класса пригла-

* Грífель – палочка из сланца для писания на специальных досках.

женный мальчик в аккуратной курточке с блестящими пуговицами показывал мне беленький пакетик. Пакетик заскользил из рук в руки и через минуту доехал до моей парты.

Я развернул бумажку с надписью: «От Чарлза Мардена». В пакетике лежал кусок медового пряника.

«Вот это мило...»

Я сунул пряник в рот.

«Ой!...»

Что-то обожгло мне язык и горло, как будто я проглотил горящий уголь.

Пряник был начинен красным кайенским перцем.

Слезы брызнули у меня из глаз, рот сам собой раскрылся, как крокодилья пасть.

Марден прыснул. Вокруг захохотали. Мистер Гримшау постучал линейкой по столу.

— Что случилось? — спросил он строго и посмотрел на нас. Сразу стало тихо. Я вытащил платок и сделал вид, что сморкаюсь.

— Смеяться можно на перемене, — сказал мистер Гримшау. — На уроке надо вести себя прилично. — И стал диктовать новую задачу.

Прозвонил звонок. Мистер Гримшау вышел.

Мальчики повскакали с мест и обступили меня.

— Молодец! Вот это так молодец! — закричал Перец Виткомб. — Видно, что ты умеешь держать язык за зубами. Мардену бы здорово досталось. На тебе половину моего яблока.

Чарлз Марден, мальчик с блестящими пуговицами, протискался сквозь толпу и хлопнул меня по плечу.

— Ты хороший парень, Белли, жаль, что я угостил тебя кайенским перцем. Хочешь, будем дружить?

Я пожал ему руку, и мы всей толпой побежали во двор.

– Эй, новичок, поди сюда! – окликнул меня тот рыжий мальчик, что на уроке грозил мне кулаком. – Раз ты поступил к нам в школу, на тебя надо наложить клеймо.

– Если у вас так принято, я согласен. Только что это за клеймо?

– Без рассуждений! Сэт Роджерс, ну-ка, помоги!

– Брось свои шутки, Конвей! – закричал чей-то голос. К нам подбежал высокий парень. Ему, наверное, было не меньше двенадцати лет.

– Оставь в покое Тома Белли! – крикнул высокий парень. – Твоя физиономия может ему не понравиться. Гляди, чтобы он сам на нее клейма не поставил. Поворачивай оглобли!

Конвей посмотрел на высокого исподлобья, дернул плечом, но поспешил убраться. За ним поплелся Сэт Роджерс, верная тень Конвея.

– Джек Гаррис! Джек! Иди играть! – позвали высокого с другого конца двора.

– Сейчас! – крикнул Джек Гаррис и опять обернулся ко мне. – Понимаешь, новенький, этот Конвей ужасный пристава. Он не отлипнет, пока ты его не вздудишь. Но это еще успеется, а сейчас пойдем играть в мяч. Эй, Блэк, где ракетка?

Блэк старательно вырезал перочинным ножом свой вензель* на коре дерева. Он сложил ножик, сунул в карман и побежал за ракетками.

– По местам! – закричал Гаррис.

Мячик полетел над головами.

* В е н з е л ь – переплетенные между собой начальные буквы имени и фамилии, образующие своеобразный узор.

Глава 6

– Мастер Том! Мастер Том! Пора вставать! – кричит у меня за дверью Китти.

Я вскакиваю как встрепанный. Наскоро одеваюсь и бегу к умывальнику. Брызги так и летят во все стороны. Маленькие озера с островками из мыльной пены разливаются вокруг умывальника.

Раз, два – щеткой по волосам, и я готов.

В столовой над спиртовкой шипит кофейник. Тоненький огонек спиртовки чуть виден на солнце. Кажется, что чайник шипит сам по себе. За столом уже сидит тетушка Эбигейль. Она держит в руке широкий нож и, оттопырив мизинцы, как рожки, намазывает маслом ровные ломтики хлеба.

Я не знаю, когда встает тетушка. Я никогда не видел ее растрепанной, в халате и утренних туфлях. На ее букольниках всегда топорщится свежевыглаженный чепец, и складки на жестком платье лежат как приклеенные.

Я, обжигаясь, проглатываю чашку кофе и хочу вскочить, но тетушка удерживает меня за руку и поддвигает ко мне два яйца всмятку и тартинки с сыром.

Я очень боюсь опоздать в школу. Кое-как покончив с завтраком, я хватаю сумку и бегу через весь город.

Первые дни я так торопился, что приходил в школу раньше всех и каждый раз пугался.

На школьном дворе было тихо и пусто.

«Опоздал... Уже занимаются...»

Я тихонько открывал дверь и заглядывал в гардероб. Но на вешалках – ни одной шапки, на полу – ни одной бумажки.

Успокоенный, я выходил во двор, садился на длинную скамейку и поджидал товарищей.

Скамейка вся была покрыта вензелями – в круглых, шестиугольных, квадратных рамках или вовсе без рамок: Г.Б., Г.Б., Г.Б. Это значило Генри Блэк, Генри Блэк, Генри Блэк.

Я сидел на скамейке и болтал ногами.

Первым после меня приходил мальчик с длинной палкой в руке. Палку он всегда оставлял на дворе, потому что мистер Гримшау не позволял нам ходить с палками. Это и был тот самый Генри Блэк, который вырезал все вензеля на скамейке. Жил Генри Блэк далеко от города, и по его сапогам – лучше, чем по барометру, – можно было узнать, какая стоит погода: в дождливые дни сапоги были покрыты коричневой жирной грязью, а в сухие – густой серой пылью.

Потом приходил Чарлз Марден, который в первый же день угостил меня пряником с кайенским перцем. У этого сапоги блестели во всякую погоду. На голове у него была лакированная шляпа с лентой, а на куртке два ряда золотых пуговиц. Никто бы никогда не угадал, что припрятано в карманах этой синей с золотыми пуговицами куртки. Что там может быть, кроме аккуратно сложенного носового платка и записной книжки?

А в карманах у Мардена были тоненькие гвоздики, чтобы прибивать к столу шляпы наших учителей, иголки с нитками, чтобы зашивать рукава их пальто, перец в бумажке, чтобы подсыпать в их табакерки или угощать таких новичков, как я.

Меня-то он больше перцем не угощал. Во-первых, я уж не считался новичком, а во-вторых, мы с ним подружились и вместе воевали с нашими врагами –

рыжим Конвеем и его верным спутником Сэтом Роджерсом.

Чарлз Марден усаживался на скамейку рядом с Блэком, и мы втроем, дружно посвистывая, дожидались остальных членов нашей компании. Это были: веснушчатый Перец Виткомб, мой сосед по парте, Фред Лангдон и Бенни Уоллес.

Фреда Лангдона прозвали «Лангдон-изобретатель», потому что он всегда что-нибудь изобретал: точилки для перьев из ореховой скорлупы, щипцы, чтобы вытаскивать мячик из лужи, мышеловку из грифельной доски, старой кастрюльки и куска проволоки.

А Бенни Уоллеса все в классе называли «маленький Уоллес» или «маленький Бенни», а то и просто «маленький». Он и в самом деле был меньше всех в школе. Бенни приходил перед самым звонком. У него не было матери, и он вместе со своей сестрой Мэри вел все домашнее хозяйство.

Мы уже знали: раз пришел Бенни – значит, сейчас будет звонок. На крыльцо выходил мистер Гримшау, он жил в школьном доме и сам звонил в колокольчик.

Начинались уроки.

Стучали крышки парт, шелестела бумага, визжали перочинные ножи.

Мистер Гримшау подымался на кафедру.

Мистер Гримшау заменял у нас пять учителей. Он учил нас английскому языку, латинскому языку, географии, истории и арифметике. И на всех уроках он вел себя по-разному.

На уроках истории это был торжественный мистер Гримшау. Он стоял на кафедре, как памятник на площади, с поднятой рукой, и рассказывал нам о Джордже Вашингтоне и Аврааме Линкольне.

На арифметике мистер Гримшау был похож на мельника. Весь белый от мела, он стряхивал с ладоней белую пыль и говорил скороговоркой о фунтах, мешках, долларах и центах.

Латинский мистер Гримшау сидел на кафедре с закрытыми глазами и, прижав руку к щеке, будто у него болят зубы, нараспев спрягал глаголы.

А в английском мистере Гримшау было всего понемножку: диктовки он диктовал, закрыв глаза, стихи читал, стоя, как памятник, а грамматические правила объяснял у доски, весь перемазанный, как мельник.

Кроме мистера Гримшау, у нас было еще два учителя: учитель французского языка – француз Боннэ, и учитель чистописания.

На голове у француза торчал взбитый хохолок, а под подбородком топорщился огромный бант. Садясь на стул, француз бережно раздвигал фалды своего зеленого фрака. А когда сердился – топал ногой в лакированном башмаке, и белый бант дрожал у него на груди, как бабочка, которая собирается улететь. Но мы ни сколько не боялись Боннэ и даже нарочно дразнили его, чтобы посмотреть, как трясется белый бант.

Зато на уроках чистописания было тихо как в гробу. Все сидели, прикусив языки, и старательно выводили:

Авраам Линкольн справедливо считается бескорыстным патриотом.

Прилежание и внимание – украшение примерного ученика.

Мистер Мольбери расхаживал между партами с желтой лакированной линейкой наготове.

Ходил он на цыпочках, еле слышно. Но стоило вам шепнуть словечко соседу или посадить кляксу на раз-

графленый лист, как линейка с размаху опускалась вам на пальцы. Мистер Мольбери вырастал за вашей спиной точно из-под земли. Глаза у него были как два буравчика, маленькие и острые, и он сразу видел, что делается во всех четырех углах класса.

Мы терпеть не могли уроков чистописания.

Обыкновенно занятия в школе продолжались с восьми до четырех часов. А по четвергам и субботам у нас были полупраздники. В четверг и субботу нас отпускали в двенадцать часов. Это были самые счастливые дни в неделе.

Еще накануне мы всей компанией собирались в углу школьного двора, у большой бочки для дождевой воды, и придумывали, что бы предпринять завтра.

– Я предлагаю большое состязание в крикет*! – кричал Перец Виткомб, взгромоздившись на бочку и размахивая руками. – Но с условием: Конвея и Сэта Роджерса в игру не принимать.

– Нет, уж лучше идем на реку пускать с пристани кораблики, – перебивал Фред Лангдон.

– В лес на Джипси! В лес на Джипси! – орали наперебой Генри Блэк и Чарлз Марден.

– В лес на Джипси! – кричали Уоллес и я.

Фред и Перец сейчас же переходили на нашу сторону.

Прогулки за город были самым любимым развлечением нашей компании с тех пор, как мы нашли тележку. Случилось это вот так. Однажды ко мне пришел маленький Бенни Уоллес. Мы играли с ним в мяч, но потом полил сильный дождь, и мы забрались в конюшню к Джипси переждать его. В конюшне было

* К р и к е т – командная игра с мячом.

темно. Разве что в прятки можно было играть в такой темноте. Мы и стали играть в прятки.

– Белли, а Белли! Что это у вас такое? – закричал вдруг Уоллес из угла. Я побежал к нему, и мы вместе выкатили на свет маленькую тележку, разбитую и ободранную.

– Вот если бы запрячь в нее Джипси, – сказал Уоллес, почесав за ухом, – можно было бы по-настоящему кататься!

– Так давай запряжем! – закричал я.

– Нельзя – она без колеса и вся поломанная.

– Надо ее починить. Побежим, спросим у дедушки.

Мы бросились к дедушке и рассказали о нашей находке.

– В эту тележку запрягали покойного осла Тоби, – сказал капитан Нёттер. – В ней возили покупки с рынка. Потом Тоби умер от ревматизма, а тележка так и осталась. Колесо где-то валяется в конюшне. Почините тележку, и можете забрать ее себе.

На следующий день работа закипела. Мы всей компанией принялись за починку тележки. Колесо нашлось, и я сам надел его на ось и забил молотком. Перец Виткомб починил сиденье и все проржавевшие старые гвозди заменил новенькими медными. Чарлз Марден и Уоллес притащили ведро с краской, кисти и выкрасили тележку в ярко-желтый цвет. Генри Блэк вырезал на оглоблях все наши вензеля.

Тележка удалась на славу, и в первую же субботу мы обновили ее. Каждый притащил из дому что мог – бутерброды, пирожки, яблоки. Мы уложили припасы в корзинку, поставили ее под сиденье и тронулись в путь. Только двое помещались в тележке. Остальные должны были идти пешком, и мы чередовались всю дорогу.

Вместе с нами на первую прогулку отправились два старшеклассника: Джек Гаррис и Фил Адамс. Джек Гаррис был самый сильный во всей школе и лучше всех играл в крикет. Фил Адамс плавал, как щука, и вместе со своим отцом, старым доктором, ходил на охоту. Мы были очень рады, что нам удалось подружиться со старшеклассниками. После той прогулки они так и остались в нашей компании.

Ездили мы и в лес, и на взморье, и в гости к Генри Блэку.

У матери Генри Блэка было две коровы. Генри помогал ей ходить за ними, убирал хлев и косил для коров траву. От него всегда пахло молоком и свежим сеном. Чтобы поспеть в школу, он вставал в пять часов и полтора часа месил ногами дорожную пыль.

Тетушка Эбигейль терпеть не могла Генри Блэка. Она поджимала губы и с ужасом косилась на его толстые башмаки с присохшей к каблукам грязью.

— От этого мальчика пахнет хлевом*, — говорила она. — Он тебе совсем не пара. Его мать — простая молочница.

А мне очень нравилась мать Генри Блэка. Она была толстая, веселая, кормила нас простоквашей и ватрушками и никогда не бранила за то, что мы кладем локти на стол и едим ватрушки руками.

Не было ни одного школьника, который бы не любил четвергов и суббот.

Не было ни одного школьника, который бы любил воскресенья.

Каждое воскресенье, ровно в семь часов утра, тетушка, еще прямее и чопорнее, чем всегда, вся в черном

* Х л е в — сарай для скота.

с головы до ног, словно только что похоронила родную мать, выплывала в столовую. Из других дверей выходил дедушка – тоже в черном. Тетушка поздравляла нас с праздником и усаживалась за стол.

Дедушка не расспрашивал меня об уроках. Тетушка не бранила за оторванную пуговицу. Оба сидели молча и смотрели в свои тарелки. Я с надеждой оборачивался на шаги Китти. Но и у Китти было постное лицо. Китти торжественно несла перед собой на подносе огромный праздничный кофейник, серебряный, с завитушками, похожий на кладбищенский памятник.

Тетушка разливала кофе, и мы все так же молча выпивали свои чашки.

Обычно после кофе дедушка уходил к себе в комнату. Дедушкина комната совсем не похожа на остальные – тетушкины: в ней нет ни куколок, ни салфеточек. Стены, как в каюте, обшиты деревянными дощечками, и вместо картинок на них висят географические карты; кровать железная, походная, покрыта серым пледом; на большом письменном столе сложены в две стопки толстые книги в кожаных переплетах, на камине – песочные часы, компас и подзорная труба.

Но в воскресенье дедушка не уходит к себе, он вздыхает и послушно идет за тетушкой в гостиную.

Тетушка раскрывает толстую Библию в зеленом коленкоровом* переплете. Она целый час читает о разгневанных пророках, уличает кого-то в прегрешениях, грозит судом и страшной карою. «Горе непокорным сынам...»

Тетушка поднимает к небу сухую руку и сурово смотрит на меня и на дедушку. Мне начинает казаться, что

* Коленкóр – переплетный материал на основе хлопчатобумажной ткани.

непокорные сыны – это мы с дедушкой. А дедушка сидит в своем кресле, голова у него покачивается. Заснул.

Ж-ж-ж... – о стекло бьется большая муха с синей спинкой. «Ах, муха ты, муха, верно, и тебе здорово надоело слушать о пророках, которые все чего-то ругаются».

Но вот муха подобралась к форточке, нашла щелку и улетела.

«Повезло тебе, муха. Попробую-ка и я удрать».

Я тихонько встаю и на цыпочках направляюсь к двери.

– Том, ты куда? – спрашивает тетушка и опускает свою тяжелую Библию на колени.

– Тетушка, я только за платком...

– Стыдись, Том, платок у тебя в кармане.

Дедушка вздрагивает и открывает глаза.

– Вы уже кончили, Эбигейль?

– Нет. Сядь, Том, на свое место и слушай слово Божие. Воскресный день должен быть посвящен Богу.

Я глубоко вздыхаю и сажусь в кресло.

«Хорошо, что этому Богу достаточно одного дня в неделю».

Наконец тетушка закрывает Библию.

– Готов ли твой урок катехизиса*, Том? Дедушка проводит тебя в Воскресную школу.

Ну, что же. В Воскресную школу, так в Воскресную школу. Это все-таки веселее, чем слушать тетушкино чтение.

Дедушка тоже так думает. Он быстро встает и хватает свой цилиндр.

* Катехизис – краткое изложение христианского вероучения в виде вопросов и ответов.

Мы выходим на улицу.

На заборе сидит уличный мальчишка и болтает ногами. Дедушка подмигивает мне.

– Что, Том, завидно тебе? Вот его так никто не заставляет посвящать воскресный день Богу.

В школе сидят на длинных скамейках мальчики и девочки. Все прилизанные, чистенькие, в праздничных платьях и курточках. У мальчиков постные лица, а девчонки расправляют оборочки и бантики. Этим только дай нарядиться. За бантик они согласны даже катехизис зубрить.

Возле Переца Виткомба есть свободное место. Я усаживаюсь рядом с ним. Разговаривать нельзя, мы только киваем друг другу головой.

Пастор Гаукинс два часа толкует нам о спасении души, и мы слово в слово повторяем за ним, как надо вести себя и как верить, чтобы быть праведниками.

– ...Непокорных ждет Божья кара, – кончает свои объяснения пастор. – Праведные же войдут в селения Господни. Им предстоит вечное воскресенье.

– Перец! Перец! – толкаю я Виткомба в бок. – Никогда не будем спасать свои души. Ты только подумай: вечное воскресенье! Уж лучше прыгать у чертей на раскаленной сковородке.

Глава 7

Приближалось четвертое июля.

Четвертое июля – День независимости Америки.

В этот день во всех городах дома украшены флагами. Вечером в окнах и на балконах зажигаются площ-

ки; с треском лопаются ракеты и рассыпаются в небе голубыми, красными, зелеными звездами.

За целую неделю до праздника вся наша школа сошла с ума. Никто из мальчиков не мог думать ни о чем другом, кроме петард, римских свечей и пистонов.

Пересчитывали свои карманные деньги, обсуждали, где продается лучший фейерверк, как достать побольше пороха.

Торговка яблоками и сладкими булочками, каждый день приходившая к нам в школу на большой перемене, уже две недели уходила назад с полными корзинами: мальчики копили деньги. Ради ракет и пороха мы все отказывались даже от орехов.

Когда же в городе началась предпраздничная суматоха, мы все взбесились.

— Лангдон, почему ты сегодня опоздал в школу? — спрашивал мистер Гримшау.

— Простите, мистер Гримшау, я смотрел, как украшают ратушу*.

— Фред Лангдон! Фред! — кричали мы со всех сторон. — Чем ее украшают? Флагами? Гирляндами?

Мистер Гримшау с трудом водворял порядок.

Для того чтобы как-нибудь заставить нас заниматься, он придумывал задачи и упражнения, подходящие к случаю. Мы решали, сколько ящиков фейерверка длиной в полтора фута**, шириной и высотой в 1 фут поместится в кладовой объемом в 7 кубических футов; читали рассказы о подвигах героев войны за независимость; отыскивали на картах места, где происходили самые решительные сражения.

* Р а т у ш а — здание городского самоуправления.

** Ф у т — мера длины, равная 30,48 сантиметра.

– Белли, расскажи, почему мы празднуем день четвертого июля, – сказал мистер Гримшау на одном из уроков.

– Мы празднуем этот день потому, что как раз четвертого июля в 1766 году Америка была объявлена независимой, – начал я. – До этого бо́льшая часть Северной Америки была английской колонией. Англия не позволяла Америке ни с кем вести торговлю и присылала кучу своих чиновников, которые очень плохо обращались с американцами. Англия не имела никакого права командовать колонистами, потому что они всю Америку устроили своими руками...

– Вот как? Всю Америку устроили... – прервал меня мистер Гримшау. – А что же открыл Колумб?

– Колумб открыл Америку дикую, а колонисты устроили колонии, и Англия им ничуть не помогала. Вот американцы и возмутились: прогнали чиновников, перестали посылать в Англию торговые корабли и решили не пускать к себе английские. Англичане все-таки прислали в Бостон корабль с чаем. Бостонцы забрались на корабль и побросали в воду весь чай до последнего фунтика*. Началась война. Колонии соединились и все вместе отвоевали у Англии независимость. Америка стала республикой.

– Хватит. Садись, Белли.

На уроках французского языка мы почти совсем не занимались. Столпившись у кафедры, мы наперебой рассказывали о своих приготовлениях и показывали купленные ракеты.

Француз говорил нам, как называются ракеты по-французски, и разучивал с нами наизусть революционные стихи.

* Ф у н т – мера веса, равная 453,6 грамма.

Только на уроках чистописания все оставалось по-прежнему. Мистер Мольбери круглым почерком выводил на доске скучные прописи, и мы, как всегда, корпели над разграфленными тетрадками.

Желтая лакированная линейка еще чаще шлепала нас по пальцам, еще громче стучала по кафедре, потому что мы все время шептались и перебегали с места на место.

И вот один раз мы устроили заговор.

– Слушайте! – закричал Фил Адамс за десять минут до прихода в класс мистера Мольбери. – Слушайте! Долго ли этот урод будет мучить нас своими прописями? Даже в самый день четвертого июля он готов засадить нас за тетрадки. Давайте проучим его хорошенько. Держу пари, что на сегодня мы избавимся от чистописания.

– Как? Как? Что ты придумал, Фил? – закричали мы. – Выкладывай скорей, Адамс!

– Марден, стань у дверей и сторожи! –скомандовал Адамс. – У кого с собой есть пистоны? – шепотом спросил он.

Дюжина ладоней с зелеными коробочками протянулась к нему.

– Это больше, чем нужно, – сказал Фил Адамс и взял из каждой коробочки по щепотке.

– Нож! – шепотом распоряжался он. – Джек, помоги!

Джек Гаррис открыл свой прекрасный перочинный нож с четырьмя лезвиями. Мальчики осторожно вытянули ножом гвоздики, которыми была прибита на кафедре черная клеенка. Фил Адамс просунул под клеенку целую кучу пистонов и потом большим пальцем вдавил гвоздики на старые места.

– Идет! Идет! – вдруг закричал Марден, и мы бросились к своим партам.

Мистер Мольбери вошел в класс, повернулся к нам спиной и начал выводить на доске:

Почитание родителей и наставников – первый долг детей.

– Как ты думаешь, он ничего не заметил? – шепнул мне Уоллес.

Я покачал головой.

– Кажется, ничего.

– Конечно, ничего. Он даже не посмотрел на кафедру, – зашептал Виткомб со своей парты.

Мистер Мольбери положил мел и вытер руки платком. Потом медленно направился к кафедре.

– Подходит, подходит, – зашипел Перец.

Ко мне на парту упала записка:

А вдруг пистоны не выстрелят? Генри Блэк.

Я обернулся и сказал одними губами:

– Вы-стре-лят.

Не отрываясь, я смотрел на мистера Мольбери. Мистер Мольбери вертел в руках линейку.

«Только бы стукнул, только бы стукнул скорее».

Мистер Мольбери положил линейку и отвернулся к окну.

Я перегнулся через парту и дернул Фила Адамса за рукав.

– Пропало! Он не стукнет.

– Тише! – закричал мистер Мольбери. Желтая линейка высоко поднялась и с размаху шлепнулась на кафедру.

Трах-тах-тах... – разнеслось по классу. Запахло гарью.

– Ай-ай-ай... – пронзительно закричал мистер Мольбери и присел от страха. Линейка упала на пол. Мистер

Мольбери замер на корточках с широко открытым ртом и растопыренными руками.

Мы сидели затаив дыхание и смотрели в разинутый рот мистера Мольбери.

Вдруг щеки Переца Виткомба надулись, как два пузыря, задрожали, как желе, он искоса посмотрел на меня и прыснул в кулак.

Вслед за ним, пряча голову под парту, захихикал Сэт Роджерс.

– Ха-ха-ха!.. – не удержался и я.

– Ха-ха-ха!.. Хо-хо-хо!.. – раскатилось по всему классу.

Мы хохотали до слез. Блэк схватился за живот, а Фил Адамс упал головой на парту и заливался так, что голова его подпрыгивала и стучала, как деревянная.

Мистер Мольбери выпрямился, глаза его забегали по нашим лицам. Вдруг он покраснел так, что, казалось, кровь брызнет у него из щек, схватил свою шляпу и, как бомба, вылетел из класса. Дверь с треском хлопнула, даже стекла зазвенели.

Мы повскакали с мест.

– Качать Филадельфию! – закричал Джек Гаррис.

Мы подхватили Филадельфию и качали до тех пор, пока у него не треснули подтяжки.

Перец Виткомб выскочил на середину класса. Он присел на корточки возле кафедры и разинул рот, точь-в-точь как мистер Мольбери. Мы опять чуть не лопнули от смеха.

– А ведь Филу здорово влетит, – сказал Конвей.

– Как – Филу? – подскочил к Конвею Джек Гаррис. – Только посмей пожаловаться – забудешь, как тебя зовут!.. Смотрите, язык держать за зубами, – обернулся он ко всем.

– Что ты, Гаррис! С ума сошел? О чем тут говорить?.. Сами знаем! – закричали мы в один голос.

В это время дверь открылась, и вошел мистер Гримшау. Он порядком отчитал нас и оставил всех на три часа после уроков.

Глава 8

С давних пор в Ривермуте существовал обычай: в ночь с третьего на четвертое июля, ровно в двенадцать часов, городские мальчишки зажигали на площади против ратуши огромный костер.

– В половине двенадцатого у ратуши, – сказал мне Перец Виткомб, прощаясь со мной третьего июля.

– У ратуши, – сказал я решительно и направился домой, размахивая сумкой.

«Пойду непременно, – подумал я. – Только как это устроить? Два дня тому назад тетушка Эбигейль при мне сказала Китти: «Опять эти мальчишки будут целую ночь кричать на площади. Когда-нибудь они подожгут город». Нет, тетушка меня не пустит. Дедушка-то, пожалуй, ничего. Но тетушка его может отговорить. Тогда пропало мое дело. Надо просто сбежать».

Вечером в девять часов я попрощался с дедушкой и тетушкой Эбигейль и поднялся в свою комнату. Я разделся и лег в постель. Часы на колокольне пробили половину десятого, десять. Хлопнула дверь вниз. Это дедушка пошел спать. Как эхо отозвалась другая дверь – тетушка Эбигейль тоже ушла к себе.

Зашаркали по коридору шаги: это Китти идет запирать на замок входную дверь. Наконец все стихло.

«Один, два, три, четыре... – считал я удары часов. – Одиннадцать. Пора!»

Я вскочил и стал одеваться.

«Не забыть бы только завязать узлы на веревке», – думал я, натягивая штаны.

Толстая бельевая веревка с утра была спрятана у меня под кроватью – я отрезал потихоньку длинный кусок из Киттиных запасов, хранившихся на чердаке.

«Хорошо, что я раздобыл эту веревку. Без нее мне не выбраться: входная дверь скрипит, в темноте непременно что-нибудь опрокинешь. Тетушка услышит, подумает – вор, весь дом переполошит».

Я завязал петлю, прикрепил веревку к оконной ручке, встал на подоконник и, ухватившись за веревку обеими руками, скользнул вниз. Ладони обожгло словно кипятком.

«Черт возьми, про узлы я все-таки забыл».

Но что такое? Веревка кончилась, а ноги мои болтаются в воздухе. Я попытался нащупать землю носком башмака. Земли не было. Я посмотрел вниз: веревка была короче, чем нужно, по крайней мере на пять-шесть футов. Нечего делать. Надо решаться. Я разжал руки и полетел вниз.

Под окном росли большие кусты шиповника. Я шлепнулся прямо в гущу упругих колючих веток и вскочил на ноги. Я совсем не ушибся, только поцарапал колючками руки и правую щеку. Но это были сущие пустяки.

«Ну, теперь скорей на площадь!»

Вдруг чья-то рука схватила меня за шиворот.

– Ты что тут делаешь, бездельник? – и бородатый ночной сторож направил фонарь прямо мне в глаза.

– Я здесь живу.

– Порядочные люди ходят через двери, а не через окна.

– Видите ли, мои товарищи ждут меня на площади зажигать костер. У нас в доме все уже спят: я не хотел будить...

Сторож осмотрел меня с ног до макушки и покачал головой.

– Э, что с тебя взять! Беги скорей, а то без тебя зажгут.

Посередине площади в темноте носились взад и вперед черные тени. У одной голова была вдвое больше туловища, другая размахивала длинной и тощей, как жердь, рукой, у третьей за спиной торчал огромный горб. Я подбежал поближе и узнал горбатую тень – это был Блэк, он тащил на плечах вязанку колючего хвороста.

– Здорово, Блэк!

– А, это ты, Белли! Скорей за дело!

– Белли, где Белли? – закричал откуда-то Виткомб. – Беги сюда. Мы нашли целый склад поломанных бочек.

И откуда-то из темноты к самым моим ногам с грохотом подкатился бочонок. Я поставил бочонок себе на голову и, придерживая его обеими руками, побежал вслед за Блэком.

Через полчаса настоящая пирамида из всякогохлама выросла на площади.

Пустые бочонки, ящики из-под яиц, куски развалившегося забора, обломки досок, ветки – все пошло в ход. В щели мы насовали пучки соломы и старые газеты на растопку.

– Раз, два, три... – зажи-га-а-ай!

Чиркнули спички, и огненные змейки поползли со всех сторон. Вот три из них встретились, слились, и желто-красный язык взлетел вверх.

Вот вырвался другой, третий...

Пирамида загудела, затрещала и вспыхнула разом. Искры заметались в темном небе, и красные зайчики запрыгали на стеклах домов.

– Ура! Ура! – закричали мы и, схватившись за руки, заплясали вокруг костра.

– Подбрасывай, не зевай! – кричали мы друг другу, и охапки черных веток летели в огонь.

Черные ветки краснели, корбились и пропадали в костре.

Середина площади стала островом, шумным и страшно светлым. Мальчишки, перепачканные сажеей, с прилипшими ко лбу волосами, орали и плясали, как дикари.

За островом стояла темнота, и тот, кто переступал границу, исчезал из глаз, точно проваливался сквозь землю.

К двум часам костер проглотил все наши запасы. Огненные языки осели, синие барашки закудрявились над углями. Остров становился все меньше и меньше.

– Том Белли! Том Белли! – окликнул меня из темноты кто-то невидимый.

Под деревом стояла кучка мальчиков. Я еле различил Гарриса, Адамса, Блэка и Виткомба.

– Идем с нами, Том, – сказал шепотом Гаррис. – У нас замечательный план.

И мы все пятеро зашагали по темному боковому переулку.

– Перец, куда мы идем? – тихонько спросил я.

– Мы решили сжечь старый дилижанс* Ньюмена Вингета. Он все равно никуда не годится, а гореть будет до утра, – ответил Перец.

– Правильно, – закричал я. – На всю ночь хватит.

– Тише! Что ты кричишь! Стоп, ребята! Пришли.

В самом конце переулка стоял сарай. Переулок был узкий и от площади до сарая подымался горкой. Сарай мрачно глядел вниз разбитыми окнами. С давних пор в нем хранился старый дилижанс, когда-то ходивший между Ривермутом и Бостоном и сосланный на покой с тех пор, как построили железную дорогу.

Давно сложили головы на службе у водовоза таскавшие дилижанс серые клячи. Умер возница, постоянный посетитель трактира «Белый голубь». А дилижанс все еще стоял в сарае, обрастая плесенью, покрываясь паутиной и разваливаясь с каждым днем все больше и больше.

Дверь была заперта только ржавым засовом. Мы дружно налегли. Дверь скрипнула и неожиданно легко распахнулась. Из глубины сарая так и понесло холодом, густой сыростью и плесенью. Во всех углах что-то зашуршало и зашевелилось.

– Ай! – закричал Перец.

Летучая мышь с писком пронеслась над его головой и задела крылом волосы.

Мы все отскочили назад.

– Кто не трус – вперед! – скомандовал Гаррис.

Я стиснул зубы и шагнул в сарай.

Вслед за мной двинулись Джек Гаррис и остальные мальчики.

* Д и л и ж а н с – многоместная карета, перевозившая пассажиров и почту.

Фил Адамс зажег спичку. Мы увидели старую карету. Это был не дилижанс, а скелет дилижанса. Вся краска облупилась, подушки с сиденья исчезли, кожаные шторы висели лохмотьями, в трухлявых рамах торчали осколки стекол.

Вдруг Блэк взвизгнул и схватил меня за руку.

– Что ты, что с тобой?

– Кто-то прошмыгнул за моей спиной.

– Пустяки. Тебе показалось, – успокоил я Блэка.

– Кто там труса празднует? – заворчал на нас Джек Гаррис. – А ну-ка, навались, ребята!

Мы схватились за дышло и выволокли инвалида из сарая. Он скрипел, дребезжал и стонал, как будто предчувствовал свою гибель. Заржавленные колеса не хотели двигаться и упирались в землю.

Но мы разом навалились на кузов, и дилижанс, подпрыгивая и кренясь то направо, то налево, покатился под гору. Он катился все быстрее и быстрее.

На площади толпа мальчишек с криком расступилась перед дилижансом, и дилижанс с разгону въехал прямо в костер. Он качнулся раз-другой и остановился.

Сухое дерево сразу затрещало, затрепетали и скорчились кожаные занавески, и дилижанс запылал, как стог сена.

Вдруг черная человеческая фигура появилась на козлах дилижанса. Человек что-то кричал и махал руками.

Мы так и замерли. Отчаянный скачок – и Перец Виткомб с размаху шлепнулся прямо между мной и Филом. Фил Адамс сдернул с себя куртку и набросил ее Перцу на голову.

Раз, раз – куртка за курткой полетели на Виткомба.

– Черти, что вы делаете? – закричал Перец, с трудом выкарабкиваясь из-под кучи курток.

Он был совершенно цел. От огня пострадали только волосы и брови.

– Зачем вы забрасываете меня всяким хламом?

– Так всегда делают, когда человек выскакивает из огня, – отвечал Фил Адамс.

– Но как тебя угораздило попасть в костер? – спросил я.

– Я хотел, чтобы вы меня прокатали с горы, – виновато ответил Перец, – и забрался потихоньку в дилижанс. А вы, сумасшедшие, вогнали его прямо в огонь. Так ведь и спалить человека можно, – рассердился он.

Мы захохотали.

– Так тебе, лодырю, и надо.

– Сами вы хороши... – начал Перец и вдруг застыл с открытым ртом и вытаращенными глазами. Мы обернулись. Двое полицейских стояли за нашими спинами.

– Марш за нами! Вы арестованы, – сказал полицейский.

Я посмотрел на мальчиков. Лица у всех вытянулись, как огурцы.

Опустив головы, мы поплелись за полицейскими.

У поворота я обернулся.

Вся площадь, до самого дальнего угла, была светлая и даже как будто теплая.

На земле качались и шевелились черные тени и оранжевые полосы.

Окошки во всех домах кругом стали точно расплавленные.

А посередине площади был уже не костер, а настоящий пожар.

Хорошо горел дилижанс Ньюмена Вингета.

Белое двухэтажное здание ратуши задним фасадом выходило на грязный переулок. С этой стороны ратуша совсем не была нарядной. На потемневшей штукатурке тускло поблескивали редкие окошки и перемигивались с решетчатыми окнами желтого унылого полицейского участка.

Зазвенели ключи, заскрипел засов, и перед нами растворилась кованая тяжелая дверь.

Мы очутились в большой пустой комнате. Жестяная лампа коптила под самым потолком. Лампа освещала грязные стены, каменный пол и голые лавки.

Снова щелкнул замок, заскрипел засов, и мы остались одни.

– Ушли... Заперли... – упавшим голосом сказал Генри Блэк.

– Вот так штука... – протянул Джек Гаррис.

Больше никто не говорил ни слова.

В полицейском участке было глухо и мрачно, как в погребе. От тишины звенело в ушах. По стене медленно полз паук. Он не обращал на нас никакого внимания.

Мы уселись на лавку.

Генри Блэк вытащил перочинный нож и грустно принялся вырезать свой вензель, но рука у него дрожала, и вензель вышел гораздо хуже, чем всегда.

Тонкий храп с присвистом донесся из глубины.

Кто-то, кроме нас, был в полицейском участке.

Три двери с решетчатыми окошками выходили в нашу тюрьму. К дверям были прибиты дощечки с номерами: 1, 2, 3.

Вдруг в окошечке № 1 появилась рожа: лиловый, висячий, как слива, нос, рыжие спутанные бакенбарды, на одном ухе засаленная матросская шапка.

Рожа посмотрела на нас заплывшими глазами, громко зевнула, показав вместо зубов целый лес обгорелых пней, и скрылась.

Мы молча переглянулись.

– Фил, а Фил, – вдруг сказал Перец Виткомб. – Как ты думаешь, нас не повесят?

– Трус! – огрызнулся Адамс. – Мы же сожгли не ратушу, а только старое корыто Ньюмена Вингета.

– Будет гораздо хуже, – сказал Джек Гаррис. – Нас продержат здесь все четвертое июля.

– Дураки вы будете, если просидите здесь, как цыплята в курятнике, – заскрипел за дверью № 3 чей-то хриплый бас, и в окошке показалась рябая, красная, как медная кастрюля, физиономия, с черной курчавой бородой. – Хотел бы я быть на вашем месте. Только бы меня здесь и видели.

Джек Гаррис вскочил и подошел к решетке.

– А что бы вы сделали?

– Поставил бы скамейку на скамейку, на нее еще скамейку и показал бы им хвост вон через то окошко.

В самом деле, над входной дверью было открытое окошко.

– Остроумно замечено, дружище Чарли, – отозвался из-за своей двери рыжий арестант № 1. – Я бы с удовольствием пожал твою руку, но проклятая решетка мешает вежливому обращению. Молодые искатели приключений, не пожертвуете ли вы что-нибудь заключенным за добрый совет?

Мы порылись в карманах и сунули несколько монеток мистеру Чарли и его рыжему товарищу.

Потом осторожно, на цыпочках, мы перенесли к дверям скамейку. На эту поставили другую, третью...

Джек Гаррис вскарабкался наверх и выглянул в окошко.

– Все спокойно. Полицейских нет. За мной!

Он просунул в окно ногу, плечо, оттолкнулся – и был таков. За ним полез Адамс, потом Блэк.

Я и Перец чуть не застряли в окне, потому что никто не хотел оставаться последним.

– Лезь, Белли.

– Да пролезай же, Перец! – шипели мы и наконец разом вывалились на улицу.

– Ну, теперь спасайся, кто может!

Глава 9

Китти Коллинс стояла в дверях и изо всех сил трясла коврик. Вокруг нее облаком кружились пылинки. Увидев меня, Китти опустила ковер на крыльцо.

– Наконец-то, мастер Том! Где это вы бродите по ночам? И что вы сделали с моей веревкой? Добрая половина ее висела из вашего окна. Еще скажите мне спасибо, что я убрала ее, а то здорово досталось бы вам от тетушки.

«Вот хорошо, что она убрала веревку».

– Китти, милая, спасибо!

Китти засмеялась и опять принялась за свой коврик.

– Да ну вас! Идите выспитесь. Еще три часа осталось до завтрака.

Я на цыпочках вошел в коридор. Ставни были еще закрыты. Зеленоватый полумрак стоял в углах. Только сквозь щелку пробивался свет и рисовал на полу жел-

тые прямоугольники. Стулья и половицы поскрипывали, как будто кряхтели, просыпаясь.

Я поднялся в свою комнату, сбросил башмаки и, не раздеваясь, лег на кровать. Но заснуть я не мог.

«Что-то будет? — думал я. — Заметили они уже, что мы удрали, или нет? Знают ли они нас по именам? А ловко посоветовал этот краснорожий Чарли. Если бы не он, мы бы так и сидели в участке. Что бы сказал дедушка? Здорово бы рассердился? Дилижанс хоть был негодный, а все-таки не наш. Ой, как влетит! Удрал без спросу... Попал в участок... И дилижанс этот несчастный...»

Так ворочался я с боку на бок, пока внизу не захлопали двери и не зазвякали чашки.

Я встал, умылся, пригладил волосы, надел другую курточку и сошел вниз.

За празднично накрытым столом сидели дедушка и тетушка Эбигейль. На дедушке вместо обычной домашней куртки был парадный серый сюртук, тетушка была в лиловом шелковом платье, золотой медальон с голубым камешком висел у нее на шее.

Посередине стола стоял румяный крендель, весь обсыпанный сахаром и утыканный изюмом и миндалем.

Дедушка прихлебывал кофе и читал утренний, еще пахнущий краской номер «Ривермутской утки».

— Доброе утро, — сказал я тихо, сел на место и стал есть свой кусок кренделя, стараясь не глядеть на дедушку.

— Доброе утро, доброе утро, — ответил дедушка и продолжал читать газету. Но я почувствовал, что он раза два искоса посмотрел на меня.

— Ну, как ты сегодня спал, Том?

Я покраснел до слез.

— Благодарю вас, ничего.

— А я всю ночь не сомкнул глаз. Эти негодные мальчишки на площади не дали мне ни минуты покоя, — сказал дедушка. — Что только делалось сегодня ночью в городе!

Чашка задрожала у меня в руках, и кофе выплеснулся на блюдечко.

— Что только делалось! — повторил дедушка. — Эти шалопаи забрались в сарай Ньюмена Вингета и сожгли его дилижанс. Настоящие разбойники! Пусти их, так они спалили бы весь город. Ведь спалили бы, Том? Как ты думаешь?

Я боялся пошевелинуться и упорно смотрел в чашку. Язык у меня прилип к небу.

— Что же ты молчишь, Том? Разве ты со мной не согласен? — спросил дедушка опять и принялся за свою газету.

— Как?! — вскрикнул он вдруг.

Я чуть не свалился со стула.

— «Злоумышленники остались неизвестными! — возмущенно указал дедушка пальцем по строчкам “Ривермутской утки”. — Они бежали с места заключения, не оставив никаких следов, могущих служить для определения их личности, кроме вензеля Г. Б., вырезанного на скамье».

«Идиот этот Генри Блэк! Вечно он со своими вензелями!»

— «Потерпевший владелец дилижанса мистер Ньюмен Вингет предлагает пять долларов вознаграждения за указание виновных».

Ах, он никогда не кончится, этот несчастный завтрак! Вон дедушка опять подвигает свой стакан тетушке Эбигейль, и коричневая струйка, дымясь, бежит из носика кофейника. Вот тетушка вооружилась

длинным ножом и опять принялась нарезать тонкие ломтики кренделя.

Тетушка, как всегда, не спрашивая, хочу я или нет, подкладывает мне еще ломтик.

Кусок застревает у меня в горле, но я жую и жую, чтобы дедушка и тетушка ничего не заметили. Наконец дедушка складывает салфетку и встает. Я вскакиваю со стула и пулей вылетаю из комнаты. Спрятаться бы! Удрать бы куда-нибудь подальше! Я вбегаю в конюшню и плотно закрываю за собой дверь. Джипси встречает меня ржанием. Она спокойно ест свой овес и благодушно помахивает хвостом. Ей что? Это ведь не она сожгла дилижанс и не она сидела в участке!

Я стал седлать Джипси.

«Уеду к Блэку на ферму, чтобы подольше не попадаться на глаза дедушке», – решил я.

– Том! Белли! Где ты? Куда ты провалился? – закричал кто-то во дворе. Я высунул голову за дверь. Джек Гаррис и Чарлз Марден стояли посреди двора.

– Приходил сюда Ньюмен Вингет? – спросил Джек Гаррис.

– Что ты? Что ты? – зашептал я и замахал руками. – Сюда? Ньюмен Вингет?

– Понятно, сюда! Все уже открыто. Он явился к нам чуть не в восемь часов и поднял папу с постели. Дело было жаркое, но все уладилось.

– Как уладилось?

– Да очень просто. Он потребовал, чтобы каждый из нас заплатил ему по три доллара: ты, я, Фил Адамс, Генри Блэк и Перец Виткомб. Выходит 15 долларов, а старая колымага не стоит и 75 центов. Недурно старик нагрел себе руки!

– Да откуда же он узнал, что это мы?

– Он все подглядел, старая лиса. Помнишь, Блэк взвизгнул – это Вингет собственной персоной прошмыгнул за его спиной. Он нарочно дал нам укатить свой дилижанс, чтобы потом содрать за него втридорога. И объявление в газете он дал сам.

Ух! Гора с плеч! Значит, мы никого не обокрали. Ньюмен сам хотел, чтобы у него утащили дилижанс. Теперь заплатим – и дело с концом.

Я вывернул карманы и сосчитал все свои деньги. От пяти долларов, которые прислал мне на праздники папа, осталось три доллара четыре цента. Отдам их дедушке. Пусть заплатит Вингету.

– Подождите меня, ребята, я сейчас! – крикнул я товарищам и побежал к дедушке.

Дедушка сидел у себя в комнате и писал письмо.

– Дедушка! – закричал я. – Мне нужно вам что-то сказать. Вот!.. – Я высыпал на стол целую кучу блестящих монеток. – Как раз три доллара!

– Возможно, – сказал дедушка, – но только зачем ты устроил мне на столе эту меняльную лавку?

Я, захлебываясь и запинаясь, выложил всю историю: про веревку, костер, дилижанс, про краснорожего Чарли, про полицейских, про участок...

Когда я закончил, дедушка открыл средний ящик стола, вынул исписанный листок бумаги и, ни слова не говоря, протянул мне.

Я прочитал:

«Я, нижеподписавшийся, получил сполна от капитана Даниэля Нёттера 3 доллара, причитающиеся с внука его Томаса Белли за покупку дилижанса.

Дано 4 июля 18...г.

Ньюмен Вингет»

Дедушка сбоку смотрел на меня.

– Я имел удовольствие беседовать с мистером Ньюменом Вингетом за полчаса до завтрака, – сказал он.

Дедушка сгреб монеты в кучу и прихлопнул их ладонью.

– Ну, а что мы сделаем с этим?

– Не знаю, дедушка.

– Хочешь взять их обратно?

– Нет, это я вам должен за Вингета.

– Ты прав, настоящий мужчина сам платит свои долги.

Пока я разговаривал с дедушкой, пришли Уоллес и Перец Виткомб.

Все четверо стояли посреди двора. Перец Виткомб что-то говорил, размахивая руками, и все хохотали.

– Том, ты только послушай! – закричал Чарлз Марден, как только я выскочил на крыльцо. – Замечательная новость! Перец, расскажи ему сначала.

– Ладно. Слушай, – сказал Перец. – Прибежал я после нашей ночной передряги домой, пробрался к своей постели и заснул как убитый. Снилось мне всякая дрянь: будто я попал в костер и что-то про полицейских. Вдруг олышу, кто-то кричит над ухом: «Да проснешься ли ты, негодяй?!»

Открыл глаза, смотрю: отец стоит надо мной, злой как черт.

– Хороших ты дел натворил, самих бы вас сжечь вместо этого дилижанса. Шалопай! Бездельники! Работаешь с утра до вечера, а он по три доллара выпускает в трубу. Да сам ты с руками и ногами не стоишь трех долларов.

Я вскочил как встрепанный. Какие три доллара? Оказывается, отец встретил Вингета на улице, и эта старая лиса на нас нажаловалась.

Отец кричит:

– Где я возьму три доллара? Вот было у меня тебе на башмаки... Теперь ходи босой. Надо отдавать деньги ни за что ни про что. Пятнадцать долларов за такую старую рухлядь. На! Тащи! Да возьми расписку, а то ведь он, сквалыга, скажет, что ни черта не получал.

Я скорее шапку в охапку – и побежал.

Ну и берлога у этого Вингета. На улице жара, а у него все окна закрыты, пыль, паутина по всем углам. А книг конторских – просто тьма, как дрова в углу сложены.

Только сел старикашка писать расписку, кто-то стучит в дверь. Пошел он открывать, и слышу я вдруг какой-то знакомый голос в коридоре. Сладенький такой. Я заглянул в щелку. Вот тебе и раз! Наш Конвей.

– Мистер Вингет. Будьте любезны уплатить мне пять долларов, я знаю преступников.

Старик потер руки, хихикнул и говорит:

– Опоздали-с, молодой человек. Преступники обнаружены без вас.

– Как, уже? Да ведь газета только что вышла.

– Уже. В другой раз будьте попроворнее.

– Да вы, может быть, не тех знаете?!

– Тех самых. Будьте здоровы, молодой человек.

И захлопнул перед его носом дверь.

Я схватил расписку – и за ним. На углу догнал его и говорю:

– Ну, Билли, что получил за доносик?

Он испугался, что я его вздую, и понесся от меня, как заяц. А я к вам! Хорошенькая история?

– Ну и мерзавец этот Конвей! – воскликнул Гаррис.

– Попадись он мне только! – стукнул я по воздуху кулаком.

Со стороны площади донесся выстрел. Из-за реки, как эхо, отозвался другой. Где-то за нашим домом с треском взорвалась целая дюжина петард. Ривермут салютовал четвертому июля.

— Черт с ним, с этим Конвеем! — закричал Гаррис. — Где наши петарды? Отпразднуем хорошенько сегодняшний день и наше избавление.

Мы выкатили из сарая огромную пустую бочку и торжественно поставили ее посреди двора. Весь запас наших петард был пущен в ход, и взрыв получился на славу.

Жаль, что у нас нет ни ружья, ни пистолета, — сказал Чарлз Марден.

— Как нет? — закричал я, побежал к себе в комнату, сорвал со стены свой медный пистолет и, запыхавшись, вернулся во двор.

— Заряжен настоящим порохом!

— Покажи-ка, — сказал Гаррис и недоверчиво повертел пистолет в руках.

— Он не выстрелит.

— Выстрелит! — я нажал собачку. Курок слабо щелкнул. Пистолет молчал.

Потом попробовал Гаррис, за ним Перец Виткомб, Бенни Уоллес и Марден. Пистолет молчал.

— Не может быть! Он же стрелял в Новом Орлеане.

Я вырвал у Мардена пистолет и изо всех сил дернул собачку.

Ба-бах...

Целое облако дыма взвилось надо мной. Что-то с размаху ударило меня в грудь, а руку дернуло и как будто отрывало от плеча.

— Ты ранен? Ты ранен? — закричал Уоллес.

— Н-не знаю... — растерянно пробормотал я.

Дым рассеялся, и я увидел, что от моего прекрасного пистолета осталась только погнувшаяся рукоятка. Я с грустью смотрел на эти жалкие остатки.

– Не вешай нос, Том, – сказал Гаррис, – твой пистолет погиб славной смертью в день четвертого июля.

– Давайте похороним его с почетом! – предложил я.

– Похороним! Похороним! – закричали Марден и Уоллес.

Я притащил коробку из-под дедушкиных сигар. Уоллес пожертвовал свой носовой платок, и мы завернули в него рукоятку моего бедного пистолета. Под грушевым деревом мы вырыли ямку и торжественно опустили в нее сигарный ящик. Забросали ящик землей, насыпали холмик и покрыли его маргаритками с любимой тетушкиной клумбы. Над могилкой мы водрузили дощечку с надписью:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ
мистер ГРОМОВОЙ из НОВОГО ОРЛЕАНА,
погибший геройской смертью
4-го июля 1847 года
двух лет от роду.

– Вечная память тебе, старый товарищ, – сказал я и снял шапку. – Ты служил мне верой и правдой. Ну а теперь – на площадь!

Глава 10

На площади у ратуши столпились дамы в светлых платьях, горожане в длиннополых сюртуках, сельские жители в толстых куртках с блестящими пуговицами.

Над бантами, яркими зонтиками, цилиндрами, крестьянскими шляпами с кокардами высилась голубая, украшенная флагами трибуна.

На трибуне размахивал руками Иезекиил Элькинс, секретарь муниципалитета. В черном сюртуке, черном галстуке и узких панталонах, он был похож на рассерженного майского жука, дрыгающего лапками.

Иезекиил Элькинс что-то говорил, широко раскрывая рот.

Мужчины вытягивали шеи, дамы подымались на цыпочки. Все молчали и слушали. Мы пустили в ход кулаки и локти, чтобы пробраться к трибуне. Но кулаки и локти не помогли. Мы так и остались позади.

Только отдельные слова долетали до наших ушей:

«Уважаемые сограждане... Великий день четвертого июля...»

Нам скоро надоело ловить обрывки слов и смотреть, как разевает рот Элькинс, и мы уже стали подумывать, где бы найти что-нибудь позанятнее.

Но, к нашему счастью, Иезекиил кончил речь.

«Ура!.. Да здравствует свободная Америка!» – загремело со всех сторон.

Шапки полетели в воздух, застучали каблуки, захлопали руки.

Мы тоже заорали: «Ура! Ура! Да здравствует свободная Америка!»

Чарлз Марден сложил ладони коробочкой и хлопал так громко, что соседи оборачивались. Перец Виткомб забросил свою шапку прямо на дерево. Она висела на ветке, как яблоко, и качалась. Мы еле сшибли ее потом камнем.

Иезекиил поклонился, прижав руку к сердцу, и сбежал с трибуны. Толпа заколебалась и стала расплываться по всей площади и по соседним бульварам.

Дамы просунули под локти своих мужей ручки, затянутые в светлые перчатки, и подхватили пышные оборки праздничных платьев.

Мужчины важно вели дам, свободной рукой опираясь на трость.

Девицы, шурша крахмальными юбками, взявшись под руки, шли целыми шеренгами. Они поглядывали по сторонам, перешептывались и хихикали.

Мальчишки шныряли в самой гуще толпы, проскальзывали под локтями толстого лавочника, наступали на платья дамам, плечом разбивали шеренгу барышень.

— Элькинс... Америка... Речь... Городское управление... — жужжала толпа.

— Молодчага Элькинс. Здорово это он про бостонцев, как они скормили рыбам английский чай.

Перед нами шел, расталкивая толпу саженными плечами, ломовой извозчик* Смит.

— Посмели бы они теперь приставать к Америке! Мы бы им!..

Смит был самый сильный человек в Ривермуте. Он бросал на свою телегу огромные мешки, точно в них была не мука, а пух. Все школьники нарочно бегали на рынок смотреть на силача.

Мы догнали Смита и вежливо сняли перед ним шапки.

* Ломовой извозчик — извозчик, перевозящий тяжести.

– Здорово, пареньки, – приветливо ответил он и красной пятерней сгреб с курчавой головы высокий картуз.

Стайка розовых и голубых мисс заслонила от нас Смита.

Запахло резедой и ландышами. Атласная лента скользнула у меня по носу.

– ...Мистер Элькинс произнес прелестную речь, – с жаром говорила девица в шляпе с незабудками.

– Но как жаль, что он такой старый и некрасивый. Вот если бы у него были большие черные глаза и прямой нос, как у Генри Джонса из магазина «Последние моды»...

– Вот пигалицы, – прошептал Чарлз Марден. – Смотрите, ребята, что сейчас будет!

Чарлз вытащил из кармана «лягушку» (так назывались у нас трескучие прыгающие ракеты).

– Ах!.. Ой!.. Ай!.. – завизжали девицы и рассыпались в разные стороны. – «Лягушка» прыгала прямо у них под ногами, трещала и бросала искры на кисейные платья.

– Ох уж эти мальчишки, – сказал Марден девицам и скорчил самую постную физиономию. – Вечно они пристают к гуляющей публике.

Мы все вежливо поклонились и как ни в чем не бывало пошли дальше.

Вокруг площади как грибы выросли маленькие ресторанчики: два-три столика, четыре скамейки и огромные вывески.

САМОЕ холодное мороженое
И САМЫЕ горячие пирожки

Лучшее в АМЕРИКЕ пиво

Прохладительные напитки
ДЕШЕВО И ВКУСНО

Но больше всего мне понравилась намалеванная яркими красками огромная пивная кружка с пышной пеной, переливающейся через край. Кружка была точь-в-точь Везувий во время извержения.

– Зайдем сюда, выпьем по кружке пива. Я угощаю.

Мы уселись на скамейки и спросили «лучшего пива в Америке».

Долговязый парень в белом переднике поставил перед нами шесть тяжелых глиняных кружек.

Пиво шипело и пенилось. Пузырьки вздувались и лопались. Горький холодок пощипывал язык.

Какой-то мальчишка остановился перед ресторанчиком и посмотрел на нас с завистью:

– Ишь, расселись, черти!

Мы потягивали пиво маленькими глотками. Приятно сидеть за столиком и поглядывать на мальчишек, шмыгающих вокруг!

Гаррис очень шикарно закинул ногу на ногу и сдвинул на затылок шляпу.

Но пива в кружках становилось все меньше и меньше, и наконец круглое дно выглянуло и заблестело, как лысина.

Я поднял кружку, запрокинул голову и вылил в рот последнюю каплю.

– Жаль, – сказал я, – было вкусно.

– Будет еще вкуснее, – сказал Марден. – Идем к Петтинджилю есть мороженое.

Я порылся в карманах.

– У меня больше нет денег.

– Я все до цента потратил на петарды, – заявил Виткомб.

– А я на яблоки, – прибавил Бенни Уоллес.

– Бросьте, друзья, идите, если зовут, – сказал Марден.

Мы не заставили себя долго просить и отправились к Петтинджилю.

Кондитерская Петтинджиля была самая лучшая в городе.

Хозяин ее, мистер Петтинджиль, был самый знаменитый человек в Ривермуте. Ни один свадебный обед, ни один юбилейный вечер не обходился без пломбира и тортов его изготовления.

Но не торты и пирожные прославили мистера Петтинджиля. Он был капельмейстером* любительского оркестра «Ривермутские друзья музыки». И когда его кругленькая фигурка, горбатый нос и торчащий, как петушиный гребень, хохолок появлялись на эстраде, публика хлопала, не жалея ладоней.

Мистер Петтинджиль дирижировал, приподнимаясь на цыпочки и грациозно размахивая палочкой.

На репетициях эта самая палочка дробно стучала по деревянному пюпитру и угрожающе качалась перед носом зазевавшегося фагота или барабанщика. Мистер Петтинджиль был вспыльчив.

Чарлз Марден дернул дверь с надписью: «Кондитерское искусство Петтинджиля».

Серебристо зазвенел колокольчик, и мы вошли в кондитерскую.

* Капельмейстер – дирижёр.

По стенам на полках были аккуратно расставлены коробки, перевязанные розовыми и голубыми ленточками. С крышек улыбались кудрявые красавицы, прижимавшие к груди букеты роз.

На стойках под стеклом нежно белели и розовели кремовые башенки тортов и пирамиды конфет. Сладкий запах ванили и рома поднимался от напудренных сахаром кексов и пудингов.

За прилавком стояла продавщица в кружевном передничке и кружевном чепчике. У нее щеки розовые, как засахаренные персики, а оборочки чепца, воротничка и рукавчиков пышные, как крем на пирожных.

Кафе было в комнате за магазином. Мы прошли туда и заняли столик на «шесть персон».

В кафе было пусто. Приближался обеденный час, а ривермутские жители не любили портить сладостями аппетит перед обедом.

В глубине комнаты, за зеленой перегородкой, мистер Петтинджиль принимал заказы. Чарлз Марден заказал мороженое, и через пять минут девушка в белом переднике поставила перед нами блестящий поднос. На стеклянных вазочках красное малиновое и кремовое ванильное мороженое высилось легкими горками. Тоненькие костяные ложечки торчали из каждой верхушки. Мы набросились на мороженое, и скоро вазочки опустели. Самая придирчивая посудомойка не могла бы на нас пожаловаться: никто не оставил ни капли.

— Спроси еще! — воскликнул Марден, облизывая ложку. — Том Белли, скажи Петтинджиллю, чтобы он прислал второй поднос.

Я посмотрел на Мардена недоверчиво. Что он? Шутит? Откуда у него столько денег?

Нет, Марден не шутил. У него было совсем серьезное лицо. Ну, если так... Я пошел за перегородку.

Петтинджиль сидел за стойкой и что-то записывал в конторскую книгу.

– Мистер Петтинджиль, пришлите нам, пожалуйста, еще столько же порций мороженого.

– Ванильного или малинового?

– И того, и другого, будьте любезны.

– А денег-то у вас хватит?

– Раз мы заказываем...

Я отдернул драпировку и пошел к своему столику.

«Что же это? Где они?»

На подносе пустые вазочки, стулья в беспорядке вокруг стола. И никого! Ни одного человека!

Ноги и руки у меня похолодели. Удрали, пока я разговаривал с Петтинджилем? А у меня ни пенса... А Петтинджиль шутить не любит.

За перегородкой зазвенели ложечки. Несут!

Я бросился к дверям. Румяная продавщица раскладывала на стеклянном блюде пирожные. Через магазин нельзя. Я оглянулся направо, налево...

Окно!

Я с разбегу вскочил на подоконник и, зажмурив глаза, бросился вниз. Пятки больно ударились о мостовую. Хорошо еще, что первый этаж.

Не оглядываясь, я понесся что было духу по переулку, свернул в Верхнюю улицу, пересек улицу Старого Рынка и вылетел на площадь.

– Стой, сумасшедший! Мина! Мина! – закричали со всех сторон.

Я остановился. Какая мина? Где? Передо мной не было ничего, кроме огромной бочки.

– Направо! Налево! – кричали из толпы и делали мне какие-то знаки руками. Я ничего не понимал и только растерянно оглядывался по сторонам.

Вдруг что-то разорвалось и грохнуло прямо передо мной. Меня сшибло с ног и подбросило в воздух.

– Ну как? Лучше ему?

– Кажется, лучше. Он спит.

Я открыл глаза. В ногах кровати сидела тетушка Эбигейль. В одной руке она держала рюмку с водой, в другой аптечный пузырек. Мутные капельки скатывались в рюмку и белым дымком таяли в воде.

Дедушка, неслышно ступая, шагал из одного угла в другой.

– Слава Богу, никаких вывихов и переломов, – шепотом говорила тетушка. – Доктор сказал – просто общее сотрясение. Но что стало со мной, Даниэль, когда я увидела эти носилки! Я думала, что умру...

Я попытался приподняться, но все тело у меня застыло, а перед глазами заплескали красные и желтые круги. В ушах зазвенели ложечки Петтинджиля. Я застонал.

Тетушкин чепец наклонился ко мне.

– Что тебе, Том? Что с тобой?

Я хотел сказать: «Не беспокойтесь тетушка», но язык выговорил: «Малинового и ванильного».

– Господи помилуй! – воскликнула тетушка. – Что он такое говорит?

– Здесь продается лучшее пиво в Америке!

Глава 11

В классе было пусто. На полу валялись бумажки и кусочки сломанного грифеля. Крышки парт были откинута, и ящики для книг как будто нарочно показывали свои изрезанные перочинными ножами и заляпанные чернилами стенки. Один из ящичков был покрыт монограммами Г.Б. (парта Генри Блэка), в другом валялась забытая тетрадка, в третьем – целая куча ореховой скорлупы и растрепанный задачник.

Я и Бенни Уоллес сидели в углу класса на последней скамейке и, не разгибаясь, скрипели перьями. Нам сегодня не повезло на латинском уроке: неправильные глаголы подвели нас, и мистер Гримшау велел нам остаться после занятий и проспрыгать по десятку этих несчастных глаголов.

Я уже одолел шесть штук, и рука у меня устала выводить бесконечные Perfectum'ы и Plusquamperfectum'ы*.

Я отложил перо.

– Давай отдохнем, Бенни.

– Ладно, – согласился Уоллес и отодвинул тетрадку. – Только ненадолго. Я хочу прийти домой пораньше. Мы с папой едем сегодня в Индию.

– Как в Индию? – вытаращил я глаза.

– Это секрет, Том.

– Расскажи, Бенни. Я не проговорюсь.

– Когда папа бывает свободен, – сказал Бенни, – мы раскладываем на столе карту и решаем, куда ехать. Потом придумываем, что взять с собой – какое оружие, платье, провизию, – и начинается настоящее путеше-

* Речь идет о грамматических понятиях: о формах прошедшего времени латинских глаголов.

ствие. Садимся на корабль. Иногда бывает буря. Иногда просто качка. Охотимся на китов... Потом – приехали. Если мы в пустыне – покупаем верблюдов. Находим проводника. Папа все знает, где какие деревья, какие где звери. Сегодня мы собирались в Индию. Будет охота на слонов.

– Счастливцев ты, Бенни. Это здорово интересно. Я бы хотел хоть раз попутешествовать с вами.

– Я спрошу у папы, и мы возьмем тебя с собой. А теперь давай заниматься, а то я опоздаю. Папа редко бывает свободен.

Мы придвинули тетрадки, и перья опять зашуршали. Через четверть часа Уоллес покончил со своими глаголами.

– У меня готово. Я побегу, Том.

– Иди, я тоже скоро кончу.

Уоллес собрал книги и выбежал из класса.

«Какой славный парень этот Уоллес. Роджерс вечно дразнит его “девчонкой”. Глупо. Разве девчонки бывают такие умные? А что мускулы у него некрепкие, так это сущие пустяки. Подарю ему свой перочинный ножик».

tetigimus

tetigistis

tetigerunt...

Кончено!

Я собрал книги, стянул их ремешком и, размахивая связкой, выскочил на крыльцо.

Негодяй!

Возле калитки, прижатый к забору, стоял Уоллес. Перед ним, загораживая выход, приплясывал Конвей.

– Уа, уа... Наш младенец захотел кушать. Ничего, твоя кашка не простынет.

Сэт Роджерс, прислонясь к дереву, смотрел на Бенни и Конвея. Он заложил руки в карманы и весело по-свистывал.

— Если очень торопишься, попроси хорошенько, — пищал Конвей, — может, и отпущу, а пока отведай вот этого, — и Конвей щелкнул Бенни прямо в нос.

Воздух застрял у меня в горле — ни туда ни сюда. Зубы сжались так, что в скулах стало больно. Сердце заколотилось, застучало, запрыгало. Потом что-то горячее поднялось к глазам и зашумело в ушах. Я соскочил с крыльца и с размаху запустил в Конвея связкой книг.

— Берегись, Билли! — закричал Роджерс.

Конвей бросил Бенни, но не успел увернуться, и связка ударила его в грудь. Он пошатнулся. Я подскочил к Конвею, схватил обеими руками за куртку и стал трясти так, что у него защелкали зубы.

Конвей рванулся. В руках у меня осталась только большая перламутровая пуговица.

Пальцы Конвея впились в мои волосы.

— Стой, стой, ребята! — во двор ввалилась толпа мальчишек с ракетками и мячами. Впереди бежал Фил Адамс.

Он кричал:

— Что это у вас? Драка? Драться, так драться по правилам!

Нас схватили за куртки и оттянули друг от друга. Фил вынул носовой платок и туго обвязал мне голову.

— И куда только ты лезешь с такими вихрами? — ворчал он.

— Все равно. Скорее, Фил. Пусти, — бормотал я.

Конвей смотрел на нас исподлобья.

– Сэт, повяжи мне тоже голову, – потребовал он. Коротенькие волосы Конвея трудно было ухватить даже щипцами, но Роджерс сейчас же вынул из кармана клетчатый платок и, аккуратно сложив его, повязал голову друга.

– Не забудь приемы бокса, которые я тебе показывал, – шептал мне Фил. – Не стискивай кулак. Бей косточками. И все в одну точку. Наскакивай снизу – нырком. Помни, что крач* у тебя хорошо выходит. Ну, иди.

Меня отпустили. Я бросился к Конвею. У Конвея остренький противный подбородок! В подбородок! Рука выпрямилась, как пружинная. Зубы у Конвея лязгнули.

Он отскочил, пригнулся и ударил меня в живот.

Я захлебнулся воздухом.

– Хук**!.. Хук! – кричал Фил.

Я согнул руку, выбросил ее вверх, вбок.

– Ой! – взвизгнул Конвей.

Голова у него качнулась, как тряпичная.

«Так!..» – подумал я.

Вдруг в глазах у меня потемнело и в горле стало горячо – Билли ударил меня в нос. Брызнула кровь, кто-то закричал. Кажется, Бенни Уоллес.

Я рассвирепел и, ничего не слыша, ничего не видя, замолотил кулаками куда попало.

Пуговицы отлетели от моей рубашки, нос распух, левый глаз не открывался, но я не чувствовал боли.

– Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Не уйдешь! – сквозь зубы шипел я.

– Ура, Том! Конвей бежит! – закричали вокруг.

* К р а ч – удар в боксе.

** Х у к – удар в боксе.

Но кулаки не могли остановиться.

– Очнись, дурень! Это я! – закричал Фил Адамс.

Он подошел поздравить меня с победой и пожать мою руку, а я заехал кулаком ему прямо в живот. Мальчики хохотали.

Я опустил руки и огляделся. Мальчики столпились вокруг меня. Конвей исчез.

Я был победителем.

Уоллес прикладывал к моему распухшему лицу намоченный под краном платок. Кто-то накинул мне на плечи куртку, кто-то надвинул на подбитый глаз фуражку, мальчики еще раз прокричали «ура!» и пошли провожать меня домой.

Тетушка Эбигейль открыла мне дверь.

– Господи, Боже мой! – она всплеснула руками и в ужасе отшатнулась.

– Это ничего, тетушка, – попытался я улыбнуться.

Но распухший нос и подбитый глаз не хотели слушаться: нос упрямо сворачивал в сторону, а глаз сам собой подмигивал.

Тетушка, не говоря ни слова, схватила меня за руку и потащила к дедушке.

– Полюбуйся, Даниэль! – воскликнула она и с размаху хлопнулась в кресло.

– Кра-а-савец! – сказал дедушка. – Кра-а-савец! Где это тебя так разукрасили?

Я начал рассказывать, как Конвей пристал к Уоллесу, как я запустил в него связкой книг, как мы сцепились.

– ...Я сделал крач, а он не по правилам – в живот. Я ему – хук, понимаете: так и сюда. Он стукнул меня по носу. В кровь.

– Эх, – сказал дедушка, – шаг назад и выпад в сторону! Где у тебя голова была?!

– Прозевал, дедушка, но зато я его так свистнул в ухо...

Дедушка слушал, покачивая головой.

– Побегал, говоришь? – хлопнул он себя по колену. – Здорово! Так ему, разбойнику, и надо. Точь-в-точь так влетело от меня фискалу Джинглю. Мне тогда было лет двенадцать. Как сейчас помню эту историю. Хорошее было время...

– Даниэль, – перебила тетушка, – сейчас совсем не время для ваших детских воспоминаний. В драке не может быть ничего хорошего. Вам бы следовало объяснить это Тому.

– Не поможет, сестра, – сказал дедушка. – Это у нас в роду.

Тетушка поджала губы и встала.

– Нужно что-нибудь сделать с его синяками. Я полагаю – пилюли доктора Паркса, примочка из отвара бузины и патентованная мазь Плорниша...

– Никаких пилюль. Холодный компресс и черная повязка на глаз, чтобы не пугал людей и лошадей.

Тетушка усадила меня в кресло, завернула мою голову мокрым полотенцем и вышла. Через полчаса она вернулась с дюжиной черных повязок на белой подкладке.

– Они всегда будут у нас под рукой, – сухо сказала она.

Глава 12

Я стоял перед зеркалом. Страшная рожа смотрела на меня с блестящего стекла. Под глазом до половины щеки темнел огромный синяк. В середине он был

густо-лиловый, а по краям сиреневый с красными и желтоватыми прожилками. Превратившийся в щелочку глаз жалобно моргал припухшим веком; нос был гораздо больше похож на грушу, чем на обыкновенный нос.

«Ну, как я покажусь в классе? Ведь засмеют. Надо спустить повязку пониже. Нет, так еще хуже, – синяк вылезает сверху. А если так?»

Я старался приладить повязку получше, но синяк выглядывал то снизу, то сверху, то справа, то слева.

«А, черт с ней, с повязкой... Еще опоздаешь».

Я затянул узелок на затылке, нахлобучил шапку и побежал в школу. У ворот школы меня поджидал Бенни Уоллес.

– Ну как, Том? Что твой глаз? Очень больно?

– Пустяки! Есть о чем разговаривать.

– Ты молодчина, Том! Знаешь, все в школе говорят, что ты молодчина и что Конвея давно пора было поколотить...

– Ах вот как! – и я сдвинул повязку повыше. Пусть видят, как страдают в честном бою.

Когда я вошел в класс, мальчишки закричали «ура!», а Конвей, весь облепленный пластырем, отвернулся и стал смотреть в окно. Сэт Роджерс принялся перелистывать книгу.

Вошел мистер Гримшау. Он сразу заметил мою черную повязку и пластыри Конвея, но ничего не сказал.

– Откройте тетради и приготовьте перья. Сегодня у нас будет диктант.

Он взял свою красную книжечку для диктовок, подумал и отложил ее в сторону.

– Пишите: «Многие мальчишки думают, что драка доказывает их мужество и благородство».

Бумага зашелестела, мальчики уткнули носы в тетрадки.

– «Мужество и благородство... Каждый спор решается кулаками и щелчками. Решается кулаками и щелчками... Этим мальчикам не мешало бы помнить...» Марден, не списывай: я все вижу... «Не мешало бы помнить, что в драке победа всегда достается не тому, кто прав, а тому, кто сильнее, – не тому, кто прав...»

– Мистер Гримшау, – вдруг вскочил Уоллес, – я должен вам сказать: Белли дрался из-за меня. Конвей приставал ко мне, он вечно задирает тех, кто послабее, – а Том за меня заступился.

– Это, конечно, несколько меняет дело, – сказал мистер Гримшау. – Но все-таки Конвей и Белли знали, что я раз навсегда запретил всякие драки. Теперь я требую, чтобы враги протянули друг другу руки, а вы все запомните, что в следующий раз всякая драка будет строго наказана.

Конвей хмуро подошел ко мне. Я сухо пожал ему руку. Как только кончился урок, ко мне подбежал Чарлз Марден.

– Идем, Белли, – важное дело.

Чарлз Марден привел меня к бочке в углу двора. Самые серьезные школьные дела всегда решались в этом месте. Несколько мальчиков стояли возле бочки. Все таинственно перешептывались и разом замолчали, когда я подошел.

– Виткомб, стань на стражу, – распорядился Джек Гаррис. – А ты, Том, подойди поближе и поклянись, что никому не разболтаешь ни слова.

– Клянусь! – сказал я.

– Помнишь, Том, – начал Гаррис, – раз во время купания ты заметил на шее у Мардена зеленый мешочек

с красными буквами: ОРС. Марден еще сказал тебе, что он носит этот мешочек в память покойной тетки мистрисс Оливии Розы Марден. Марден наврал. Все его тетки, к несчастью, живы и пилят его с утра до вечера. Мешочек этот – знак. – Виткомб, нас никто не подслушивает? – Знак «Общества Ривермутских Сороконожек».

– Ривермутских Сороконожек?!

– Да. В это общество могут входить только самые ловкие и храбрые ребята. С первого же дня, когда ты не выдал Чарлза Мардена, мы наметили тебя кандидатом. Но общество принимает только верных людей, и мы решили подождать. История у Петтинджиля и вчерашняя победа окончательно доказали, что ты настоящий парень. Ты можешь вступить в члены общества, если выдержишь испытание. Предупреждаю тебя: испытание это страшное. Если не боишься, ровно в восемь часов будь у пустыря, что за домом паралитика Кобба.

– Буду непременно.

– Ладно. Ребята, расходись!

Без пяти восемь я уже был на пустыре. В густых сумерках белела глухая стена. Из темной кучи мусора поблескивали осколки стекла и донышко продавленной жестянки.

Я шагал от кривой общипанной яблони до стены дома и от стены дома до кривой яблони.

«Почему никого нет? Что будет за испытание?»

Вдруг кто-то схватил меня за руку. Я вздрогнул и обернулся.

Передо мной стоял кто-то, с ног до головы закутанный в серую пелерину с капюшоном, надвинутым на лицо.

– Закрой глаза и следуй за мной, – хриплым шепотом сказал человек в пелерине.

Я закрыл глаза. Человек схватил меня за руку и потащил куда-то.

Мне ужасно хотелось хоть одним глазком посмотреть, где мы.

Но дело было серьезное, и я честно отогнал от себя искушение.

– Осторожно, – сказал мой проводник, – ступеньки.

Мы остановились.

Шершавая повязка придавила мне нос и глаза.

Чья-то рука стянула на затылке тугой узел. Несколько волосков попали в узелок. Было больно, но я даже не поморщился.

Мы стали подниматься по лестнице. Я считал ступеньки, их было много, – после двадцать седьмой я сбился со счета.

Мой проводник постучал в деревянную дверь.

– Кто там? – раздался сухой голос.

– Свои.

– Пароль?

– Огонь и кровь.

– Великая тайна.

Дверь распахнулась.

Грохот, рычание и вой разом оглушили меня. Потом все стихло, и чей-то хриплый бас проревел:

– Слабый смертный, ты вступил в Очарованный грот. Страшные испытания ожидают тебя. Если в сердце твоем есть место робости, беги! Еще не поздно.

– Я не побегу, – сказал я, но голос у меня дрогнул.

– Тогда приступим, – опять проревел бас.

– Я готов.

Вокруг меня запищали, завывали, захохотали.

– Поверните его лицом к востоку. Смертный, сделай тринадцать шагов.

Я сделал тринадцать шагов.

– Остановись, несчастный. Ты стоишь на краю бездонной пропасти. Подведите его к перекладине.

Меня схватили и поставили на узкую дощечку.

– По этой перекладине ты должен перейти пропасть. Иди.

Покачиваясь, с растопыренными руками, я осторожно двинулся по дощечке. Ноги у меня дрожали, и я еле удерживал равновесие.

Вокруг стояла мертвая тишина. Мне казалось, что я иду полгода.

Вдруг ударил гром, и голос произнес:

– Первое испытание кончено. Ты прошел бездну. Испытание второе! Высунь язык!

Я высунул язык во всю длину.

– Дайте сюда раскаленное железо.

Язык у меня затрепетал.

Ко рту приблизилось что-то горячее. Я должен был изо всех сил стиснуть кулаки, чтобы не спрятать язык: он прямо рвался обратно в рот.

Горячее придвинулось еще ближе и обдало жаром все лицо. Запахло дымом. Я вдавил ногти в ладонь, но языка не спрятал.

Горячее внезапно исчезло.

– Смертный, ты выдержал второе испытание. Готовься к третьему и последнему.

Поднялся вой сильнее прежнего. Загремел гром, зашвистел ветер, холодные струи дождя стали хлестать в лицо.

– Руки за спину! Иди вперед! – донеслось сквозь бурю. Я пошел.

– Раз, два, три... – считал мои шаги голос. – Семь, восемь, девять...

– Ай-ай-ай... – сто острых копий уперлись в мой живот, я остановился.

– Вперед! – ревело и пицало у меня за спиной. Я стиснул зубы и шагнул.

Копья исчезли. Вой смолк. Буря утихла.

– Смертный, ты выдержал три испытания. Ты достоин быть членом «Общества Ривермутских Сороконожек». Поднимись по этой лестнице. На вершине ты выслушаешь устав и примешь присягу.

Я вскарабкался по ступенькам и остановился на верхней. Стоять было очень трудно: лестница шаткая, приставная, с перекладинами вместо ступенек.

– «Устав ОРС, – важно начал голос, очень похожий на голос Фреда Лангдона. – “Общество Ривермутских Сороконожек” – самое лучшее и самое храброе общество на свете.

Цель его – устрашать весь мир и ежедневно дразнить пастора Гаукинса, полицейского Снолли и презренного Мольбери.

Трусы, размазни и фискалы в члены общества не принимаются.

Сороконожки обязаны стоять друг за друга горой и помогать своим во всех несчастьях – например: давать списывать и подсовывать шпаргалки на письменных работах, подсказывать на уроках, приносить что-нибудь вкусное оставленным без обеда, покрывать и защищать тех, на кого разозлится старик Гримшау или эта скотина Мольбери.

Председатель общества называется ПС – Первая Сороконожка. Все должны ее слушаться. На собраниях ПС первая выбирает себе пирожное.

Собрания устраиваются раз в неделю.

Тот, кто не явится, должен заплатить один пенс штрафа.

Деньги идут на яблоки, пистоны и т. п.

Сороконожки должны держать язык за зубами и свято хранить тайны ОРС.

Каждая новая Сороконожка принимает присягу и кланется в верности обществу.

Страшное наказание постигнет Сороконожку, нарушившую присягу: ее расстреляют из пушки, повесят на самом высоком дереве, утопят в самом глубоком месте реки, вырвут все сорок ног.

И еще ей никто не станет подавать руки и подсказывать на уроках».

– Все. Теперь подыми правую руку и присягай.

– Клянусь быть верной Сороконожкой, исполнять все правила и никогда не болтать про общество.

Т-рах!.. Над самым моим ухом грохнул выстрел.

Я вздрогнул, лестница выскользнула из-под ног, и я полетел в пропасть.

Повязка свалилась, и оказалось, что я сижу в огромной бочке. Вокруг хороводом носятся какие-то хари. Рты до ушей, огромные носы, клыки, рога, ослиные уши. У одного горшок вместо головы, у другого – кастрюля.

Я привстал и схватил за рукав рогатого черта, но он вырвался.

«Ах, жулики! Как они вырядились! Ведь это Чарлз Марден в длинноносой маске. У Переца на голове кастрюля. Джек Гаррис весь завернулся в волчью шкуру, – я ее знаю, эту шкуру: она всегда лежит у них перед печкой».

Я уперся руками в края бочки и выскочил.

Сейчас же с одной стороны меня схватила козлиная голова, с другой волк, и я закружился вместе с ними.

– Стойте! – закричал Джек Гаррис. – Еще не все кончено. Уоллес, выходи.

Уоллес вытащил из кармана зеленый мешочек на красном шнурке, с красными буквами ОРС и надел мне на шею.

– Это Мэри вышила тебе. Только она одна из девочек и знает про Сороконожек.

– А что там внутри?

– Посмотри.

Я осторожно развязал мешочек. В мешочке, обернутая розовой ватой, лежала высушенная сороконожка.

– Теперь ты настоящий член общества, – сказал Гаррис и крепко потряс мою руку.

– Ура! – закричали Сороконожки и повели меня осматривать свои владения.

«Очарованный грот» оказался чердаком Фреда Лангдона. Мост через бездну – доской, положенной на два кирпича, раскаленное железо – пучком подожженной соломы, а сто острых копий – тремя игрушечными саблями.

На табуретке стояла чашка воды и лежал веник для обрызгивания белья.

– А это что такое?

– Это? Это дождь. А вон лежит гром.

Гром был куском листового железа и большой проржавленной кастрюлей.

«Вот черти! Как они меня провели! Ну, пусть только вступит в общество какая-нибудь новая Сороконожка, я ей такое придумаю!»

– Пир начинается! – объявил Чарлз Марден и вытащил мешочек с яблоками и мешочек с орехами. Мы уселись в кружок. Каждому досталось по горсти орехов и по полтора яблока.

– Ну, Том, – сказал Фил, громко щелкая орехи. – Как мы отпразднуем твоё вступление в ОРС? Каждая Сороконожка всегда придумывает какую-нибудь штуку.

– И я придумаю.

«Что бы такое сделать? Защитить рукава пальто у мистера Мольбери? Уже зашивали два раза. Или пришпилить ему чертика на спину? Старо! Устроить кошачий концерт перед домом пастора? Нет, все не то. А, нашёл!»

– Слушайте, ребята.

Все головы придвинулись ко мне, и я шепотом рассказал свой план.

– Bravo! Здорово! Вот это так придумано! – закричали все хором.

– Который час, Фил?

– Без четверти десять.

– Ну, через полчаса можно и выходить.

В будни Ривермут засыпает рано. Уже в десять часов затихают голоса, опускаются шторы, захлопываются ставни.

Фонарщик со своей лестницей обегает все улицы и тушит добрую половину фонарей.

Часов в одиннадцать из дома Фреда Лангдона осторожно выскользнула какая-то тень. За ней другая, третья.

– Мы к ратуше.

– Я к школе.

– Вы, Лангдон и Марден, к порту...

Наутро весь Ривермут был взволнован необыкновенным событием.

Вывески за ночь слетели со своих гвоздей и поменялись местами.

Зеленщик, отпирая лавку, вместо своих капустных кочанов и морковок, намалеванных на зеленой доске, увидел голубую с золотым ободком вывеску:

ИЗЯЩНЫЕ РУКОДЕЛИЯ

Бисер. Гарус. Шелка

Старушка с обвязанной щекой, явившаяся на прием к доктору Таппертиту, чуть не упала в обморок, найдя на дверях белую в черных каемках доску:

ВСЕ ДЛЯ ПОХОРОН

Подготовка погребальных процессий.

Колесницы, гробы, венки и ленты.

Скорая и добросовестная работа

На бюро похоронных процессий примостилась вывеска, удравшая с дверей маленького ресторанчика:

**УЮТНЫЙ УГОЛОК
МИЛОСТИ ПРОСИМ!**

Магазин мод украсился надписью:

ПРОДАЖА

старых тряпок и костей
и покупка

А над конторой почтенных нотариусов Руджа и Джингля паялила на прохожих круглые глаза огром-

ная сова, похожая, как родная сестра, на мистера Руджа.

Под ней чернели две ровные строчки:

ЕДИНСТВЕННЫЕ В АМЕРИКЕ
НАБИВНЫЕ ЧУЧЕЛА

Глава 13

Внизу с треском хлопнула дверь. Мой умывальный кувшин подпрыгнул и звякнул. Я прислушался.

Кто-то оттолкнул кресло. Кресло визгнуло.

«Что там такое?»

Я бросился вниз.

– Вот плоды вашего прекрасного воспитания, Даниэль! Я говорила!.. Я столько раз говорила!

Тетушка, вся красная, стояла посередине столовой и потрясала развернутым письмом. Дедушка, спокойно заложив руки за спину, ходил по комнате.

– Вот он, ваш хваленый Том! Идет как ни в чем не бывало! – закричала тетушка, увидев меня. – Вы прекрасно себя ведете, сэр!

И мисс Эбигейль швырнула на стол письмо. Я взял его и прочел:

«Считаем долгом уведомить, что внук ваш, Томас Белли, ученик Ривермутской школы, в течение месяца будет лишен праздничных отпусков.

Тому же наказанию подвергнуты ученики старшей группы, Гаррис и Адамс, и младшей – Блэк, Джефферс, Лангдон, Гарленд и Виткомб.

Наказание налагается по настоянию муниципалитета, считающего вышеназванных учеников виновниками происшествия 16 августа 18... г. в городском саду.

*С совершенным почтением.
Директор Ривермутской школы
“Храм Грамматики”
Винсент Гримшау...»*

«Вот тебе и на! Они таки подумали на нас!»

История с вывесками проехала благополучно. Никому даже в голову не пришло, что такую штуку откололи мальчишки. Все решили, что это гарнизонные солдаты. Но никаких доказательств не было, и дело так и оставили. Только пастор Гаукинс произнес в воскресенье грозную проповедь, да торговки на рынке бранили солдат целую неделю.

А теперь солдаты поквитались с нами.

В прошлую субботу «Общество Ривермутских Друзей Музыки» устраивало в городском саду концерт. Скамейки в цветнике были заняты разряженной публикой. Все шло отлично. Палочка мистера Петтинджилля порхала в воздухе. Любители музыки притоптывали и подпевали оркестру. И вдруг миссис Габриэль Панкс, владелица рукодельного магазина, завизжала на весь сад:

– О, Боже мой... Я не могу встать!

Доктор Таппертит хотел броситься ей на помощь, но только подпрыгнул на месте:

– Какой дьявол пришил меня на скамейке?! – заорал доктор.

Поднялся переполох. Оказалось, что все леди и джентльмены крепко-накрепко прилипли к своим местам: скамейки были жирно смазаны клеем.

Муниципалитет взволновался — за две недели второй скандал!

И тут, на наше несчастье, секретарь муниципалитета, Иезекиил Элькинс, разнюхал каким-то чудом про Сороконожек. Бедным Сороконожкам пришлось расхлебывать всю кашу.

Мы-то хорошо знали, кто прогулялся по скамейкам клеем (недаром у Фила Адамса была в гарнизоне целая дюжина приятелей), но ведь и солдаты отлично знали, кто перевесил вывески.

Мы чувствовали, что пахнет бедой. И вот оно: целый месяц без четвергов и суббот.

— ...По настоянию муниципалитета!.. — кричала тетушка. — Какой позор! Не хватает только, чтобы его посадили в тюрьму за убийство. И это мальчик из приличного дома! Я была уверена, что так кончится. Эти сыновья молочниц, приказчиков и переплетчиков не доведут до добра. Сколько раз я твердила, Даниэль, что вы должны запретить Тому водиться с разными Блэками, Лангдонами и Виткомбами... Том должен выбирать друзей из приличных семейств.

— А сколько раз я говорил вам, дорогая Эбигейль, — сказал дедушка, — чтобы вы хоть при мне не говорили пустяков. Честные люди — приличные люди.

— О, конечно, конечно! — захлебнулась тетушка. — Вы сами готовы наполнить дом всякими проходимцами. Стоит в гавани показаться какому-нибудь судну, как наш дом превращается в матросскую харчевню, и я принуждена задыхаться от табачища ваших грязных матросов. Весь город смеется над вашими знакомствами. А какой пример для Тома! Я не удивлюсь, если из него вырастет морской разбойник. Никакой

чувствительности! Никакой благодарности! Боже мой! Чтобы купить этому мальчику пони, продали из гостиной фисгармонию. А он ославил нас на весь город. Мне стыдно показать глаза на улицу.

– Раз навсегда прошу вас не упоминать больше об этой фисгармонии, Эбигейль. И вообще, о наказании мальчиков достаточно позаботился ваш муниципалитет.

Дедушка круто повернулся и вышел из комнаты. Я тоже попытался улизнуть от тетушки, но не тут-то было.

– Подожди, Том, – остановила меня мисс Эбигейль, – с этого дня я беру твое воспитание в свои руки. Возьми книжки и приходи заниматься ко мне в гостиную.

Но я не пошел за книжками. Я тихонько пробрался в коридор, потом в кухню – и удрал из дому.

– Куда? – шепотом спросила меня Китти.

– Спасаясь к Уоллесу, – ответил я, – не говорите тетушке.

Глава 14

– Том, ты куда? – кто-то дернул меня за рукав. Я обернулся. Это был Уоллес.

– К тебе, Бенни.

– Отлично. Только зайдём сначала за папой. Да ты что такой красный?

– У нас дома настоящая буря. Тетушка вопит на весь Ривермут. Я еле вырвался.

– Что случилось?

Я рассказал Бенни про письмо.

– М-да... Скверная штука! – грустно сказал Бенни. – Неужели целый месяц без отпусков?

– Целый месяц. Да я про отпуск уж и не думаю – лишь бы тетушка отвязалась.

– Ну, может, как-нибудь пронесет, что-нибудь придумаем. А по четвергам и субботам мы все будем оставаться с вами. Будет весело. Входи, Том. Пришли.

Отец Бенни Уоллеса служил в колониальной лавке* миссис Конвей.

Миссис Конвей была толстая крикливая женщина с тремя подбородками и красными руками. Она отлично управляла своей лавкой – передвигала ящики с рисом и чаем, громыкала жестянкой с леденцами, обвешивала покупателей и сыпала пощечины двум подручным мальчишкам. Но читать и писать она умела немногим лучше моей Джипси. Ей было очень жалко денег, и все-таки приходилось нанимать мистера Уоллеса, чтобы тот вел за нее конторские книги и переписку с торговыми фирмами.

Когда мы вошли, в лавке было уже пусто. Горела только маленькая лампочка. В освещенном углу блестяли жестяные банки, лоснились чернослив и белесые бобы.

Миссис Конвей считала дневную выручку. Звякали монеты и шелестели бумажки.

– Добрый вечер, миссис Конвей, – сказал Бенни, – можно мне пройти к папе?

Миссис Конвей, не отвечая, показала пальцем на маленькую дверь в глубине лавки.

* Колониальная лавка – магазин, где торговали чаем, кофе, пряностями и другими товарами из колоний.

Комната, в которой работал мистер Уоллес, была не комната, а настоящий чулан.

Чулан почти до потолка был завален пустыми ящиками. Сбоку возле маленького окошечка стояла высокая конторка. На конторке лежала целая куча пухлых книг в рябых переплетах.

Голова мистера Уоллеса торчала из-за книг, как отрубленная.

— Что, мальчики, за мной? — спросила голова мистера Уоллеса. — Разве уже так поздно? А мне еще осталась целая про́пасть счетов. Придется взять работу домой.

Мистер Уоллес вылез из-за конторки и шагнул несколько раз по чулану, размахивая руками и высоко поднимая острые колени. Это он расправлял затекшие руки и ноги.

Потом он выбрал из кипы книг две самые толстые, надел шляпу с порыжевшими краями, и мы вышли.

— Уже уходите, Уоллес? — окликнула его миссис Конвей.

— Половина девятого, мэм, — ответил мистер Уоллес. — И к тому же я взял работу с собой.

— Каждую минуту считают, — проворчала себе под нос лавочница. — Смотрите, приходите завтра пораньше, Уоллес.

— Я никогда не опаздываю, мэм.

Когда мы выходили из лавки, мимо нас прошмыгнул Билли Конвей. Он посмотрел на меня и злорадно ухмыльнулся.

«Разнюхал уже про письмо», — подумал я.

Мэри в большом переднике суежилась возле плиты. Щеки у нее были красные, а кончик носа выпачкан

сажей. Мэри была хозяйкой в доме Уоллесов. Миссис Уоллес умерла, когда Бенни и Мэри были совсем маленькими.

— Ну что, мой кок? — сказал мистер Уоллес. — Дашь ты нам чего-нибудь поесть?

— На сегодня я подогрела вчерашнюю кашу и сварила бобы, — сказала Мэри. — Но завтра у нас непременно будет мясо.

И Мэри приготовилась взять с плиты горшок.

— Я помогу вам, Мэри, — я подскочил к печке и схватил тяжелый горшок с бобами.

— Что ты? Голыми руками? — закричал Бенни, но было уже поздно: на пальце вздулся белый пузырь.

Мэри всплеснула руками и бросилась ко мне. Она помазала мой палец маслом и замотала тряпочкой. Палец превратился в головастую белую куколку. Я согнул палец, куколка поклонилась.

— Какая хорошенькая! — запрыгала Мэри. — Давайте нарисуем ей лицо.

Я взял перо и нарисовал куколке глаза, нос, рот и бант на чепчике. Почему-то лицо у куколки вышло злующее.

— Да это настоящая тетушка Эбигейль, когда она бранится! — закричал я.

И я показал Мэри, как кричала и топала на меня сегодня тетушка. Мэри хохотала до слез. Потом она покачала головой.

— Бедный Том! Теперь вам попадет еще больше. Ну, пойдемте есть бобы.

Мистер Уоллес ел наскоро. Он положил возле себя большую книгу, счеты и левой рукой отбрасывал желтые и черные костяшки.

После обеда мы с Бенни готовили уроки на завтра. Мэри мыла посуду. Плескалась вода, громыхали горшки и тарелки.

— Бенни, — шепнул я, когда мы кончили последнюю задачу. — Вы сегодня никуда не поедете?

Бенни посмотрел на отца.

— Папа, а папа, ты очень занят? Может быть, мы точку попутешествуем?

Мистер Уоллес посмотрел на свои счета.

— У меня еще много работы. Да что с вами поделаете! Тащите сюда карту.

Мы сбросили со стола книги, счета, оставшиеся от обеда хлебницу и солонку и разложили карту.

Прибежала Мэри, на ходу вытирая руки передником.

— Бенни, куда мы прошлый раз приехали?

— К островам Фиджи.

— Ну, отлично. Собирайте свои вещи. Ты что взял, Бенни?

— Я взял смену платья, консервы, непромокаемые сапоги, плащ. За поясом у меня пистолет и большой кинжал.

— А у меня пусть будут ружья и запас пороха! — закричал я.

— Хорошо. У кого подарки вождю?

— У меня, — сказала Мэри. — Я взяла ожерелье из голубых бус, ожерелье из красных бус, много желтой материи и медный кофейник.

— Это пригодится, — сказал мистер Уоллес, — но знаешь, у них совсем нет металлических вещей. Надо взять для них несколько лопат, топоров и хоть полдюжины ножей.

– Ну да, – замахала руками Мэри. – А потом они нас этими ножами зарежут. Я не хочу. Пусть одни лопаты.

– Вот подъезжает лодка. Ведь мы поедем на туземной лодке? – спросил мистер Уоллес.

– На туземной! – закричали мы все.

– Она выдолблена из целого дерева, а парус у нее плетеный, – сказал Бенни.

– Да. Сбоку у нее приделано что-то вроде плота на подставке. Это чтобы лодка не перевернулась. Называется аутригер, – добавил мистер Уоллес.

– Лодкой управляет дикарь! – завизжала Мэри.

– Он черный, курчавый и весь татуированный, – перебил я ее. – У него на груди нарисован фрегат на всех парусах, якорь и дама с рыбьим хвостом и зелеными волосами.

– Откуда же у папуаса фрегат? – удивился мистер Уоллес.

– Правда, откуда же? Это я потому, что видел такую татуировку у матроса с «Тайфуна». Ну, пусть у папуаса будет что-нибудь другое нарисовано.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал мистер Уоллес.

В комнату вошел дедушка.

– Капитан Нёттер! – поднялся мистер Уоллес на встречу дедушке.

Мэри сделала книксен.

– Пришел за своим беглецом, – сказал дедушка. – Собирайся, Том.

Я посмотрел на дедушку вопросительно.

– Ничего, – сказал он, – все улажено. Я поговорил с тетушкой.

«Жаль, что мы не доехали к папуасам, – думал я по дороге домой. – Очень интересно. Как много знает

мистер Уоллес. А служит у этой толстой дурищи. Она его еще попрекает. Мистер Уоллес и дедушка чем-то похожи. Чем только?»

Я сбоку посмотрел на дедушку.

Дедушка шагает крупно, держится прямо, и лицо у него спокойное. А мистер Уоллес сутулится, ходит мелко, как-то боком, все щурится и улыбается.

А все-таки похожи.

«Оба – путешественники», – решил я.

Глава 15

– Он никогда не перестанет, – грустно сказал Чарлз Марден, глядя в окошко.

Капли дождя звенели, ударяясь о стекло.

Капли догоняли одна другую, сливались и стекали узенькими извивающимися ручейками.

Мокрые черные ветки вяза дрожали и раскачивались вправо-влево, влево-вправо.

Марден шагал по комнате. Уоллес забрался в кресло с ногами и перелистывал сказки «Тысяча и одна ночь». Перец Виткомб и Генри Блэк играли в домино. Фред Лангдон и я молча сидели на кровати.

Наступила осень. Дождь лил и лил – целые дни, целые недели.

– Что же мы будем делать? – спросил Чарлз Марден.

– Надо что-нибудь придумать, – сказал Фред Лангдон. – А то мы помрем от скуки, как мухи зимой.

– Можно сыграть в прятки, – предложил Уоллес.

– Может, в домино?

– Играли уже, скучно.

– А знаете что? Как это я раньше не догадался. Ведь у нас есть чердак.

– Подумаешь, – сказал Фред Лангдон. – И у нас есть чердак. А во дворе сарай.

– И у нас есть чердак, – сказал Чарлз Марден. – И крыша есть. А на крыше труба.

– Ну и дураки! – сказал я. – Разве у нас обыкновенный чердак? У нас не чердак, а пещера Аладдина. Тетушка Эбигейль за всю свою жизнь не выбросила ни одной склянки от пилюль, ни одной палки от старого зонтика. Она все прячет на чердаке. Там и дедушкина морская форма, и дорожные сундуки, и чучело обезьяны, которую дедушка привез из Африки. Мошь поеда ей шерсть – вот ее и стащили на чердак.

– Довольно, – сказал Фред Лангдон, – полезли смотреть тетушкины сокровища.

Высоко лезть нам не пришлось.

Моя комната была почти под самой крышей, и для того чтобы попасть на чердак, нам нужно было всего только выйти на лестницу и подняться еще на пять ступенек. Но зато какие это были ступеньки! Узкие, скрипучие, и каждая скрипела на свой лад.

Чердачная дверь была закрыта на замок. Замок был большой, черный, тяжелый. Но рядом с дверью на гвозде висел ключ, тоже большой, тоже тяжелый, с толстой, грубо вырезанной бородакой.

Мы осторожно открыли дверь и тихонько, гуськом пролезли на чердак.

Что-то наверху зашуршало, зашумело, и на головы нам посыпались перышки, соломинки и какая-то труха.

Это голуби, которые жили на чердачных балках, испугались нас, поднялись и вылетели в круглое слуховое окошко. На чердаке пахло пылью, табаком и птицами.

Чердак был такой большой, что света из круглого окошка хватало на самую середину. А в углах было совсем темно.

– Хороший чердак, – сказал Перец Виткомб. – Хоть в пятнашки играй. Только жалко, что темно: того и гляди выколешь глаз тетушкиным зонтиком.

– Подождите, – крикнул я, – сейчас будет светло.

Я знал, что на чердаке есть еще пять окошек. Окошки эти были низко, у самого пола. Тетушка велела закрыть их деревянными щитами, чтобы солнце не проникло на чердак и вещи зря не выгорали.

Я отодвинул щиты один за другим, и на чердаке посветлело. Из всех углов сразу выступили тетушкины инвалиды – шкаф с выломанной дверкой, вешалка без крючков, столы на трех ногах, ширма, вернее, скелет ширмы – она была без материи.

Возле стены стояли два больших сундука, окованных медными полосами. Мы подняли крышку одного – там лежали густо пересыпанные табаком, перцем и еще какой-то дрянью дедушкины старые мундиры и сюртуки. Шитье на воротниках где позеленело, где покраснело, а пуговицы все-таки блестели.

Во втором сундуке лежали тетушкины вещи – огромные шляпы с облезлыми перьями, юбки, такие широкие, что из них можно было сделать парус для корабля, какие-то провололочные каркасы, похожие на клетки для кроликов.

Я вытащил один из дедушкиных мундиров и надел его. Рукава висели чуть ли не до колен, а фалды

подметали пол. Но рукава я засучил, а фалды подколот булавками. Вместо шпаги я приспособил палку от тетушкиного зонтика.

Чарлз Марден завернулся в дедушкин плащ и надел на голову тетушкину шляпу с пером.

Фред Лангдон нарядился турком: он накрутил себе на голову чалму из старой шали и надел тетушкин пестрый капот*.

Перец Виткомб хотел надеть на себя платье с кринолином**. Он просунул голову в проволочный каркас, а плечи – ни туда ни сюда.

Перец сидел, как мышь в мышеловке. Только минут через десять мы нашли старые плоскогубцы и перекусили в трех местах толстую проволоку.

Проволока была очень крепкая. Нам пришлось здорово повозиться над ней. А Перец все это время стоял, вытянув шею и растопырив руки.

Когда мы его наконец освободили, он сказал:

– Пока вы тут пыхтели с плоскогубцами, я придумал замечательную штуку. Если составить все сундуки вместе, получится настоящая сцена, а если из сундуков вытащить все одеяла и развесить их на веревке – выйдет неплохой занавес.

Мы, ни слова не говоря, навалились животами на сундуки, и они со скрипом съехались вместе.

– Теперь, – сказал Чарлз Марден, – натягивайте веревку и тащите сюда одеяла, а Переца посадим опять в клетку. Он посидит и придумает, какую нам пьесу играть.

* Капóт – женское домашнее платье свободного покроя, вид халата.

** Кр и н о л и н – старинная широкая женская юбка сшитыми в нее обручами из китового уса или проволоки.

– Пусть Перец пасется на свободе, – сказал я. – Я и так знаю, что мы поставим. Я только вчера прочитал подходящую пьесу. Мы будем играть «Вильгельма Телля»*.

В субботу, в четыре часа, наш чердак наполнился публикой.

Генри Блэк стоял у дверей и собирал входную плату.

Место стоило конфету или пять грецких орехов. Публика заняла места. В первом ряду сидели Мэри Уоллес и ее подруга Маргарита.

В последнюю минуту прибежала Китти Коллинс. Она заплатила за свое место огромный кусок сладкого пирога. (И эта обжора, Генри Блэк, слопал его до последней крошки. Когда мы на него напустились, он преспокойно ответил: «Пирог был с вареньем и пачкал руки. Мне его некуда было девать».)

В половине пятого публика начала стучать ногами.

– Начинайте! – кричали в задних рядах.

Но занавес никак не хотел раздвигаться.

Мы, все красные и потные, тянули одеяла изо всех сил.

Трах... веревка лопнула, и занавес шлепнулся прямо на головы артистам. Публика захохотала.

– Дураки! – крикнул я. – Это ничего не значит. Представление начинается.

Три большие ветки изображали лес, а перевернутый, покрытый серой пелериной стол – горы.

* «Вильгельм Телль» – драма немецкого писателя Фридриха Шиллера.

Облокотившись на скалу и выставив вперед правую ногу, стоял тиран Геслер. (Это был Чарлз Марден.) Геслер был в дедушкином мундире. Шитье на мундире мы начистили мелом так, что на него больно было смотреть. Справа у Геслера на груди была приколотая пряжка от тетушкиной туфли, слева – кокарда от дедушкиной шляпы.

На голове у него была треуголка, в которую мы воткнули два страусовых пера.

Геслер вытаращил глаза, выпятил нижнюю челюсть, чтобы казаться грозным, прошелся большими шагами по сцене и сказал очень тонким от страха голосом:

– Пусть все оказывают моей шляпе такие же почести, как и мне самому, наместнику короля. Непокорным – голову с плеч.

Ландскнехт* – Фред Лангдон – подбежал к нему, стащил с него треуголку и водрузил ее на высокую палку от метлы.

Робкие крестьяне, Уоллес, Блэк и еще несколько мальчиков, в подвернутых чулках и с петушиными перьями на шляпах, гуськом потянулись к палке. Они по очереди останавливались перед треуголкой и низко кланялись.

Все шло очень хорошо.

Но вот наступила самая замечательная сцена. Гордый Телль – это был я, – в плаще и с самострелом за плечами, решительно отказывается кланяться шляпе.

– Ах, так!.. – закричал тиран Геслер. – Ты будешь казнен. Впрочем, ты еще можешь спастись. Говорят,

* Л а н д с к н е х т ы – немецкая наемная пехота в XV–XVII веках.

что ты отличный стрелок. Сбей яблоко с головы родного сына, и я помилую тебя.

На сцену выполз Перец Виткомб. Он выполз почти на корточках. (Перец играл моего сына – а где же это видано, чтобы сын был выше отца? Вот он и приседал до земли.)

На голову Переца Виткомба поставили огромное красное яблоко. Голова у Переца была повязана до самого носа платком, чтобы стрела не попала ему в глаз. Под платком была засунута еще толстая картонка.

– Пусть кровь моего сына падет на твою голову, тиран! – восклицаю я и, выставив вперед ногу, натягиваю лук.

Но Перец, кажется, не особенно-то верит, что я отличный стрелок. Руки у него дрожат, и даже рот открылся от страха.

Я стреляю.

– Ай-ай-ай... – Перец взмахнул руками и сел на пол.

Глаза у него вытаращены, изо рта, как у гончей собаки, болтается язык, а в кончике языка дрожит и покачивается стрела.

– Он убит! – закричала Мэри Уоллес и уткнулась лицом в коленки.

Вся публика соскочила с мест и бросилась на сцену.

– Перец, я не виноват! Зачем ты открыл рот?

Я присел на корточки и с ужасом смотрел на его язык.

Стрела дрожала.

Китти растолкала всех и подбежала к Перцу. Она придержала двумя пальцами кончик языка и выдернула стрелу. Потом она притащила кружку с водой и заставила Переца хорошенько прополоскать рот.

– Что за шум?! Что тут творится?! – раздался вдруг визгливый голос.

Мы все обернулись.

В дверях стояла тетушка.

– Вот не в добрый час принесло, – проворчала под нос Китти.

– У нас театр. Артисты и публика, – сказал я. – Я играл Вильгельма Телля.

– Какие еще Вильгельмы? – закричала тетушка. – Чтобы все сейчас же кончилось. В гостиной сыплется штукатурка. Китти, как вы смели допустить это безобразие? Никаких Вильгельмов! Марш на кухню! Через пять минут чердак должен быть пуст.

Хлопнула дверь, и ступеньки заскрипели под тетушкиными сердитыми ногами.

Так печально кончилось наше первое и последнее представление.

Глава 16

Рано утром молочница Салли Квильп привезла в своей тележке вместе с бидонами молока большой шершавый ящик.

Салли Квильп и наша Китти, пыхтя, втащили ящик в коридор и поставили у стенки.

В ящике были яблоки.

Мистрис* Квильп каждую осень доставляла тетушке Эбигейль яблоки из своего сада.

* Мистрис – в Америке: обращение к замужней женщине, принадлежащей к среднему сословию.

Зимние запасы были страстью тетушки. С осени наш коридор превращался в настоящий склад: с потолка свешивались коричневые связки сушеных, сморщенных грибов; уцепившись крючком за толстую веревку, покачивался глянцевитый копченый окорок; на полках чинными рядами стояли по росту банки с вареньем; желтая лимонная и розоватая абрикосовая пастила хранилась в выложенных папиросной бумагой жестяных ящиках из-под печенья.

После обеда тетушка Эбигейль позвала меня.

— Том, помоги мне распаковать и разобрать яблоки.

Ящик сверху был забит досками. Одну за другой я поддел их большим кухонным ножом, и они с треском поднялись и стали торчком.

Крепкий запах холодных яблок и стружек вырвался, заполнил все углы и сразу прогнал сладковатый землистый дух грибов и соленый домашний запах ветчины.

Я вынимал яблоки; тетушка перетирала их и раскладывала на две кучки. В левую попадали подбитые и подмороженные. Их тетушка пускала в первую голову на компот и пироги.

В коридоре было холодно. Пальцы у меня застыли и перестали слушаться. Холодные, гладкие яблоки то и дело выскальзывали из рук.

Тетушка Эбигейль плотно закуталась в свой серый платок и концы его завязала на спине толстым узлом. Кончик носа у нее покраснел.

Вдруг тетушка вскрикнула и выронила яблоко. Оно глухо стукнуло и покатилося по полу.

В конце коридора появился дедушка с длинной трубкой в зубах.

Тетушка Эбигейль не выносила курения. Одна мысль о дыме приводила ее в ужас. От запаха табака – уверяла она – у нее делались мигрени и сердцебиение, дым у нее вызывал головокружение и резь в глазах.

С тех пор как тетушка переселилась к брату, табак навсегда был изгнан из дома Нёттеров.

Дедушка не мог жить без трубки, но из-за тетушки ему приходилось курить в саду или в конюшне у Джипси. Когда шел дождь, он приходил ко мне наверх и курил в форточку.

– Даниэль! Боже мой! Даниэль! Что вы со мной делаете?

Дедушка спокойно вынул трубку изо рта, легкое белое облачко растаяло в воздухе.

– Этот ужасный табак... Мне дурно... Китти, воды!

Тетушка опустилась на стул, голова у нее беспомощно склонилась набок.

Из кухни прибежала Китти с целым кувшином воды.

– Мастер Том, тащите скорее полотенце!

Дедушка не торопясь подошел к тетушке. Спокойно покачивая головой, он смотрел, как мы с Китти выжимаем полотенце и прикладываем его к тетушкиным вискам.

– Дорогая Эбигейль, стоит ли так волноваться?

Тетушка слегка застонала, губы у нее дрогнули, веки приоткрылись, и она с упреком взглянула на дедушку.

– Милая моя, – сказал дедушка и поднес трубку к самым глазам тетушки Эбигейль. – Милая моя, в этой трубке нет и никогда не было табаку. Она годится только для пускания мыльных пузырей. Я нес ее Тому.

Тетушкины глаза широко раскрылись.

– А... а дым?..

– В коридоре холодно.

Дедушка набрал воздуха и выдохнул целую струю белого пара.

Китти со стуком опустила на пол кувшин и опрометью кинулась в кухню. Я слышал, как она фыркала за дверью.

Тетушка вскочила и сбросила полотенце. Полотенце мокро шлепнулось на пол. А тетушка выпрямилась, ту же стянула на плечах свою шаль и, поджав губы, большими шагами вышла из коридора.

– Китти! – крикнул дедушка. – Уберите-ка кувшин и полотенце.

Китти вошла, вся красная от смеха.

– Мисс Эбигейль нюхает дым глазами, – шепнула она мне, наклоняясь над полотенцем.

Тут я не выдержал и тоже громко фыркнул.

Дедушка обернулся.

– Тише вы! Тетушка услышит.

Но у самого дедушки уголки губ дрожали, и видно было, что ему тоже хочется засмеяться.

Он отвернулся к окну и забарабанил пальцами по стеклу.

– А ведь ночью будет настоящая буря.

Дедушка очень любил предсказывать погоду. Он определял ее по направлению ветра, по форме туч, по цвету неба, по полету ласточек и по целой сотне одному ему известных примет.

Но почему-то все приметы обманывали дедушку.

Если он предсказывал солнечный день, с утра до вечера лил дождь; если мы по его совету надевали плащи и брали с собой зонтики, солнце светило во все лопатки.

Но на этот раз дедушке повезло. Еще с вечера начали падать легкие белые хлопья.

Снег!

В первый раз я увидел снег. Я выскочил во двор.

Снежинки, покачиваясь и догоняя одна другую, летали в темнеющем воздухе. Они медленно опускались на землю, и земля с каждой минутой становилась все светлее и светлее. Стекланные треугольники и ромбы всплыли на черных лужах. Они срастались друг с другом, и вода исчезала под тонкой блестящей коркой.

Я ловил снежинки на рукав пальто. Они послушно ложились на сукно и не таяли.

Зато на руках и на лице они исчезали в ту же секунду. Оставался только легкий холодок.

– Том, домой! – крикнул дедушка через форточку. – Пора спать.

Я в последний раз поймал языком звездочку и побрел в комнаты.

– Мастер Том, мастер Том, вставайте скорее! Дедушка зовет вас разгрести снег.

– Разгрести снег?

– Да разве вы не слышали, какая метель была ночью? Намело столько, что ни пройти, ни проехать.

Я высунулся из-под одеяла и посмотрел в окно. Верхняя часть стекла сияла густой синевой, вся нижняя была заслонена голубовато-белой снежной стенкой.

Я кубарем скатился с кровати.

– Надеть шерстяные чулки и фуфайку! – крикнул за дверью тетушкин голос.

Замотанный до самого носа мохнатым шарфом, в шапке с наушниками, в теплых рукавицах, я вышел на крыльцо.

Огромная пушистая перина опустилась на Ривермут.

Дворы и улицы утонули в белых перьях до самых окон. Белая тяжесть тянула ветки деревьев к земле, покрывала слоями карнизы и крыши.

На ступеньках с лопатой в руках возился дедушка.

Я тоже схватил лопату и принялся за работу.

Мы освободили крыльцо и прорыли ход до самой калитки. Получился узкий коридор, сдавленный с двух сторон белыми стенами. В конце коридора черные колонки садовой калитки охраняли наш туннель, как два араба в белых чалмах.

Возле каждого дома суетились люди с лопатами и тачками.

Только к полудню можно было ходить по Ривермуту, не боясь утонуть в снегу. Узкие тропинки прорезали улицы вдоль и поперек.

Люди ходили по тропинкам гуськом. Для того чтобы двое могли разойтись, одному непременно приходилось залезать в снег.

Когда мы вернулись домой, в камине трещали поленья и тетушка ждала нас с чаем.

Чай мы пили не за обеденным столом, а за маленьким круглым, перед камином, и тетушка сама налила мне в стакан целую ложку рома. (Обыкновенно она ворчала даже на дедушку, когда он пил ром.)

– Мастер Том, вас спрашивают товарищи, – сказала Китти, появляясь в дверях.

– Только не пускайте их в комнаты! Они, наверное, с ног до головы в снегу, – сказала тетушка.

Я выскочил в переднюю. Там стояли Джек Гаррис, Фил Адамс и Перец Виткомб.

– Одевайся и бежим, Том. А то южане займут Слаттерс-Хилл.

Глава 17

Река делила Ривермут на две части – северную и южную. Три моста соединяли оба берега. Чтобы попасть с одной стороны на другую (где бы вы ни находились – около ратуши, около нашего «Храма Грамматики» или около кондитерской Петтинджиля), не нужно было больше пяти минут.

И все-таки в Ривермуте всегда разделяли жителей на южан и северян, и мальчишки южной и северной сторон вели между собою непрерывную войну.

Никто не знал, когда и из-за чего разгорелась эта война и кто был ее зачинщиком, но южане всегда били северян, а северяне лупили южан. Как только я поступил в школу, я сразу очутился в северной партии, потому что и школа, и наш дом находились на северной стороне.

Дедушка рассказывал мне, что, когда ему было двенадцать лет, он тоже был в партии северян и они устраивали бои точь-в-точь такие, как мы.

Слаттерс-Хилл был небольшой полуостров на северном берегу реки. Он, точно каменный крокодил, уткнул морду в реку и выгнул гранитную чешуйчатую спину. Один бок у крокодила был истерзан: там торчали, как ребра, выщербленные камни старой каменоломни, и карабкаться по острым обломкам приходилось на четвереньках. Другой бок полого спускался к реке, и это было самое удобное место для катания на санках и на коньках. Мы, северяне, считали полуостров своим, но южане уверяли, что Слаттерс-Хилл выдается за середину реки, и поэтому его хозяева – они, южане.

Засунув руки в карманы и подняв воротники, мы шагали по снежной узкой тропинке. Впереди шел Джек Гаррис, потом Фил Адамс, я и, наконец, Перец Виткомб.

Перед домом Чарлза Мардена мы остановились. Джек Гаррис прицелился и запустил в третье справа окно (комната Чарлза и его брата) ком снега. За стеклом показался расплющенный, как белая пуговка, нос маленького Питта, а из форточки высунулась голова Чарлза.

– Выходи, Марден. На Слаттерс-Хилл.

Чарлз кивнул головой и скрылся. Через минуту мы двинулись дальше уже впятером.

Перед домом Бенни Уоллеса – новая остановка, потом перед домом Лангдона, и, когда мы добрались до Слаттерс-Хилл, нас набралось человек пятнадцать.

Джек Гаррис взобрался на камень и сказал:

– Мальчики, слушайте. Я предлагаю построить тут крепость. Сейчас самое подходящее время: южанам до нас не добраться – река еще не совсем замерзла. Когда крепость будет готова, мы покажем им, что такое настоящие северяне. Пусть попробуют ее отвоевать. Кто согласен, поднимите руки.

– Согласны! Отлично! Согласны! – закричали мы, и черные, рыжие, серые рукавицы замелькали в воздухе.

Через три дня на Слаттерс-Хилл выросла неприступная крепость. Снежный вал, такой высокий, что из-за него виднелись только наши макушки, поднялся на вершине полуострова.

Вал шел полукругом; заднюю стену крепости заменяла каменоломня.

Внутри крепости могло поместиться человек тридцать-сорок. В одном углу мы устроили походный госпиталь: здесь в деревянной коробке хранились аккуратно нарезанные чистые тряпочки – бинты для перевязки ран, большая банка с йодом (я стащил ее из аптечки тетюшки Эбигейль) и конверт с пластырем.

В другом углу находился арсенал: круглые, как мячики, плотно скатанные снежки были сложены в три ровные пирамиды.

Запасы провианта мы прятали в углублении скалы – мешок сухарей, полсотни мороженных яблок и бутылку рома.

Ром предназначался для замерзших и опасно раненых.

Враги наши тоже готовились к бою.

С крепостного вала мы видели, как южане лепят снежки и складывают их в большую кучу.

– Эй, вы-ы, та-ам! – кричал Джек Харрис, сложив руки рупором. – Водяные крысы! Что же вы не наступаете? Струсили?

– Погодите, моржи! Вот станет река, мы вам покажем, кто трусы-ы! – орал с другого берега.

Лед на реке становился все прочнее.

Камни, запущенные сверху, уже не пробивали ледяной коры, а застревали и чернели в снегу, как изюмины в манной каше.

Только по самому краю еще тянулась полоска черной стынущей воды. Она ни за что не хотела замерзнуть; легкий беловатый пар все время клубился над нею.

В ночь с пятницы на субботу ударил сильный мороз, и река стала.

Прямо из школы мы всем классом бросились в нашу крепость. Как раз вовремя! С южной стороны двигалось вражеское войско. Враги шли правильными рядами и везли на салазках боевые снаряды.

Возле берега южане остановились. Четыре мальчика с белым флагом на палке стали подниматься на Слаттерс-Хилл.

Джек Гаррис, командир северной армии, Фил Адамс, начальник штаба, и я, адъютант командира, вышли навстречу парламентарам.

— Я начальник южного войска, — выступил вперед Мат Амес, самый сильный из мальчиков вражеской стороны. — Кто ваш командир?

— Я, — сказал Джек Гаррис.

Командиры пожали друг другу руки.

После долгих переговоров мы установили правила сражений.

Во-первых, бои могли происходить только по четвергам и субботам, во время полуотпусков. Нападать на крепость в другие дни считалось подлостью и свинством.

Во-вторых, осажденные должны были сдать крепость, если десять врагов взберутся на вал и продержатся там больше трех минут.

В-третьих, строго запрещалось закатывать в снежки ледяшки и камни. Нарушивших правило выгоняли из войска.

В-четвертых, пленные должны были честно воевать под знаменами врагов, пока свои не выкупят их. Меняться пленными полагалось после каждого боя.

Командиры поклонились друг другу и разошлись к своим войскам.

— Артиллеристы, по местам! — командовал Гаррис. — Пехота, будь наготове! Джефферс, Смит, Роджерс и Нокс разносят снаряды. Гарленд и Брасс заготавливают новые бомбы. Уоллес стоит возле санитарного ящика и принимает раненых. Белли и Виткомб идут на разведку.

Мы с Перцем, лежа на животе, поползли к верхушке вала. Осторожно высунув голову, мы высматривали, что делается в неприятельском лагере.

Неприятель строился в ряды. Мат Амес, повернувшись к нам спиной, отдавал приказания, размахивая руками. И вдруг две колонны отделились от войска и двинулись вперед.

— Идут, идут! — закричали мы и кубарем скатились с вала в крепость.

— Открыть огонь! — командовал Гаррис, и целая туча ядер полетела в неприятеля.

Оглушенный неприятель остановился.

— Второй залп! — крикнул Гаррис и в ту же секунду схватился рукой за голову: бомба сбила с него шапку.

Град снарядов сыпался на нас с реки. Под прикрытием артиллерии передние колонны врагов шли на приступ. Солдаты бежали, согнувшись вдвое, придерживая одной рукой кучу снарядов, а другой защищая лицо от наших снежков.

Южане подступили к самому валу, но мы так засыпали их бомбами, что они не выдержали и пустились наутек.

— Ура! — заорали мы, и пехота бросилась преследовать врагов. Южане мчались, как зайцы, и нам не удалось захватить ни одного пленного.

В крепости наскоро катали новые снежки.

Уоллес перевязывал Фреду Лангдону подбитый глаз, а Джек Гаррис со своим штабом обсуждал план действий.

— Опять идут! — закричал с наблюдательного поста Перец. Артиллеристы бросились к бойницам.

На этот раз южанам удалось взобраться на вал. Но наша доблестная пехота после горячей рукопашной схватки отбросила врагов от стен крепости, а троих захватила в плен.

— Джек! Джек! — кинулся я к Гаррису. — Позволь мне пойти на вылазку.

— Ладно. Ступай!

Я взял с собой Переца Виткомба и Блэка, и мы тихонько выскользнули из крепости в расселины каменоломни.

Мы спустились по острым скользким камням и стали осторожно пробираться к неприятельскому лагерю, прячась за выступы берега.

Южане были заняты перестрелкой с крепостью Слаттерс, и мы незаметно подкрались к самому складу неприятельских снарядов.

Снаряды лежали в ящиках из-под яиц. К каждому ящичку была привязана веревка, чтобы ящики можно было тащить по снегу.

Я подполз к самому большому, схватил конец веревки и тихонько потянул к себе. Ящик послушно двинулся. Я тащил ящик все дальше и дальше и уже слышал шепот Переца и Блэка:

— Давай нам веревку.

Вдруг ящик зацепился за камень и громко скрипнул.

Один южанин обернулся, и глаза у него стали круглые от удивления и злости.

– Лови!.. – завопил он.

Мы вскочили и что есть духу понеслись к своим. Я крепко зажал веревку в кулаке, и ящик, подпрыгивая и скрипя, катился за нами.

А за ящиком с криком и топотом бежала целая толпа южан.

– Поймают! – задыхаясь, шепнул Перец.

Я оглянулся.

Южане были в трех шагах от нас.

Тогда я одним толчком опрокинул ящик. Снежки покатались прямо под ноги «водяным крысам». «Водяные крысы» завязли в куче круглых, крепких снежков. Передний растянулся во весь рост, второй споткнулся об него.

А мы летели, не оглядываясь, и перевели дух только в трещинах каменоломни.

– Здорово, – сказал я, вытирая рукавицей мокрый лоб. – Они растоптали целый ящик собственных снарядов. Ну, идем наверх. А где же Перец?

– Где же Перец? – повторил Блэк, растерянно оглядываясь по сторонам.

Бедный Перец Виткомб попал в плен.

«Я, Джек Гаррис, начальник крепости Слаттерс-Хилл, объявляю своим доблестным войскам благодарность за мужественную защиту стен крепости. Том Белли, утащивший из-под самого носа врагов ящик со снарядами, награждается Орденом Полярного Медведя. Хорошо, если бы все были такие же храбрые, как он. Следующая битва назначается в четверг после уроков.

*Командир армии Джек Гаррис.
Начальник штаба Фил Адамс».*

Этот приказ Джек Гаррис вывел мелом на классной доске после первой слаттерс-хиллской битвы. До самого начала уроков доску осаждала целая толпа школьников.

Джек Гаррис приколот на моей куртке белую картонную звезду с медвежьей мордой посередине. Все меня поздравляли и пожимали руку.

Глава 18

Целый месяц шли слаттерс-хиллские бои.

Три раза южане завоевывали крепость, но в следующее же сражение мы выбрасывали их вон.

И, наверное, война длилась бы до тех пор, пока наша крепость не потекла бы с горы ручьями. Но одно происшествие положило нашей войне конец.

Однажды в субботу мы чинили крепостной вал. У нас было перемирие после большого сражения, во время которого враги сильно повредили стены нашей крепости.

Обе армии отдыхали и готовились к новой битве.

Мы залепляли бреши, катали снежки и совсем не заметили, как к самой крепости подошел нотариус Джингль.

Он уперся в наш вал тростью с серебряным набалдашником и укоризненно покачивал головой. Из-под огромной меховой шапки торчали острый нос и острая борода.

— Стыдно, — сказал нотариус Джингль.

Мы подняли головы.

– Стыдно, молодые люди. Вот на что вы тратите золотое время! А ведь я уверен, что ваши уроки остались неприготовленными, и вы, вместо того чтобы радовать родителей своими успехами, огорчаете их двойками и единицами.

– Неправда, – пробурчал Фил Адамс. – Уроки у нас давно приготовлены.

– Допустим, что приготовлены, – вы наскоро решили пять задач, просмотрели страницу истории – думаете, что ваши обязанности прекрасно исполнены. Добросовестный и трудолюбивый ученик вместо трех задач решает десять, вместо двух заданных глаголов выучивает пятнадцать.

– Эдак просидишь за глаголами всю ночь, – огрызнулся Фред Лангдон. – Надо же нам отдохнуть.

– Я не говорю, что не надо отдыхать. Я не говорю, что не надо играть. Но как играть? Существуют игры тихие, приличные... А вы возитесь в снегу, как дикие звери, набиваете друг другу синяки, рвете башмаки и перчатки, словно они даром достаются вашим родителям. Вот ты, Перец Виткомб, у тебя из рукавицы торчит большой палец. А подумал ли ты, сколько часов твой отец просидел за переплетным станком, чтобы купить тебе эти рукавицы? Ты мальчик бедный! Вместо того чтобы без толку бегать, ты бы лучше приучался к ремеслу.

Наше терпение лопнуло.

– Оставьте нас в покое! – крикнул Джек Гаррис. – Нам и воскресные проповеди надоели хуже осеннего дождя.

– Надоели проповеди?! Проповеди благочестивого отца Гаукинса!.. Да знаете ли вы...

Джек Гаррис махнул рукой и отошел в глубину крепости.

– Том Белли, Чарлз, идите сюда! Слушайте, как нам избавиться от этого скрипуна?

– Если южане не подведут... – начал я и шепотом рассказал Джеку и Чарлзу свой план.

Через минуту Чарлз Марден, размахивая белым платком, летел к южному лагерю.

– ...Проповеди отца Гаукинса, лучший урок благочестия и благонравия... – продолжал восклицать Джингль.

– ...И самый лучший сонный порошок! – крикнул я.

– Как?! – и нотариус захлебнулся от возмущения. Он поднял к небу руки, и палка с собачьей головой взлетела в воздух, как жезл тех сердитых пророков, о которых по воскресеньям читала тетушка.

– Ура! – загремело неожиданно за спиной мистера Джингля. Он выронил палку и обернулся. Толпа южан со снежками наготове мчалась на приступ.

Нотариус попятился к валу. Но с вала лавиной катилось войско северян.

– Пли! – закричали с обеих сторон, и белые пули со свистом понеслись справа налево и слева направо.

Бедный нотариус заметался.

Обе армии не жалели снарядов, но снаряды почему-то не долетали до врагов. Наши куртки оставались такими же черными, коричневыми и синими, как были до сражения, зато мистер Джингль превратился в настоящую снежную бабу.

– Прекратите это безобразие! – кричал он, приседая и увертываясь от наших бомб.

Но снежки все летели и летели.

Тогда он подобрал длинные полы своего пальто, нырнул под локоть кого-то из южан и побежал что было мочи по скату Слаттерс-Хилл.

Снежки догоняли его и расплющивались на спине и на шапке.

Бой сразу прекратился. Северяне и южане трясли друг другу руки и хохотали до колик в животе.

– Ребята! Кто-то опять идет! – закричал Мат Амес.

Мы обернулись. Из-за поворота улицы к нам двигался целый отряд полицейских.

– Скотина Джингль! Он нажаловался. Скорее в крепость!

В одну секунду мы перемахнули через вал. Обе армии смешались: никто больше не разбирал, кто южанин, кто северянин.

– Друзья, – громким шепотом сказал Гаррис. – Погибать – так с честью! Тащите сюда снаряды. Лепите новые. Им дорого достанется Слаттерс-Хилл! Удирать всем разом через каменоломню.

Полицейские подходили к крепости. Их было шесть. Они выстроились по росту и шагали, как один человек. Крайний слева был круглый, как шар, Питер Снолли. Щеки у Питера дрожали на ходу.

– Расходитесь по домам! Да живее! – крикнул толстяк.

Вместо ответа целая стена снежных комьев поднялась и рассыпалась над полицейскими.

У двоих снаряды сбили шапки, а толстяку снежок залепил весь рот. Он рассвирепел, замахал короткими ручками и, как петух, наскочил на наш вал.

Но навстречу ему вылетел Фил Адамс и с разбегу боднул его головой прямо в живот.

Толстяк Снолли шлепнулся и, как мяч, покатился вниз.

Товарищи подняли толстяка и выбили из него снег, будто пыль из старого одеяла. Они ругались и грозили нам кулаками. Но снежки летели в них без передышки.

Тогда они надвинули шапки поглубже на уши, подняли воротники и, согнувшись пополам, решительно зашагали вверх по откосу.

Но, когда полицейские наконец взобрались на вал, крепость была пуста.

Защитники Слаттерс-Хилл улепетывали во всю прыть вниз по реке, а последняя кучка храбрецов, прикрывавших отступление, притаились за выступами каменоломни.

— Как ты думаешь, Гаррис, они не заметят нас? — шептал я на ухо Джеку.

— Тсс... Не заметят. Наша яма не видна из крепости.

Мы просидели в каменоломне целый час и своими глазами видели, как полицейские срыли и растоптали сапожищами нашу дорогую крепость Слаттерс-Хилл, свидетельницу стольких блестящих сражений и героических подвигов.

Глава 19

— А дельфин у вас будет какой? Красный?

— Обязательно красный. С черным глазом. Дайте мне вон то ведро с краской, молодцы.

Я, Чарлз Марден, Бенни Уоллес, Фил Адамс и Фред Лангдон стояли на набережной.

Лодочник Перкер, присев на корточки, красил свою лодку. Толстая кисть медленно ползла справа налево, расплющивалась на выпуклом боку и оставляла за собой широкие полосы блестящей краски.

Низ лодки был зеленый, верх белый.

На носу лодки углем был нарисован дельфин с круглым глазом и загнутым хвостом.

Мы, вытянув шеи, смотрели, как Перкер закрашивал дельфина.

Вся набережная пахла смолой, краской и морской солью. Стучали топоры и молотки.

Ривермутские моряки чинили, красили и смолили свои лодки.

Рукава у моряков были засучены, клеенчатые шляпы сдвинуты на затылок.

На солнце сушились мокрые сети, возле них на земле поблескивали серебристые точки рыбьей чешуи и валялись мелкие рыбешки: сегодня на рассвете два больших черных баркаса «Чайка» и «Ривермутский рыбак» вернулись с первой рыбной ловли.

Все свободное время мы толкались на набережной. Китти бранила меня за то, что смоляные пятна никак не счищаются с моей куртки, а тетушка Эбигейль морщила нос и уверяла, что от меня пахнет, как от рыбной лоханки.

С лодочником Перкером у нас была большая дружба. Мы помогали ему красить лодку. Фил Адамс придумал ей название – «Дельфин», а я посоветовал вместо надписи нарисовать настоящего дельфина.

По четвергам и субботам Перкер никому не сдавал лодку. Он поджидал нас.

Я научился грести почти не хуже Фила Адамса, а он был лучший гребец. Но Фил Адамс умел еще отлично

управлять парусами, а мне дедушка строго-настрого запретил даже близко подходить к лодке, пока у нее не снята мачта.

Ривермут стоял у самой дельты* реки. По городу река текла широкой ровной полосой, но сейчас же за Ривермутом целая толпа островов разрезала ее на три рукава.

Последний остров, Зандпед, лежал уже наполовину в море. Фил Адамс уверял, что на морской стороне Зандпеда песок совсем желтый и мелкий, как мука, а в песке масса перламутровых ракушек.

Нам давно уже хотелось попасть на Зандпед.

– Вся беда в том, – говорил Фил Адамс, – что на такую поездку нужен целый день. А мы даже по четвергам и субботам не можем выехать раньше часу.

– Давайте удерем с уроков, – предлагал Фред Лангдон.

– Влетит от старика Гримшау, он всех записывает.

– Представимся больными, – придумывал Фред.

– Ну и что? Тетушка меня сразу же в постель, – качал я головой.

Фил Адамс почесывал затылок.

– Скверно наше дело.

Но однажды нам повезло. Мистер Гримшау пришел в школу грустный, в черном сюртуке и черном галстуке. После уроков он задержал нас и сказал:

– Дети, завтра у вас не будет занятий. Я уезжаю в Бостон на похороны моего дяди.

Я подтолкнул Филадельфия Адамса локтем.

– Завтра же на Зандпед!

– Правильно. Вовремя умер дядя.

* Д е л ь т а – место, где река впадает в море или озеро.

Мы побежали к Перкеру и попросили его дать нам на завтра «Дельфин» на целый день.

Солнце только вылезало из-за ратуши, когда мы уселись в лодку.

Чарлз Марден отвязал канат и бросил его сидевшему на руле Уоллесу.

– Вот охота целый день натирать себе мозоли, – ворчал Чарлз.

Чарлзу было завидно: отец не позволил ему ехать с нами.

– Тоже лодку выбрали. Не лодка, а ореховая скорлупка.

– Отваливай! – закричал Фил и оттолкнулся веслом от берега.

Лодка скользнула по упругой гладкой воде и, покачиваясь, тихонько поплыла по течению.

– Р-раз! – скомандовал Фил.

Четыре весла поднялись, блеснули на солнце и врезались в воду.

Набережная сдвинулась и стала отступать назад.

Лодка шла ровными толчками.

Весла просверливали в полированной воде глубокие воронки.

Бочонок пресной воды, привязанный за кормой, морщил светлую дорожку, которую оставляла наша лодка. Мы спустили бочонок за борт, чтобы вода в нем не согревалась. (Сам Перкер сказал, что так делают настоящие рыбаки.)

В ящике на носу мы сложили нашу провизию: немного картошки – чтобы печь ее на углях, большой кусок ветчины, четверть яблочного пирога, сухари, полдюжины лимонов и сахар для лимонада. Там же стояли чайник и котелок – они звенели при каждом толчке.

На дне лодки лежали четыре удочки и свернутая брезентовая палатка.

Солнце уже начало припекать, когда нос «Дельфина» врезался в песок Зандпеда.

Фил не соврал: песок в самом деле был желтый и очень мелкий. Мы подтянули лодку к берегу и замотали канат вокруг тощего куста.

Взвалив на плечи весла, палатку, удочки и провизию, мы зашагали по откосу. Ноги уходили в песок чуть не до щиколотки.

Дальше начинался лес. Под подошвами зашуршали кучи прошлогодних листьев и рыжей хвои. Широкая ветка разлапистой ели сбила с Фреда Лангдона шапку. Ветки у ели были темные, почти синие, только на самых кончиках – светло-зеленые пахучие кисточки.

Под одной сосной, между узловатыми корнями, мы нашли большущий муравейник.

Муравьи избегали на красный ствол, словно пожарные на вышку. Бенни Уоллес попробовал удержать одного травинкой. Муравей перелез через травинку и побежал дальше.

Еловая шишка ударила меня в плечо. Я поднял голову. Рыжий хвост белки мелькнул в густой хвое.

– Смотрите! – крикнул я, но белка больше не показывалась.

Мы пробирались все дальше и дальше, раздвигая руками ветки.

Фу... целая сетка паутины облепила мне лицо.

Мальчики засмеялись.

– Это тебе не гостиная в нёттеровском доме. Тут нет тетушки Эбигейль, чтобы по десять раз в день вытирать каждый уголок, снимать каждую паутинку.

– А тихо-то как! – сказал Уоллес.

– Никого нет, кроме нас, – шепотом ответил Лангдон.

– Мы как Робинзон на необитаемом острове, – прибавил я.

– А может тут жить медведь? – спросил Уоллес.

– Отчего же? Конечно, может. Лес большой, – ответил я.

Всем нам стало весело и страшно.

В кустах что-то зашуршало.

Фил Адамс выступил вперед и раздвинул ветки веслом. В кустах никого не было – только большая ящерица юркнула в траву.

Мы долго бродили между смолистыми стволами и колючими порослями молодых елок.

Потом вернулись на опушку леса, поближе к морю. Здесь мы решили разбить нашу палатку, вбили в землю весла вместо кольев и натянули брезент.

Когда палатка была готова, мы захватили удочки и пошли удить рыбу.

С правой стороны Зандпед спускался в море каменистыми уступами. Целая гряда камней выставляла из воды полированные приливом спины. Здесь было самое глубокое место. «Самое рыбное», – уверял Фил. Прыгая с камня на камень, мы добрались до последней скалы и расположились на ней со своими удочками и наживкой.

У Фреда Лангдона поплавок на удочке был особенный, собственного изобретения – с перышками.

– Сидеть надо тихо, – сказал Фил Адамс. – А то рыба уйдет.

Минут двадцать мы сидели молча и смотрели на свои полавки. Поплавки не двигались. Даже в глазах у меня зарябило.

– А по-моему, – сказал я, – Филу приснилось, что здесь водится рыба.

– Может, она приглашена на чашку чая к щуке с левого берега, – прибавил Уоллес.

Я фыркнул.

– Тсс... клюет, – зашептал Фред Лангдон и дернул удочку. Зеленоватая рыбка сверкнула на солнце.

Фред осторожно снял ее с крючка и опустил в ведро с водой.

Она плескалась и стучалась о стенки то головой, то хвостом.

Поплавок Уоллеса нырнул.

– Тащи! – закричали мы.

Закусив губу и нахмурив брови, Бенни Уоллес потянул лесу. Удочка погнулась.

– Вот так окунице! – ударил себя по колену Фред, да он не меньше щуки.

– Это тетка Фредовой рыбки. Она забеспокоилась о племяннице, – сказал я.

– Пусть поздороваются, – сказал Уоллес и бросил тетку в ведро к племяннице.

Через час с полным ведром рыбы мы бежали к своей палатке.

Пока Бенни и Фред чистили рыбу, я и Фил развели костер. Фред придумал, как сложить несколько камней посередине костра, чтобы поставить на них котелок.

Усевшись на корточки, мы смотрели, как белые на солнце язычки огня лизали черное дно котелка. Вода бурлила. Крышка подпрыгивала. Вкусно пахло дымом и горячей ухой.

После ухи мы испекли картошку и ели ее с ветчиной. Закусили яблочным пирогом.

– Поваляемся на берегу, – предложил Бенни.

Мы разлеглись на горячем песке. Фил вытащил из кармана коробку сигар.

– Закурим, ребята.

Я смотрел на сигару, коричневую и толстую, как палец негра.

– Спасибо, Фил, я бы с удовольствием выкурил, но у меня что-то болит язык. Должно быть, я поцарапал его косточкой от рыбы.

– А ты, Фред?

– Сейчас не хочу. Я слишком сыт картошкой.

– Может быть, ты, Бенни?

– Я не умею курить.

– Эх, вы, малыши, – сказал Фил и закурил сам.

Он сделал две-три затяжки. Я смотрел на Филадельфию во все глаза и заметил, как он поморщился.

Фил украдкой плюнул раз, другой. Потом бросил сигару и сказал:

– Без компании и курить-то не хочется.

Мы лежали, закинув головы, и смотрели, как разбреканные тучки бежали по небу. Тучки сталкивались и сливались. Синевы становилось все меньше и меньше. Серая вата подползала к солнцу.

– Чего доброго, пойдет дождь, – сказал Фред. – Давайте выкупаемся, пока жарко.

Мы сбросили штаны, рубашки и, разбрызгивая ногами воду, побежали туда, где поглубже.

Легкие пузырьки заскользили по коже, и веселый холодок сжал дыхание. Мы плескались в воде, ныряли, плавали наперегонки, гонялись за крабами.

Вдруг тяжелая капля упала мне на макушку, на нос. По воде поплыли широкие круги.

– Ребята, дожди!

Мы выбрались на берег и стали наскоро одеваться.

Серо-синяя плотная туча облегла все небо. На острове стало темно, как в десять часов вечера.

Капли падали все чаще и чаще. Вдруг зеленоватая ракета вспыхнула в глубине тучи. Вдали что-то тяжело ухнуло и раскатилось. Рванул ветер, и вся листва, вся трава, как по команде, опрокинулась наизнанку.

Желтоватым дымом закрутился над берегом песок.

И разом хлынул и застучал по листьям, по песку, по нашим головам сплошной ливень.

– В палатку! – закричал Фил.

Натянув куртки на голову, мы бросились бегом.

В палатке было темно и сухо. Дождь крупным горохом барабанил по брезентовым стенкам.

– Вот так история! – сказал Фред Лангдон.

– Что же нам теперь делать?

– Пустяки, – сказал Фил, – когда дождь бывает сильный, он скоро проходит. Переждем грозу и поедим.

Но дождь не проходил, а ветер становился все сильнее и сильнее.

Слышно было, как шумят и стучаются о берег волны.

– Ох, – сказал Фред, – хотел бы я теперь быть дома.

– Хорошо бы... – сказал я.

– Ну, чего повесили носы? – заворчал Фил. – У нас тут совсем неплохо: сухо, уютно. Пирог у нас еще остался?

– Остался.

Мы вытащили остатки пирога, ветчины и прикончили их.

– Хорошо бы теперь сделать лимонад. Фред, Бенни, давайте сюда сахар и лимоны, – командовал Фил. – Эх, досада, – лимоны-то мы забыли в лодке.

– Давайте я принесу, – вскочил Уоллес.

– Ладно. Только накинь мою куртку, Бенни. Она толстая: в ней не вымокнешь, – сказал я.

– Да как возьмешь лимоны, покрепче привяжи лодку, – прибавил Адамс, а то хороши мы будем, если ее унесет.

– Привяжу так, что вы и не отвяжете, – засмеялся Уоллес и выбежал из палатки.

– Не шлепнись в темноте! – крикнул вслед Фред.

Мы приготовили воду, размешали сахар и стали ждать. Над палаткой свистели качающие ветки.

– Фи-и-ил! – донеслось вдруг сквозь ветер. И еще раз:

– Фи-ил! Том!

Мы вскочили.

– Уоллес! Что-то случилось.

Согнувшись вдвое, головой пробивая ветер, скользя по мокрой траве, мы бежали к морю.

Лодки на песке не было. Обрывок каната, привязанный к кусту, хлестал по мокрым камням, а «Дельфин», зарываясь в воду то носом, то кормой, качался шагах в тридцати от берега.

В лодке, вцепившись в рукоятку руля, стоял Уоллес.

– Правь на берег, – задыхаясь, крикнул я.

Уоллес повернул руль, но лодка только вертелась и подпрыгивала. Я схватился за голову.

Фил сбросил куртку и шагнул в воду. Прибой сбил его с ног. Фил поднялся и пошел дальше. Волна закрутила его и швырнула обратно, на отмель.

По лицу Фила текла кровь.

А лодку уносило от берега дальше и дальше.

Уоллес перегнулся через борт, он что-то кричал, но слова пропадали в ветре.

Мы только видели, как Бенни махнул рукой, потом опустился на скамейку и закрыл ладонями глаза.

Лодка то подскакивала на острой вершине волны, то исчезала между двумя водяными хребтами. Мы стояли по колено в воде, мокрые с ног до головы, слепые от брызг и ветра.

Сложив руки рупором, мы кричали:

– Бенни! Бенни! Уоллес!

Чернильная темнота залила остров и море. Вытирая брызги и слезы, мы смотрели вслед Бенни. Еще несколько минут «Дельфин» был чернее темноты, но потом она одолела его, заслонила, и мы больше ничего не видели.

Вода растеклась по отмели, дошла до кустов; куртки у нас промокли, волосы превратились в сосульки. А мы все стояли и смотрели в темноту.

У Фреда застучали зубы.

– Ну что ж? Пойдем, – сказал Фил Адамс. – Холодно.

Мы поплелись к палатке.

Глава 20

Мы сидели, тесно прижавшись друг к другу.

Мокрые куртки не грели, зуб не попадал на зуб. Море грохотало так гулко, так близко, точно волны расшибались о самые стенки нашей палатки.

Палатка дрожала. Ветер гудел над нами в ветвях деревьев, свистел в каждой щелке брезента. Было так темно, что мы не видели своих рук и ног. Темнота осела вокруг и давила мокрой тяжестью.

В правом углу брезент протек. Кап, кап, кап, кап – стучало в правом углу.

– Когда эта ночь кончится? – прошептал Фред Лангдон. – Как ты думаешь, Фил, который теперь час?

– Часа два.

На секунду вспыхнула молния. Я увидел позеленевшие лица Филадельфии и Фреда. У Фреда дрожали губы.

Стало еще чернее, чем было.

Грохнул гром. Мне показалось, что остров задрожал и медленно поплыл.

– У сторожа Уольбакского маяка есть лодка, – сказал Фил Адамс. – В прошлом году он спас троих.

– А в какую сторону понесло «Дельфин»? – спросил я.

– Как раз к скале Макеро.

Мы опять замолчали.

– Может быть, его подобрали рыбаки, ведь они тоже ушли сегодня в море, – подумал я вслух.

– Может быть, – сказал Фил.

Вдруг Фред всхлипнул, уткнул голову в колени и заплакал.

– Что ты? Что ты, Фред? – я обнял его.

– Бенни... – прошептал Фред, глотая слезы. – Как мы вернемся домой без него?!

«В самом деле, как мы вернемся домой без Бенни? – думал я. – Что мы скажем? Мэри-то как будет плакать. У нее глаза и волосы совсем такие, как у Бенни. Как он смотрел на нас из лодки! Потом он закрыл лицо руками. Плакал он или боялся смотреть на море? Море было черное, все в пене... А волны какие!.. Нет, нет, его непременно спасут».

Вдруг Фил вскочил и выбежал из палатки. Коллючая струя ветра и водяной пыли ворвалась к нам.

– Ау!.. Ау!.. – кричал Фил. – Мы здесь!.. Мы здесь!..

Фред и я схватились за руки и прислушались. Фил замолчал. Он вернулся в палатку и сел на прежнее место.

– Показалось, – сказал Фил. – Это, должно быть, чайка кричала, а мне послышался голос Бенни.

Всю ночь мы не спали. Сидели в промокшей палатке на холодной земле, прижавшись друг к другу, и молчали.

Изредка только перекидывались словами.

– Холодно, – бормотал Фред.

– Подвинься поближе к Тому, – советовал Фил.

– Утром нас подберет какая-нибудь рыбацья лодка, – говорил Фил вполголоса.

– Когда еще наступит утро, – отвечал я.

Наконец стенки палатки посветлели. Беловатыми пятнами выступили из темноты лица Фреда и Фила. Потом стали видны волосы, глаза, рот.

Ветер утих. Дождь перестал. Рассвело.

Я поднялся. Все тело затекло, в ногах бегали мурашки, пальцы застыли. Поискал куртку. Ах, да, она осталась у Бенни.

Я вышел из палатки.

Остров был совсем не такой, как вчера, – он стал серый, унылый. На прибитой траве валялись поломанные ветки. С обвисших деревьев капала вода. Мутные ручейки сбегали с пригорка к морю.

Море сделалось грязное, зеленовато-серое. Волн больше не было, но вода все еще качалась и подбрасывала желтые полосы пены.

Вдруг я увидел вдалеке темную черточку.

– Фил! Фил! – закричал я. – Скорей сюда!

Фил и Фред выскочили из палатки.

Я показал им на темную черточку.

– Да, – сказал Фил, – лодка.

Мы побежали к берегу.

Это были два баркаса. Баркасы быстро двигались к острову.

В переднем на руле сидел Перкер, а на носу я разглядел какого-то человека в сером пальто и дедушку.

Дедушка сидел, как всегда, опершись подбородком на набалдашник палки.

Вдруг он увидал нас.

Дедушка вскочил на ноги и крикнул:

– Том!..

Голос у него был не такой, как всегда.

Человек в сером пальто первый выпрыгнул на берег. Это был мистер Уоллес.

– Наконец-то! – он бросился к нам. – А где же?..

Голос у него оборвался, лицо стало белое, как бумага. Мы опустили головы. Все обступили нас. Фил рассказал, как было.

– Лодку понесло к Уольбакскому маяку...

Он хотел сказать еще что-то, но вдруг всхлипнул и принялся тереть кулаками глаза.

Тут и я не выдержал, бросился к дедушке и, уткнувшись в его пальто, заплакал.

Дедушка крепко прижал меня к себе.

– Вот что, капитан Нёттер, – сказал Перкер, – забирайте-ка вы мальчуганов и отправляйтесь в город. А мы с мистером Уоллесом поедem к маяку.

На ривермутской пристани толпились встревоженные люди. Вчера утром, часом раньше нас, вышли в море три рыбацких баркаса.

Баркасы еще не вернулись. Растрепанные, с красными глазами, женщины стояли на ступенях пристани. Они кутались в платки и перебрасывались отрывистыми тревожными словами.

– Да это капитан Нёттер! Капитан Нёттер, вы не видели наших? – кричали нам с пристани, пока мы привязывали лодку.

Дедушка только молча покачал головой.

Сквозь толпу к нам пробрались мать Фреда Лангдона и отец Фила. Мистрисс Лангдон бросилась к Фреду и заплакала.

– Но ты же весь мокрый! – вдруг закричала она, схватила сына за руку и потащила домой.

Мы попрощались с Филом и тоже зашагали к дому.

Тетушка уложила меня в постель, натерла спиртом, укрыла двумя одеялами и напоила чаем с малиной. Но я никак не мог согреться. Зубы у меня стучали больше, чем ночью в палатке, ноги были холодные, как лед, а голова лежала на подушке совсем чужая.

В комнате не переставая шумело море. Оно подступало к самой кровати. Я закрывал глаза ладонями, как Уоллес в лодке. Тогда кровать начинала раскачиваться, плясать и вдруг проваливалась куда-то.

Потом мне казалось, что я стою по горло в холодной воде и кричу: «Бенни! Бенни!» А Бенни смотрит на меня из лодки широкими, как блюдечки, глазами. Потом лодку уносит, а глаза остаются и вдруг начинают вертеться, вертеться, так что кружится голова и тошнит.

Я болел целый месяц. Китти рассказывала мне потом, что я часто бредил и кричал во сне.

Я постоянно спрашивал о Бенни. Со мной сейчас же начинали говорить о чем-нибудь другом и не отвечали на мои вопросы. Но один раз я услышал, как тетушка разговаривала с Китти. (Они думали, что я сплю.)

— Бедный мистер Уоллес, — говорила шепотом Китти. — Я заходила сегодня к Конвейхе в лавку. Он стал совсем седой и так сгорбился, бедняга, что на него смотреть жалко.

— Еще бы, — отвечала тетушка, — такое горе!..

Я уткнулся в подушку и заплакал.

Когда я встал с постели, курточка висела на мне как мешок, а рукава были чуть пониже локтей.

Я вырос на целую голову.

Весь следующий год прошел у нас тихо. Мы много читали, много занимались. Я стал хорошо учиться, и мистер Гримшау объявил меня вторым учеником.

Сороконожки больше не собирались.

Глава 21

Большой корабль приближался к Ривермуту.

Три мачты врезались в небо. Как спички, чернели реи.

На самой высокой мачте полоскался по ветру флаг. Я и Перец Виткомб стояли на краю пристани и, устроив из ладоней зонтики, смотрели на корабль.

— Он идет к нам чиниться, — сказал Перец.

— А ты почему знаешь? — спросил я.

— Что же ему тут делать? — ответил Перец. — Такие большие корабли не приходят к нам за грузами.

– Смотри, смотри, Перец! – закричал я. – Матросы!

– Где, где?

– Вон там, на носу.

– Вижу. А сколько их всего на корабле? Ты как думаешь?

– Человек тридцать!

– Только тридцать? На таком-то фрегате?

– Ну, фрегат! Обыкновенный пакетбот.

Корабль стал на якорь. Матросы спустили шлюпку. Шесть пар весел взлетели и разом воткнулись в воду.

– Здорово гребут, – сказал Перец.

Шлюпка подошла к берегу.

– Ловите, пареньки! – крикнул один матрос и бросил нам канат.

Мы поймали мокрую петлю и надели на чугунную тумбу.

Матросы, разминая плечи и оправляя куртки, выходили на пристань.

Первый был молодой белокурый парень в шапке набекрень. Он шел, размахивая руками, и что-то напевал себе под нос. Второй, юркий, смуглый, с серьгой в ухе, был похож на обезьяну. У третьего квадратная борода росла прямо из шеи, он шагал вразвалочку, широченные плечи покачивались на ходу.

Да ведь это старый «тайфунец» с картинками!

И я сразу вспомнил, как его зовут.

– Матрос Бен! Матрос Бен!

Бородатый матрос остановился и растерянно оглянулся.

– Вы меня не узнаете, матрос Бен?

– Боюсь, что вас никогда не видал, молодой джентльмен.

— Как же вы меня забыли? Два года тому назад на «Тайфуне»... Вы еще тогда обещали нарисовать у меня на руке якорь.

— А, как же, как же! Мастер... мастер...

— Том, — подсказал я.

— Мастер Том из Нового Орлеана. Ну и выросли же вы с тех пор!

— Матрос Бен, пойдемте, пожалуйста, к нам в гости, — упрашивал я матроса.

— Что вы, мастер Том, я ведь у вас никого не знаю, — отказывался Бен.

— Дедушка будет очень рад. Он сам был моряком, капитаном. К нему всегда приходят в гости матросы. И я ему про вас много рассказывал, так что вы почти что знакомы, — уговаривал я.

— Ну ладно, — сказал матрос Бен. — Вот только спрошу у боцмана.

Я поискал глазами Переца. Он расположился на тумбе с ведерком и удочкой.

— Перец, идем с нами, — сказал я.

— Нет, — сердито ответил Перец. — Сейчас рыба хорошо клюет.

Перцу, конечно, было досадно, что это я, а не он, дружу с настоящим матросом.

Дедушка встретил матроса приветливо.

— Здорово, приятель! — сказал он. — Внук прожужжал мне о вас все уши. Том, закрой двери. Не будем мешать тетушке.

Он усадил Бена в кресло и принялся расспрашивать его о судьбе и о корабле, на котором Бен приехал.

Дедушка вспомнил о своих морских путешествиях, Бен рассказывал о своих, и они скоро разговорились, как старые друзья.

– Сбегай к Китти, Том, – сказал дедушка. – Пусть она принесет нам мадеры. Мы с мистером Бенжаменом выпьем за море и за старых моряков.

Я бросился в кухню.

– Китти, дайте мадеры и два стакана, – крикнул я и сейчас же побежал обратно. Я очень боялся, что Бен расскажет без меня самое интересное.

– ...Вы совершенно правы, мистер Бенжамен, – говорил дедушка, – мертвая зыбь – дело серьезное. Вот когда я плавал на корвете «Колумб» в 1807 году...

Скрипнула дверь, и Китти с подносом в руках вошла в комнату.

– Господи! – вдруг вскрикнула Китти и уронила поднос.

Графин и стаканы со звоном разлетелись вдребезги.

Китти опрометью кинулась в кухню.

– Это привидение! Это привидение!.. – кричала она.

Матрос Бен вскочил. Он покраснел как рак, а глаза стали у него совсем круглые. Бен с шумом отбросил кресло и побежал вслед за Китти.

– Они сошли с ума, – сказал дедушка и постучал пальцем по лбу.

– Что разбилось? Кто сошел с ума? – в комнату влетела тетушка Эбигейль. В одной руке у нее была пыльная тряпка, в другой метелка.

– Китти и матрос Бен, – сказал я.

– Какой матрос? Почему матрос? – закричала тетушка и, размахивая метелкой и тряпкой, понеслась на кухню.

Мы с дедушкой отправились за ней.

В кухне возле плиты стояли матрос Бен и Китти. Китти уткнулась лицом в куртку матроса Бена и громко

всхлипывала. Бен гладил ее по голове своей большой красной рукой, у него тоже были мокрые глаза.

– Извините, сэр, – сказал матрос Бен дедушке. – Она наконец нашлась!

– Этого только не хватало!.. – воскликнула тетушка, никого не слушая. – В моем доме она целуется с матросами. Вон! Чтобы ноги вашей тут не было.

– Охотно, мисс Нёттер, – сказала Китти. – Вот только соберу вещи. Это мой муж.

– Муж? Врет! – закричала тетушка.

– Попрошу вас, мисс... – матрос Бен шагнул к тетушке.

Но дедушка отстранил его рукой. На лбу у дедушки появилась большая морщина.

– Успокойтесь, Эбигейль, и уходите к себе в комнату.

– Я не позволю!.. – крикнула тетушка.

Она взглянула на дедушку, разом осеклась и вышла из комнаты.

– Мистер Бенжамен, Китти, – сказал дедушка. – Пойдемте ко мне и расскажите, в чем дело.

Мы уселись вокруг стола. Я примостился поближе к Бену и уставился ему прямо в рот.

– Одно скажу, – начал матрос Бен и стукнул по столу широкой ладонью. – Пусть меня смоеет шквал, если я оставил свою жену по доброй воле. Я ее крепко люблю и любил.

Китти покраснела, как морковь, и стала крутить в руках уголок передника.

– Может, Китти вам рассказывала, что мы после свадьбы поселились в Нью-Йорке, в гостинице против доков. Хорошие это были деньки. Лучших и во сне не видать. Надо вам сказать, что мать моя отдала канат

на тот свет раньше, чем я научился звать ее. Мне не было и пяти лет, когда отец первый раз взял меня с собой на шхуну. С той поры я и шныряю по морям. Так вот, жили мы с Китти душа в душу три месяца. На четвертый увидел я, что деньги – хранили мы их в Киттином чулке – убывают, как вода в отлив. Тут я оробел: какая, думаю, работа на суше? А оставлять бедную мою Китти страх как не хочется. Каждый день крейсирую я в доках: ищу, как бы подзаработать. Ничего не попадает. И вот в одно утро на насыпи № 17 окликает меня какая-то каналья в белой шляпе, делает мне знаки, зовет. Я подхожу.

– Здравствуй, старина, – говорит он мне.

– Здравствуйте, сэр, – отвечаю я.

– Что? Работы ищешь? – спрашивает.

– Ищу, – говорю я. – Да только ее что-то и в подозрительную трубу не видать.

– Пойдем. Может, за стаканом эля* что-нибудь и сыщется.

И пошел я за ним как дурак в кабачок «Трех морских свинок». Поставил он передо мною бутылку и говорит:

– Скажу без лести: много я на своем веку матросов перевидел, но такие плечи и бицепсы вижу в первый раз. Это просто грех, чтобы такой человек пропадал в матросах или еще хуже того – в грузчиках. Бьюсь об заклад на пятьдесят долларов – быть вам боцманом, и я даже знаю, на каком судне. Ночью из Нью-Берфорда выходит китолов «Буревестник». На нем как раз не хватает одного человека.

* Э л ь – светлое английское пиво.

– Не подходит, – отвечаю. – Я крепко пришвартован к суше. Я человек женатый.

А он мне:

– Вот и пользуйтесь случаем. Место хорошее. Подарков сколько жене навезете из плавания!

А сам все подливает мне эля да подливает. Чокнулись мы раз, чокнулись другой – под ногами пошла самая что ни на есть килевая качка, и в голове осел такой туман, что маяка не разглядишь. И уж не знаю, что там дальше было. Помню, какую-то бумагу я подписывал, в шлюпку спускался... Очнулся я на «Буревестнике». «Буревестник» дует на всех парусах, и контракт мой подписан на три года.

– Ах, разбойники! – стукнул по столу дедушка.

Китти тихонько всхлипнула и вытерла передником глаза.

Матрос Бен продолжал:

– Уж какое это было плавание, я и рассказывать не стану. Человек я крепкий, но между нами скажу, по ночам иной раз ревел, как малый ребенок. Как подумаю, что осталась моя бедная Китти одна, без копейки денег, так просто глядеть на свет не хочется. Кончились наконец три года. Вошли мы в Бедфорд. Я забираю свое жалованье и сразу же отправляюсь в Нью-Йорк. Как полоумный бегу к гостинице, расталкиваю прохожих. Батюшки! – нет гостиницы. На ее месте огромный каменный дом. Говорят, два года тому назад построен. Я в полицию.

– Где Дан Шекфорд, хозяин береговой гостиницы?

– Умер в прошлом апреле.

– Как же мне разыскать теперь мою жену? – пристаю я ко всем.

Сказали мне, чтобы я дал объявление в газетах. Дал... Никто не откликается. Пропала моя Китти. Целый год я толкался в Нью-Йорке. Искал по гостиницам, на улице каждую женщину оглядывал – не Китти ли? Вышли деньги. Пустился я опять в плавание. В каждом порту расспрашивал, не знает ли кто ирландку Китти Коллинс. Никто не знает. И если бы не мастер Том, – закончил матрос Бен свой рассказ, – так бы до самой смерти мы и не встретились с Китти.

Дедушка встал и подошел к маленькому шкафчику в углу комнаты.

Он достал другую бутылку мадеры и сам ее раскупорил.

– По такому случаю следует выпить, – сказал дедушка и налил четыре стакана.

– Здоровье мастера Тома, – пробасил матрос Бен.

Глава 22

Матрос Бен поселился с Китти в маленьком домике на набережной и навсегда остался в Ривермуте.

Домик Бен выкрасил в два цвета: снизу – черным, сверху – зеленым, а на крыше укрепил мачту с подъемным флагом. Домик стал как настоящий корабль.

– Смотрите, мистер Бенжамен, – шутил дедушка, – он того и гляди уплывет в море.

Внутри было тоже как на корабле: камбуз (так Бен называл свою кухню) и каюта. Добрую половину камбуза занимал очаг, по стенам висели медные, ярко вычищенные кастрюли и сковородки, а в углах стояли

удочки, лежали свернутые канаты и сети. В каюте стол был привинчен к полу, вместо кровати – висячая койка, под окном – матросский сундук, а на стене – полка с разными редкостями. Когда я приходил в гости к Бену, он снимал все редкости с полки и раскладывал их на столе. Там был моржовый клык с вырезанным на нем эскимосом, челюсть акулы, китайский божок и панцирь большой черепахи. В рамках из ракушек висели картинки: кораблекрушение и битва с пиратами. В домике Бена пахло рыбой и морской травой.

Я познакомил с Беном всю нашу компанию, и мы целыми вечерами торчали в корабельном домике.

Бен чудесно вырезал из дерева кораблики. Настоящий фрегат, с мачтами, с полной оснасткой, висел у него в каюте на крючке, ввинченном в потолок.

У каждого из нас было по кораблю с верфи матроса Бена, и городские мальчишки просто умирали от зависти, когда мы пускали на реке свою флотилию.

Бен научил нас управлять парусами, грести ласточкой, закидывать сети и показал, как ловить рыбу на донную удочку: вместо приманки на леску привешивается свинцовая рыбка с крючком во рту. Тяжелая рыбка гирей тянет леску на самое дно. Оттого удочка и называется донной.

Бен сам отлил каждому по три рыбки, блестящие, с чешуйками.

Для рыбной ловли у нас было свое любимое место в конце старой Якорной улицы, там, где она упирается в набережную.

Ни один прохожий не заглядывал сюда, ни одна телега не поднимала здесь пыли, а трава затянула берег и даже мостовую, как в поле.

Крайний дом по Якорной улице был домик Бена. Это было очень удобно. Всегда можно было сбегать к Китти за краюшкой хлеба с солью или за веревочкой для оборвавшейся лески.

Но больше всего мы любили эту часть набережной из-за пушек.

Пушки остались в Ривермуте от войны с англичанами. Тяжелые старинные пушки стояли рядом у самого берега и смотрели жерлами на воду. От дождей, снега и ветра они покрылись плесенью и ржавчиной. Колеса их вросли в землю. Две пушки свалились набок.

Как-то раз я, Чарлз Марден, Фил Адамс и Джек Гаррис по обыкновению пришли на наше любимое место с донными удочками. Но в этот день рыба не хотела клевать.

Чарлз Марден воткнул удочку в землю. Он разлегся на траве, болтал ногами в воздухе и насвистывал.

Джек Гаррис бросал в воду плоские камешки. Камешки подпрыгивали, как лягушки, и оставляли на воде дорожку из расходящихся кругов.

Я сидел верхом на жерле самой большой пушки и считал, сколько раз подпрыгивает камешек Джека.

– Всего три раза. Маловато, Джек!

– Одиннадцать! Вот это рекорд!

– Черти, распугаете всю рыбу, – ворчал Фил Адамс.

– Все равно не ловится, – сказал я и хлопнул по шее свою чугунную лошадь.

Чугун был горячий от солнца и шершавый. Я ногтем подковырнул ржавчину: рыжая скорлупка отвалилась, и открылась черно-зеленая блестящая лысинка. Я вынул перочинный ножик и стал скоблить дальше. Лысинка превратилась в целую плешь.

Потом я поворошил веткой в жерле пушки. Высыпалась кучка песка, щепочек, сухих травинок; выбежал встревоженный паук.

«А что если ее как следует вычистить, — подумал я, — выстрелит она или не выстрелит?»

Я обошел пушку со всех сторон. Целая.

— Ребята, знаете? Пушка выстрелит!

— Вот те на! — сказал Чарлз Марден. — С чего же это она выстрелит? У тебя на чердаке не все в порядке, Том.

— У меня на чердаке замечательный план, — ответил я.

— План?

Джек Гаррис оставил камешки и повернулся ко мне.

— Выкладывай. Давно Сороконожки не выдумывали ничего умного. Можно было подумать, что они подошли.

— Я предлагаю вычистить пушку. Задать ей поря- дочную порцию пороху и запалить.

— Bravo, — сказал Гаррис. — Бросай свою удочку, Фил. Посмотрим, можно ли ее отчистить. Марден, сбегай к Бену, попроси у него тряпку, напильник и какой-нибудь старый нож.

— А он дома?

— Дома. Видишь, флаг развевается.

(Матрос Бен всегда спускал флаг, когда уходил в море на рыбную ловлю.)

Целый час мы все вчетвером возились над пушкой.

— Здорово отчищается, — сказал Адамс, вытирая рукавом мокрый лоб.

— А что если мы вычистим еще одну или две?

– Ну – две?! – закричал я. – Мы все вычистим! Мы такую канонаду зададим, что весь Ривермут три года помнить будет!

– Сегодня же я созову экстренное собрание Сороконожек, – сказал Джек Гаррис. – Дело серьезное. Надо собрать денег и обсудить все как следует.

Глава 23

– Ну, значит, решено, – сказал Джек Гаррис после долгого и шумного собрания Сороконожек.

– В кассе у нас шесть долларов. Каждому выдается по полдоллара. На, Блэк! Считай! Верно? Забирай, Фил! Держи, Нокс!.. Все получили? Отлично! Только не вздумайте все разом идти в одну лавку. Том, Перец Виткомб, Генри Блэк и я пойдем к толстому Пеллю. Все – в разные дни. Вы – в портовую лавчонку. Остальные – в магазин на Верхней улице. С завтрашнего дня начинаем чистку батареи. Тащите с собой тряпки, ножи, машинное масло, если у кого есть. Том Белли, не забудь! Ты обещал разузнать про фитили.

– Я сейчас побегу к матросу Бену, – ответил я.

– Ты ему все расскажешь? – спросил Лангдон.

– Нет, что ты! Я к нему подъеду осторожно. Уж я знаю, как с ним разговаривать. Начну про морскую битву и выпрошу все, что нужно.

– Так, значит, в субботу? – спросил Чарлз Марден.

– Непременно в субботу! – закричал я. – Вы только подумайте: переполоху хватит на все воскресенье. Гаукинс заболит со страху, и утром не будет проповеди.

– Ну, можно и по домам, – сказал Гаррис.

– Подожди, Джек! – крикнул Перец. – Ребята, за то, что Том придумал такую знатную штуку, я предлагаю назвать нашу батарею – батареей Белли.

– Ура! Батарея Белли! Батарея Белли! – закричали все.

Целую неделю мы возились с пушками. На набережную мы приходили с удочками и ведерками. Но в ведерках вместо червяков лежали свернутые тряпки, ножи, бутылочки с маслом и порох.

В сухом месте под камнем мы вырыли яму, поставили туда жестяной ящик и насыпали в него наши запасы пороха. Ящик мы забросали хворостом, засыпали песком и камешками.

Фитили были уже готовы. Матрос Бен не только рассказал мне, как надо их делать, но сам сделал столько фитилей, что их хватило бы на три батареи Белли. Я подробно выпросил, как надо обращаться с фитилями, сунул их в свое ведро и побежал на набережную. Было решено, что фитили заложит Фил Адамс, а подпалю их я. Это нужно было делать ночью, ловко и очень осторожно.

В назначенную ночь, с субботы на воскресенье, в половине двенадцатого я сунул в карман коробок спичек и надвинул на глаза шапку.

Ощупью, на цыпочках, я спустился по лестнице и прошел по коридору. Громко щелкнул ключ выходной двери. Я прижался к стене и прислушался. Все было тихо. Я нажал плечом дверь и выскользнул на улицу.

На улице было темно и пусто. Дома стали серые, незнакомые, окна, закрытые ставнями, были как спящие

глаза. Трубы, крыши, углы кто-то обвел угольным карандашом. Конец улицы провалился в темноту.

Я поежился. Жалко все-таки, что я не взял с собой Фила.

Ну, надо идти. Я тихонько сбежал со ступенек и пошел к Якорной, стараясь держаться поближе к домам. Возле домов лежала тень, густая, как вакса.

Вдруг за дощатым забором залаяла собака.

Я вздрогнул: «Разбудит сторожа...»

Собака лаяла на всю улицу.

— Чего ты? Дура! — я побежал бегом.

Дома кончились. От реки пахло холодной сыростью. Двенадцать пушек стояли правильным полукругом. Черные жерла смотрели вверх. «Вот такие были они в настоящем деле», — подумал я.

Мне показалось, что за рекой раскинут неприятельский лагерь. Главнокомандующий послал меня открыть огонь. Враг может заметить меня каждую минуту.

Я обошел пушки. Запалы были в порядке. От запалов тянулись белые фитили. Они сплетались в один главный. Главный фитиль извивался по земле, как большой жирный червяк.

«Молодец Фил! Ничего не забыл. Теперь только зажечь привод».

Я нагнулся. Дорожка пороха шла к концу главного фитиля. Я вытащил коробок и, повернувшись спиной к ветру, зажег спичку.

Прикрыв огонек ладонью, я поднес спичку к приводу.

А вдруг сразу вспыхнет?! Я бросил спичку и отскочил в сторону. Огонек мелькнул в темноте и погас.

Под ногами у меня хрустнул пруттик. Я поднял его, зажег и осторожно коснулся красным язычком пороховой дорожки. Голубой светлячок подпрыгнул и с легким треском побегал по песчинкам. Он добегал до фитиля, и фитиль загорелся.

Готово! Домой!

Я бросился бежать.

Только бы успеть! Только бы успеть! Что если они начнут палить раньше, чем я нырну в постель?

Вот наконец и наша улица. Наше крыльцо.

Я перескочил через три ступеньки и толкнул дверь. Сердце колотилось так громко, что казалось – и тетушка Эбигейль и дедушка непременно услышат.

Я пробрался к себе в комнату и юркнул под одеяло, не раздеваясь, – в куртке и башмаках.

Уф, слава Богу! Теперь пусть стреляют!.. Что же они не стреляют?! Вдруг ветер задул огонь? Вдруг фитиль оборвался? Все пропало!

Я сел на кровати.

– Бум-м... – тяжело грохнуло на улице.

Задрожали оконные стекла. На умывальнике подпрыгнул таз.

– Бум... Бах... Ба-ах...

Ура! Заговорила батарея Белли!

Внизу кто-то взвизгнул, хлопнула дверь. Зашлепали ночные туфли дедушки.

Я вскочил, скинул куртку и высунулся за дверь.

– Вы слышите, дедушка? Что это такое?

– Понять не могу, мой друг. Одевайся, выйдем на улицу, посмотрим.

Я опять надел куртку и спустился вниз.

– ...Трах... Барабах...

Тетушкина дверь распахнулась.

Белое привидение вылетело в столовую и бросилось к бабушке.

– О, Даниэль! Мы погибли! Город взорвался!

Тетушка была в ночной рубашке до пят. Из-под чепчика, как рожки, торчали две папильотки*.

– Пустяки, Эбигейль. Мы проживем еще сто лет. Все уже закончилось.

– Бум... Бум... Бум... Тарарабах... – ответила батарея Белли.

Тетушка заметалась по комнате, ломая руки.

– Примите ваши пилюли, Эбигейль, и ни о чем не беспокойтесь. Мы сейчас узнаем, в чем дело. Идем, Том.

Город нельзя было узнать. Десять минут тому назад все дома спали, словно проглотили сонный порошок.

А теперь...

Все ставни распахнулись. В окнах торчат ночные колпаки и чепцы. Хлопают двери. Мелькают фонари. По улицам мечутся полуодетые люди.

Какая-то старушка, с мышеловкой в одной руке и подушкой в другой, чуть не сшибла нас с ног.

– Это конец света! Это конец света! – кричала она.

Посередине мостовой стояла кучка мужчин. Дедушка подошел к ним.

– Я говорю вам – это английские штучки... – горячился толстый лавочник.

– При чем тут Англия! – пожимал плечами доктор Таппертит. – На свете столько неизученных явлений природы. Землетрясение, подземные извержения.

* Папильотки – бумажки для завивки волос.

– Бух... Б-бах... Бум-м...

Отряд полицейских промаршировал по улице.

– Наконец-то, – сказал кто-то в толпе. – Последними в нашем городе просыпаются полицейские и пожарные.

Кто-то дернул меня за куртку. Я обернулся. За спиной у меня стоял Фил Адамс.

Он подмигнул мне одним глазом и шепнул:

– Здорово? А?

Полицейские подошли к пушкам, когда батарея Белли уже умолкла.

Над набережной стлался густой дым. Пахло порохом и гарью.

Я и Фил, спрятавшись за углом Якорной улицы, сами видели, как озадаченно потоптались полицейские на набережной и в том же порядке вернулись в город.

– Это палили старые пушки на Якорной, – разнеслось по Ривермуту.

– Я говорил, что это чья-нибудь злая шутка, – уверял доктор Таппертит.

– Вы, сэр, говорили совсем другое, – сердился лавочник.

– Плохая примета! Страшная примета! – качали головой старушки. – Пушки сами стреляют – быть войне!

Только когда начало светать, ривермутские жители разошлись по домам, двери захлопнулись, ставни закрылись.

В постели я вспомнил старушонку с мышеловкой и доктора Таппертита в плаще и ночном колпаке. Я так расхохотался, что мне пришлось уткнуться носом в подушку, чтобы снова не перепугать тетюшку.

Утром, еще до завтрака, я побежал посмотреть на батарею Белли. По дороге я встретил Фила Адамса и Джека Гарриса.

– Вы куда?

– На набережную, понятно.

В начале Якорной улицы нас догнали Перец Виткомб и Фред Лангдон. В конце – Чарлз Марден и Генри Блэк.

Все Сороконожки, точно сговорившись, бежали к реке.

В каком виде была наша славная батарея!

Пушки разлетелись в разные стороны, будто их сбросал ураган. Две скатились по откосу и застряли в тине. Земля почернела от пороха и топорщилась комьями. Одна пушка дала широкую трещину вдоль всего дула. Другая – оторвалась от лафета. У третьей – отскочил кусок чугуна, по крайней мере, с человеческую голову.

Этот кусок угодил в дымовую трубу матроса Бена.

Когда мы пришли к Бену, он стоял на крыше и укреплял новую, железную, трубу вместо разрушенной кирпичной.

– Хороши вы! – крикнул нам с крыши матрос Бен. – Взять под обстрел корабль дружественной державы! А я-то, старый дурак, собственными руками приготовил фитили этим пиратам.

– Не сердитесь, матрос Бен, – сказал я. – С железной трубой гораздо лучше. Больше похоже на корабль!

Ривермут так никогда и не узнал, почему палили старые пушки. Муниципалитет предложил награду тому, кто найдет виновников, но никто не явился за наградой.

Сороконожки народ честный.

Глава 24

Я прислонил письмо к чернильнице и посмотрел на него издали. Потом наклонил голову и посмотрел сбоку. Строчки шли правильно. Ни одна буква не выскакивала из ряда. Только под словом «Ривермутской» еще виднелся след карандашной линии. Я взял резинку и осторожно стер линию.

Местное

МИСТЕРУ ТРЕНТУ

Редактору «Ривермутской Утки»

Готово. Теперь в почтовую контору.

Я бережно опустил письмо в карман и вышел из дому.

«Кажется, лучше отнести самому, — думал я. — Еще затеряется на почте... Приду и скажу: “Доброе утро, мистер Трент. Вот мои стихи. Называются “Южная ночь”. Нельзя ли их напечатать в вашей газете?” Мистер Трент прочтет и скажет: “Поздравляю вас, молодой поэт. Стихи прекрасные. Они украсят следующий номер”».

Я представил себе мистера Трента, высокого, сухого, в синих очках.

А вдруг он скажет совсем не так: «Зачем вы притащили эту дрянь, глупый мальчишка? Занимались бы лучше своими уроками».

Нет, гораздо лучше по почте. Не так страшно. Хорошие стихи — напечатают. Плохие — выбросят вон, и делу конец!

Я решительно зашагал к почте.

Почтовый чиновник протянул в окошечко руку, взял у меня письмо, повертел его, стукнул печатью и бросил в кучу других писем.

– Оно не потеряется? – спросил я дрожащим голосом.

– У нас письма не теряются, – ответил чиновник и захлопнул окошечко.

Я вышел на улицу.

И зачем я послал? Отвратительные стихи. Мистер Трент будет просто смеяться надо мной. Расскажет Гримшау... Узнают мальчишки... Задразнят... Проходу не дадут. Забрать, сейчас же забрать письмо.

Я взбежал по лестнице.

Почтовый чиновник сидел за своим окошком и что-то писал в большой книге.

Ну, как я ему скажу? Оставлю. Будь что будет.

«Больше всего на свете я хочу, – думал я вечером, укладываясь в постель, – чтобы Трент напечатал стихи и чтобы папа и мама поскорее приехали».

Целых три года я не видел папу и маму. Я писал им каждую неделю и получал от них письма. Но ведь это совсем не то. Месяц тому назад мама написала мне, что они собираются в Ривермут и выедут, как только папа получит отпуск.

С этого дня я только и думал об их приезде. Считал вместе с дедушкой, сколько дней им придется плыть на корабле, каждое утро смотрел на барометр.

– Дедушка, я изменился с тех пор, как они уехали? – приставал к дедушке.

– Очень, мой друг, – отвечал он.

– Я вырос?

– На целую голову.

– Но они меня все-таки узнают?

– Узнают, я думаю, – отвечал дедушка, улыбаясь.

Что-то скажет папа, когда увидит мои стихи, особенно, если их напечатают? Стихи про Новый Орлеан, про лунную ночь в нашем саду. Маме-то они, наверное, понравятся.

Каждое утро я с тревогой разворачивал «Ривермутскую утку».

Стихи не появлялись.

«Выбросили! Конечно, выбросили, – думал я, – значит, стихи дрянь».

Но на другой день я опять открывал газету.

И вот в пятницу я увидел: в конце второй страницы два ровных столбика коротеньких строчек.

Над ними мелким шрифтом:

Стихи юного, но подающего надежды поэта.

Редакция желает молодому поэтическому дарованию, украшающему в настоящее время почтенную школу мистера Гримшау, крепнуть и развиваться.

Потом две переплетающиеся веточки и название:

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

А внизу подпись: ТОМАС БЕЛЛИ.

– Напечатали! Напечатали!

Я вскочил и, как флагом размахивая газетой, три раза перескочил через стул.

Поэт Томас Белли.

Томас Белли – поэт!

Я распластал газету на столе.

ЮЖНАЯ НОЧЬ.

Неужели это мои стихи? Честное слово, хорошие!

Я перечитывал стихотворение с первой строчки до последней, потом опять с первой до последней. И так – раз десять.

Пойти показать дедушке? Нет, пусть лучше сам заметит. А вдруг он пропустит? Он никогда стихов не читает.

Я вертел газету в руках.

«Из Чикаго нам пишут...»

«Из Буэнос-Айреса пишут...»

«Из Нового Орлеана пишут...»

А ну-ка, что пишут из Нового Орлеана?

В городе свирепствует жестокая холера. Больницы и госпитали переполнены. По последним сведениям (28 сего месяца), за одни сутки было отмечено 74 смертных случая. Жители спешно разъезжаются.

Я сразу забыл про стихи.

– Дедушка! Дедушка! Вы читали? В Новом Орлеане холера! – вбежал я в дедушкину комнату...

Дедушка сидел грустный.

– Да, Том, я знаю, – сказал он, – я только что получил письмо от папы.

– Они выехали? Едут?

Дедушка покачал головой.

– Нет, Том. Папа не получил отпуска. Хозяин конторы сам уехал из Нового Орлеана и оставил на папу все дела.

– Как же так?

Дедушка ничего не ответил. Я поплелся из комнаты.

Ночью я никак не мог уснуть. Я переворачивался с боку на бок, вставал и опять ложился. Я думал:

«В Новом Орлеане холера. Люди падают на улице и бьются в судорогах. Проезжают черные телеги с мертвыми телами. Надо спасти папу и маму. Надо их просто увезти».

И я решил: еду в Новый Орлеан.

В той же «Ривермутской утке» я нашел объявление: на судно «Роулингс» требуется мальчик для услуг. «Роулингс» через четыре дня уходит из Бостона в Новый Орлеан.

Я очень обрадовался. Денег у меня нет. Дедушка меня ни за что не отпустит, с ним и говорить нечего. Убегу тайком и поступлю на «Роулингс». Ехать надо завтра же.

Я собрал свои вещи, связал их в узелок и, когда стемнело, отнес в конюшню к Джипси.

Оттуда можно было взять узелок незаметно и уйти, как будто к товарищу.

Свой план я рассказал одному только Перецу Виткомбу.

– Клянись нашей дружбой и своей головою, Перец, что ты меня не выдашь, – потребовал я.

– Клянусь головою, – грустно сказал Перец. – Но все-таки это очень глупо. Во-первых, твои папа и мама на тебя же рассердятся. Во-вторых, на «Роулингсе» ты досыта наглотаешься подзатыльников. А в-третьих, ты непременно умрешь от холеры как дурак.

Глава 25

Паровоз пронзительно свистнул. Под вагоном что-то зашипело, зашумело. Вагон вздрогнул, качнулся назад, дернулся вперед и пошел.

«Наконец-то!» – я вздохнул с облегчением.

Самое трудное сделано. Главное было удрать, чтобы никто не заметил. На «Роулингс» меня примут: я сильный, здоровый и – все говорят – очень высокий для тринадцати лет.

Когда поезд пошел полным ходом, я вылез из своего угла (я нарочно забился в самое темное место, чтобы меня не заметили) и расположился поудобнее.

Против меня сидел фермер в шершавой куртке. Рядом толстая дама. Через проход – сухонький старичок.

А кто сидит сзади?

Я встал и заглянул через скамейку.

«Что такое? Какая знакомая спина у этого человека. Клетчатая шапка... Бен!.. Честное слово, матрос Бен...»

Я съежился в своем углу.

Вот так история! Как попал сюда Бен? Нет, я, должно быть, ошибся!

Колеса тархтели по рельсам. Вагон не переставая дрожал и раскачивался.

Шершавый фермер напротив откинул голову назад и спал. Нижняя губа у него отвисла, из приоткрытого рта неся переливчатый храп.

Заросшие волосами ноздри вторили храпу тонким свистом.

Конечно, я ошибся. Ну зачем Бен поедет в поезде? Ну куда ему ехать?

Я опять приподнялся на скамейке и взглянул через край спинки.

Это был Бен.

Он сидел, широко расставив колени, и водил пальцем по строчкам «Ривермутской утки».

Я сполз на свое место, схватил узелок и потихоньку перебрался в другой вагон.

«Он меня не заметил, – успокаивал я себя. – Иначе он бы со мной заговорил».

Но все-таки я сел в самый дальний уголок вагона.

«Куда это Бен едет? – подумал я. – Может, ему надоела сухопутная жизнь и он опять решил вернуться на корабль? А вдруг на “Роулингс”? В объявлении было сказано: требуются три матроса и мальчик для услуг. Вот будет штука, если мы поступим на один корабль. Только непременно нужно, чтобы я попал первым, а то Бен может мне помешать».

И я представил себе, как все это будет.

...Я подписываю контракт и выхожу из конторы. Возле конторы стоит Бен.

– Мастер Том, что вы тут делаете?

– Я поступаю на «Роулингс», Бен.

– Это невозможно, вы должны вернуться к дедушке.

– Поздно, Бен, контракт уже подписан.

Бен почесывает затылок и говорит:

– Ну, коли контракт, делать нечего. Послужим вместе, мастер Том.

На корабле меня все любят за то, что я ничего не боюсь и карабкаюсь по вантам не хуже любого матроса.

Приезжаем в Новый Орлеан.

Папа и мама не могут поверить своим глазам. Мама плачет от радости. Бен рассказывает, что я настоящий моряк. Папа очень доволен, что у него такой сын.

Потом я забираю папу и маму и мы возвращаемся в Ривермут.

Дедушка ужасно рад, что я спас папу и маму от холеры, и нисколько на меня не сердится.

– Вот это парень так парень, – рассказывает Бен моим товарищам. – По чести скажу, я бы на старости лет не постыдился служить под его командой. Из него выйдет настоящий капитан.

Углы вагона стали темнеть. Наступал вечер.

«...Из него выйдет настоящий капитан», – стучали колеса. Вагон дрожал. Скамейка напротив отплыла куда-то в глубину вагона. Голова у меня перестала держаться на шее. Я заснул.

Когда я проснулся, в вагоне было уже почти совсем темно.

Кондуктор зажег свечу.

Вещи и люди выползли из темноты. Я опять увидел фермера, толстую даму и старичка.

А на третьей скамейке...

Я весь похолодел: на третьей скамейке от меня сидел матрос Бен. Он закрылся «Ривермутской уткой» и спал.

Зачем он перешел в этот вагон? Он следит за мной!

Какая-то дама вполголоса говорила своему соседу:

– Как неприятно! Я так удобно расположилась в том вагоне. И вдруг на последней станции его отцепили. Пришлось перейти сюда...

Ах, вот в чем дело. Я немножко успокоился.

– Не огорчайтесь, мэм, – ответил даме сосед. – Ведь мы уже подъезжаем к Бостону.

Я захватил свои вещи и вышел на площадку. В Бостоне я выскочил из поезда первым.

На вокзале было много народу. Я юркнул в толпу и, ныряя под локтями встречных, выбрался на улицу.

Я свернул в боковой переулок, чтобы запутать следы, и пошел быстрым шагом. Бежать я боялся: еще чего доброго примут за вора.

Вдруг я услышал за спиной тяжелые шаги. Я оглянулся. Матрос Бен!

Я перебежал на другую сторону и полетел что было духу.

Если успею добежать до угла, я сверну и спрячусь в первых воротах.

Шаги за спиной застучали громче и чаще.

Гонится. Он бежит в десять раз быстрее меня. Все пропало...

Я остановился и круто повернулся. Бен с разгону чуть не сшиб меня с ног.

– Вы следили за мной, матрос Бен?

– Вроде того, мастер Том, – отвечал Бен.

– Вас послали за мной?

– Не то чтоб послали, мастер Том. Но капитан думает, что вам одному не стоит пускаться в путешествие.

Я опустил голову, закусил губу и, ни слова не говоря, пошел к вокзалу.

– Куда же вы, мастер Том? – сказал Бен. – Сегодня уже нет поезда. Зайдемте в гостиницу. Вот, направо. Я помню, тут раньше была хорошая гостиница.

Я так же молча повернул направо.

Гостиница была не гостиница, а постоялый двор для моряков.

В нашем номере стояли две койки, некрашеный стол, четыре стула и рукомоЙник.

Я сел на койку и устался в угол. Мне хотелось плакать.

Откуда они узнали? Перец Виткомб выдал. И зачем я, дурак, ему сказал? Теперь возвращайся домой под

конвоем. Глупо как! А папу и маму так и не увижу. Дедушка рассердится. Тетушка будет пилить...

– Мастер Том, – сказал матрос Бен жалобно, – не горюйте. Пойдемте прогуляемся.

– Нет.

– Сыграем в карты.

– Не хочу.

Матрос Бен сокрушенно покачал головой. Потом он встал и вышел из комнаты.

Вернулся он с большим подносом. На подносе стояли два прибора, две кружки пива и большая сковорода. На сковороде вкусно шипела яичница с ветчиной.

Бен заботливо расставлял на столе посуду.

Я искоса следил за его руками. Запах горячей ветчины пробрался в ноздри, потом в горло, потом в желудок. Я вспомнил, что не ел с утра.

Бен разрезал яичницу пополам и плюхнул на мою тарелку желтый полукруг.

– Мастер Том, идите ужинать.

Я медленно встал, подошел к столу и выловил кусочек ветчины. Потом я взял кусочек яичницы, потом еще кусочек.

Через пять минут моя тарелка была как вымытая.

Матрос Бен не отставал от меня.

– Скажите, Бен, – спросил я, – вы следили за мной с самого ривермутского вокзала?

– С самого вокзала, – ответил Бен.

– Почему же вы не задержали меня сразу?

– Видите ли, мастер Том, мы с вашим дедушкой бились об заклад: он говорил, что с вокзала вы вернетесь домой, а я уверен, что вы отдадите канат в море.

– Все-таки чудак вы, Бен, – сказал я. – Зачем вы тащились до самого Бостона? Вы могли меня посадить на первой же станции.

– Что вы, мастер Том?! – развел руками Бен. – Билет был взят до самого Бостона. Не пропадать же ему зря.

Я расхохотался.

– Ну, вот и отлично! – обрадовался Бен. – Вы разве селились. За ваше здоровье, мастер Том! – Бен поднял кружку.

Мы запили яичницу пивом.

После ужина матрос Бен сказал:

– Ну, право, теперь было бы недурно сыграть в картишки.

– Пожалуй, – сказал я, не глядя на Бена.

Мы сыграли.

В одиннадцать часов Бен задул свечу.

Он минут пять поворочался на своей койке и потом густо захрапел.

Тогда я спрятал голову под подушку и заплакал.

Глава 26

Бен довел меня до крыльца нашего дома.

– Ну, я пойду, – сказал он. – Вы не бойтесь, мастер Том. Все будет хорошо.

Я взялся за дверной молоток.

Что-то скажет дедушка?

Дедушка сам открыл мне дверь. Лицо у него было усталое, потемневшее, а морщинки глубже, чем всегда.

Ни слова не говоря, дедушка обнял меня и повел к себе в комнату.

– Сядь, Том, – сказал он.

Я сел. Дедушка раза два прошелся по комнате, потом подошел к письменному столу и вынул из ящика письмо с черной печатью.

Что-то внутри меня оборвалось, и в груди стало пусто. Руки и ноги похолодели.

Дедушка развернул письмо и начал:

– Новый Орлеан. Четвертого... – голос у него задрожал. – Не могу, Том. Возьми, прочитай сам...

Я схватил письмо и убежал в свою комнату.

Письмо было от мамы.

Неделю тому назад папа умер от холеры.

Я зажал глаза кулаками.

Что же это? Что же это? Значит, я никогда не увижу папу. Никогда! Ни на одну минуточку! Он не узнает, как я вырос, не узнает, что я теперь второй ученик. Никогда не будем жить вместе, ни здесь, ни в Новом Орлеане. Я хотел показать ему «Ривермутскую утку» с моими стихами...

Во рту, в носу, в горле стало горько. Слезы вырвались и покатались по лицу.

Хоть бы один раз, один еще разочек увидеть папу!

Через неделю приехала мама.

Мама была в черном платье, бледная и худая.

Она много рассказывала про Новый Орлеан.

В нашем домике поселилось семейство Джерли.

Там, где у нас был кабинет, – у них столовая, в спальне – детская.

Беседку в саду снесли совсем. Ее не стоило чинить: она почти развалилась.

Питер, который приходил к нам пересаживать цветы, умер.

Джек и Боб уехали из Нового Орлеана. Мама про них ничего не знала.

В Новом Орлеане пусто и страшно. Много людей разъехалось. Их дома стоят заколоченные.

В театре не дают представлений.

Обо всем мама рассказывала, только о папе говорила мало.

Мне показалось, что я сразу вырос на несколько лет, — столько забот привезла с собой мама. Плакать при маме было нельзя: она сразу начинала плакать тоже. Я даже иногда рассказывал ей что-нибудь смешное.

Дедушка ходил озабоченный. Папа не оставил нам наследства. Фирма, в которой он служил, обещала выплачивать маме маленькую пенсию, но об этом нужно было еще много хлопотать. Я сам носил в почтовую контору толстые конверты с прошениями и бумагами.

Как-то раз, приняв мой пакет, почтовый чиновник сказал мне:

— Для миссис Белли есть письмо из Нью-Йорка, — и подал мне большой синий конверт.

Письмо было от папиного двоюродного брата, дяди Сноу.

У дяди Сноу в Нью-Йорке была большая лавка. Дядя называл себя «настоящим американским дельцом», не интересовался ничем, кроме биржевых бюллетеней, и не очень дружил с папой.

Вечером, после чая, мама прочитала письмо вслух.
Дядя Сноу писал:

«Любезная кузина Люси!

Из Вашего письма я с прискорбием узнал о постигшей Вас утрате.

Моя супруга и дочь выражают Вам свое соболезнование.

Вы спрашиваете у меня совета, дорогая Люси. Я основательно обсудил Ваше положение, и вот что я могу предложить Вам.

Наш бедный Фред, к сожалению, не обеспечил Вас: пенсия – если фирма Гроулер и К выдаст Вам ее – далеко не достаточна.

Вашему сыну Томасу четырнадцатый год. Я могу принять его в свою торговлю и найти для него работу по силам.

Он сразу же начнет зарабатывать деньги (пока, конечно, немного) и приучится к труду, который даст ему со временем кусок хлеба.

Но я очень прошу Вас, дорогая кузина, поторопитесь с приездом. Я слышал, что Томас пишет стихи, а я придерживаюсь старой истины: из поэта не выйдет делец.

Надеюсь, что сын Ваш приступит к своим новым обязанностям не позже будущей недели.

Свидетельствую свое почтение уважаемому капитану Нёттеру и его сестрице.

Остаюсь готовый к услугам Роберт Сноу».

– Не нравится мне это письмо, Люси, – сказал дедушка. – Фред хотел для мальчика совсем другого. Тому надо поступать в университет.

– Вы забываете, папа, – ни у вас, ни у меня нет для этого денег.

– Деньги будут. Мы сдадим половину дома. Можно продать Рыжего. Мы с Эбигейль старики. Нам немного нужно.

– Нет, дедушка. Не надо продавать Рыжего. Я еду в Нью-Йорк, – сказал я решительно.

– Что ты, Том, – уговаривал дедушка. – Ты не знаешь, что такое служба в лавке. С утра до вечера – покупатели, счетные книги, реестры, накладные. Учение придется забросить навсегда.

– Я не заброшу учение. Я буду заниматься по вечерам. Я даже стихи буду писать, только не стану говорить дяде Сноу. Не уговаривайте меня, дедушка, я все равно поеду в Нью-Йорк.

– Я думаю, он прав, – грустно сказала мама.

Через три дня мы с мамой, в дорожных пальто, с сумками через плечо, стояли на вокзале.

Дедушка, тетушка, Китти и матрос Бен провожали нас.

– Дорогая Люси, – говорила тетушка, вытирая глаза кончиком носового платка. – Не садитесь к окну: вас непременно продует. Том, застегни воротник. Как жаль, что мы уложили вязаный шарф.

– Мастер Том, – шептала мне Китти, – пирожки в плетеной корзиночке. Длинненькие – с капустой, а другие – с вареньем. Варенье ваше любимое – абрикосовое.

Китти была в праздничной шляпке с анютиными глазками, но шляпка съехала набок, волосы растрепались, Китти все время громко всхлипывала и терла лицо ладонью.

– Ты, старуха, устроила форменный потоп, – шутил Бен. – Мастеру Тому придется вплавь добираться до вагона. Эх, мастер Том, мастер Том, а я-то начал вырезать вам такой славный фрегат.

– Пришлите мне ваш фрегат в Нью-Йорк, Бен. Я поставлю его на камин, – ответил я Бену.

Дедушка постукивал палкой по краю платформы и молчал.

До отхода поезда оставалось десять минут.

Вдруг чей-то голос крикнул:

– Том Белли! Том Белли, где ты?

– Я тут.

Расталкивая толпу локтями, к нам пробивались Джек Гаррис, Фил Адамс, Перец Виткомб, Лангдон и Марден.

– Мы еле удрали от Мольбери, – сказал Джек.

– Прощайся, Том, – торопил дедушка. – Пора в вагон.

Я пожал мальчикам руки.

Перец Виткомб всхлипнул.

– Пожалуйста, не надо, Перец, милый, – сказал я, – а то я тоже зареву.

Дедушка обнял меня.

– Ну, прощай, Том. Если будет очень трудно за прилавком у дядюшки Сноу, забирай маму и возвращайся ко мне...

– Третий звонок, Даниэль, – сказала тетушка.

Я быстро расцеловался со всеми и вслед за мамой вскочил на площадку вагона.

Поезд тронулся.

Мальчики и Бен пошли рядом с вагоном. Поезд ускорил ход.

Мальчики побежали бегом.

Потом они стали отставать. Дальше всех бежали Перец Виткомб и матрос Бен.

Но их тоже обогнал поезд. Они остановились на самом краю платформы и махали шапками.

Еще долго я видел две черные фигурки, длинную и коротенькую.

Глава 27

Много лет спустя я снова попал в Ривермут.

Ривермут стал совсем другой: дома съезжились и постарели, улицы стали короче и тише.

«Храм Грамматики» сгорел. Домик Бена закрасили желтой краской, железную трубу опять заменили кирпичной и сняли флаг. Он больше не похож на корабль.

Матрос Бен умер. Китти опять служит у дедушки.

Когда я проходил по Якорной улице, на пороге домика сидел старик в матросской фуфайке и вырезал ножом лодку. Совсем как матрос Бен.

Дом Нёттеров затих. Нет тетушки Эбигейль. Она похоронена на ривермутском кладбище за высокой чугунной оградой, где лежат все Нёттеры.

Дедушка рассказывал мне, что в ее комнате нашли восемьдесят семь флакончиков и коробочек от лекарств.

Сам дедушка большую часть года живет с нами в Нью-Йорке. В Ривермут он приезжает только летом.

Он стал совсем старенький, сгорбился и ходит с тростью даже дома.

Из моих школьных товарищей я нашел в Ривермуте только Переца и Конвея с Роджерсом.

Перец стал переплетчиком, как и его отец. Дома у него по-прежнему пахнет бумагой и клеем.

Мы с Перцем перебрали все школьные воспоминания. Я расспрашивал его о наших общих товарищах. Оказалось, что Фред Лангдон сделался мастером на заводе, Фил Адамс — консул в Шанхае, а Джек Гаррис убит на войне.

Конвей и Роджерс процветают. Они открыли в Ривермуте бакалейную торговлю и обвешивают покупателей направо и налево. Так ловко не умела обвешивать даже старая миссис Конвей.

Остальных товарищей мы потеряли из виду.

— А не знаешь ли ты, — спросил Перец Виткомб, — куда делась твоя лошадь? Помнится, ее звали Джипси.

Джипси стала артисткой. Дедушка продал ее директору странствующего цирка. Я видел ее через два года после моего приезда в Нью-Йорк в маленьком пригородном цирке. В афише она называлась:

<p>Ученый арабский пони ЗЮЛЕЙКА из конюшни дамасского принца Шах-Гамана</p>
--

Джипси была в красной бархатной попоне, расшитой блестками. Над челкой у нее качался белый плюмаж, а на шее висела большая бисерная кисть.

Публика аплодировала и кричала:

– Зюлейка, Зюлейка! Бис! Бис!

Джипси не обратила на меня никакого внимания, но я сразу узнал ее по белой лысинке на лбу.

На другой день, закрывшись от дяди Сноу толстой конторской книгой, я написал про Джипси длинное стихотворение.

Бедный дядя Сноу! Он говорил мне:

– Старайтесь, Томас. Я сделаю вас старшим приказчиком. Остерегайтесь только предаваться пагубной страсти к стихотворчеству. Поэты – самые беспутные люди в Америке.

Но я не сделался старшим приказчиком. Я стал одним из беспутных людей Америки.

Бедный дядя Сноу!.. Я обманул его ожидания.

Оглавление

<i>Предисловие от издательства</i>	<i>3</i>
<i>Глава 1</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2</i>	<i>7</i>
<i>Глава 3</i>	<i>15</i>
<i>Глава 4</i>	<i>23</i>
<i>Глава 5</i>	<i>27</i>
<i>Глава 6</i>	<i>35</i>
<i>Глава 7</i>	<i>45</i>
<i>Глава 8</i>	<i>51</i>
<i>Глава 9</i>	<i>61</i>
<i>Глава 10</i>	<i>69</i>
<i>Глава 11</i>	<i>78</i>
<i>Глава 12</i>	<i>83</i>
<i>Глава 13</i>	<i>95</i>
<i>Глава 14</i>	<i>98</i>
<i>Глава 15</i>	<i>104</i>
<i>Глава 16</i>	<i>112</i>
<i>Глава 17</i>	<i>118</i>
<i>Глава 18</i>	<i>125</i>
<i>Глава 19</i>	<i>130</i>
<i>Глава 20</i>	<i>140</i>
<i>Глава 21</i>	<i>145</i>
<i>Глава 22</i>	<i>152</i>
<i>Глава 23</i>	<i>156</i>
<i>Глава 24</i>	<i>164</i>
<i>Глава 25</i>	<i>169</i>
<i>Глава 26</i>	<i>174</i>
<i>Глава 27</i>	<i>180</i>

— Мировая книжка —

Олдрич Томас Бейли

Приключения Тома Белли

Воспоминания американского школьника

*Литературно-художественное издание
для среднего школьного возраста*

Художественный редактор А. Н. Корниенко
Технический редактор Н. В. Савостьянова
Компьютерная верстка М. Г. Козьминой
Корректор М. В. Серебрянцева

Подписано в печать 10.01.2012. Формат 60 × 90^{1/16}.
Гарнитура Школьная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 11,2.
Тираж 2000 экз. Изд. № 985. Заказ № 5585.

ЗАО «ЭНАС-КНИГА».
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-30. E-mail: sekr@enas.ru
<http://www.enas.ru>

Отдел реализации.
115114, Москва, Дербеневская наб., 11.
Тел. (495) 913-66-20. E-mail: seller@enas.ru

Фирменный магазин «Специалист».
115201, Москва, Каширский проезд, 9, стр. 1.
Тел. (499) 619-48-09. E-mail: magazin@enas.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, Смоленск, просп. им. Ю. Гагарина, д. 2.

Maple

K. H. Sch. 2/5 K. H. Sch. 2/5 K. H. Sch. 2/5